

СПБ

ЭД МАКБЕЙН

CRIME

Златовласка

Эд Макбейн
Румпельштильцхен
Серия «Мэттью Хоуп», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=130760

Эд Макбейн. Златовласка: Центрполиграф; М.; 1994

ISBN 5-7001-0179-3

Оригинал: EdMcBain, "Rumpelstiltskin"

Перевод:

Е. Иванова

Аннотация

Злобный карлик пришел к королеве и... Убита рок-звезда шестидесятых Вики Миллер, а ее дочка похищена. Мэтью Хоуп подозревает, что разгадка преступления – в блестящем прошлом певицы. Кто же, из знавших когда-то Вики Миллер и собравшихся теперь на ее похороны, мог совершить это злодеяние?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	40
Глава 3	66
Глава 4	110
Глава 5	136
Глава 6	184
Глава 7	226
Глава 8	288
Глава 9	325
Глава 10	366
Глава 11	390
Глава 12	413

Эд Макбейн

Румпельштильцхен

Посвящается Ларсу и Кэри Линдبلاد

Глава 1

Если верить утверждениям некоторых знающих людей, то существует определенный тип мужчин, доблестные представители которого сразу же после развода с женой сначала поспешно покупают себе мотоцикл, а затем начинают назначать свидания девятнадцатилетним девицам. Что же касается меня, то сам я для начала сначала выправил помятое крыло своего «Карманн-Гиа» и полностью перекрасил весь автомобиль в спокойный бежевый цвет, который очень хорошо сочетается с цветом песка на пляжах нашей Калусы. Свиданий же я не назначал вообще никому на протяжении целых шести месяцев после того, как суд вынес свое окончательное решение. Фрэнк, мой компаньон, утверждает, что все это крайне ненормально; именно он и является тем самым «знающим человеком», выдвинувшим теорию «Хонда + девица».

Но и сам ритуал «свидания» оказывается отнюдь непростой задачей для тридцатисемилетнего мужчины, прожившего в браке с одной и той же женщиной целых четырнадцать лет.

дцать лет, да еще когда и сам он, этот мужчина, к тому же одновременно является отцом дочери, которая совсем ненамного отстает по возрасту ото всех этих длинноногих девятнадцатилетних красоток с распущенными длинными волосами. Джоанно – тоже длинноногая и красивая по-своему – совсем недавно отметила свой тринадцатый день рождения, а еще стало заметно, что у нее начал увеличиваться бюст – событие, которого она с нетерпением ждала на протяжении последних нескольких лет своей жизни. Я безумно люблю ее, но теперь видимся мы с ней только по выходным (один раз в две недели), и еще мне дозволено брать к себе дочь ровно на половину ее школьных каникул.

По образованию я юрист, но это вовсе не означает того, что я же сам и занимался улаживанием всех дел вокруг своего собственного развода. В юриспруденции, точно так же как и в медицине, существуют свои собственные так называемые специалисты: юристы, занимающиеся исключительно вопросами недвижимости или только налогами, юристы, ведающие делами корпораций, специалисты в области авторского права или занимающиеся вопросами брачных, или семейных отношений; и вот этим последним – взять хотя бы Элиота Маклауфлина – больше подходит другое название – адвокаты по уголовным делам, потому что я уверен, что и сам он совершил крайне тяжкое преступление, позволив мне подписать то чересчур обременительное бракоразводное соглашение именно в том штате, который и так широко изве-

стен своим либеральным законодательством по части разводов. Но все же Элиот продолжал неустанно твердить, что именно я являюсь виновной стороной. А означало это следующее: хотя моей бывшей жене Сьюзен так и не удалось застукать меня «*flagrante delicto*»,¹ но тем не менее она все же прознала о том, что между мною и одной замужней тогда еще дамой по имени Агата Хеммингз имело место то, что иносказательно принято называть «связь». Кстати, с той поры со своим мужем дама эта тоже уже успела развестись, и теперь она проживает в Тампе. Но дело это уже прошлое, а что было, то прошло.

Мой компаньон Фрэнк говорит, что Калуса очень даже подходящее место, чтобы жить здесь постоянно, особенно если мужчина только-только развелся и неожиданно ощутил себя свободным, как вольный ветер. Сам же Фрэнк переселился сюда из Нью-Йорка (хуже этого ничего и быть не может!), а поэтому для него подобное признание можно считать потрясающе великодушным. А сводились все его намеки конечно же к огромному числу женщин: вдов, разведенных, а также все тех же уже ранее упомянутых малолетних прелестниц, – заполонивших все самые роскошные пляжи Калусы в поисках утешения, каким на некотором этапе им и служили солнечные лучи, и все они – опять же по утверждению Фрэнка – уже вполне созрели для того, чтобы ими кто-нибудь овладел. Но вот чего мне бы больше всего не хотелось,

¹ На месте преступления (лат.).

так это связываться с этими едва достигшими брачного возраста девятнадцатилетними малолетками; только при одной мысли об этом меня просто оторопь берет. О чем с вами поговорить после этого? О последнем альбоме Флитвуда Мака? Что же касается другой крайности, этих туго утягивающих талию и подсинивающих седые волосы шестидесяти-семидесятилетних вдовушек, то должен признаться, что они тоже мало волнуют мне, мужчине средних лет. Да, именно средних лет. По моим собственным расчетам я думаю, что скорее всего мне удастся дожить лет так до семидесяти-семидесяти пяти (ведь большинство женщин становятся вдовами примерно в этом возрасте), а тридцать семь – это как раз ровно половина от семидесяти четырех, так что вот вам и результат. А вот разведенные дамы – это совсем другое дело! За последние несколько месяцев я на собственном опыте убедился, что именно эта категория представляет самый широкий выбор относительно желаемой комплекции, размеров и цвета волос, а еще я заметил, что больше всего разведенных женщин приходится на возрастной промежуток между двадцати шестью и тридцати пятью годами, как раз то, что как нельзя лучше подходит для мужчины моего возраста. Фрэнк со всей присущей ему фанатичной уверенностью, на какую могут быть способны только нью-йоркцы, твердит о том, что на самом деле нам с ним не везет только в том, что большая их часть приезжает сюда из штатов Среднего Запада. А все это оттого, что если взять и провести на карте от го-

рода Колумбус, штат Огайо, прямую линию, ориентированную строго на юг, то линия эта пройдет как раз через самый центр нашей Калусы. А Фрэнк говорит, что Калуса это своего рода Мичиган, но только на побережье Мексиканского залива. Что ж, может быть он и прав.

По восточному берегу залива Калусы проходит 41-е шоссе, более известное всем под названием «ТаМайами-Трейл». Фрэнк считает, что это название произошло от небрежно-просторечного произнесения английского «ту Майами», то есть «дорога на Майами». И может быть здесь он тоже прав; если ехать по 41-му шоссе в южном направлении, то через некоторое время оно выведет как раз на Элигейтор-Эли, который затем пересекает весь полуостров Флорида непосредственно до восточного побережья штата. От материкового побережья в море уходят пять отмелей, пять рифов, но только три из них идут параллельно побережью материка с севера на юг – Стоун Крэб, Сабал и Виспер. Рифы Фламинго и Люси образуют огромные ступени, поднимающиеся из воды, соединяя материк сначала с рифом Сабал, затем со Стоун Крэб, на котором и находится совсем недавно здесь открытый ресторан, в зале которого пела Виктория Миллер.

Выдавшийся тогда январский вечер был нехарактерен для Калусы. И хотя прибывающим сюда туристам постоянно обещали именно такую погоду, но сбывались подобные обещания нечасто. За все долгие зимние месяцы средняя темпе-

ратура воздуха для Калусы равна 62 градусам по Фаренгейту, или плюс 17 по Цельсию, но это может означать только то, что дневная температура здесь доходить где-нибудь до пятидесяти с небольшим градусов, а это слишком холодно для того, чтобы плавать в океане или в бассейне без подогрева, а ночью она может упасть градусов до тридцати, из-за чего тем, кто занимается здесь выращиванием цитрусовых приходится в спешном порядке разводить костры под деревьями. Но в тот день погода была поистине замечательная: в безоблачном голубом небе ослепительно ярко светило солнце, и было очень тепло – градусов около восьмидесяти, не меньше. Когда вечером того же дня я припарковывал машину на стоянке за рестораном, с залива то и дело налетал нежный ароматный ветерок, и легкое облачко на мгновение было закрыло собой диск луны в небе; а затем чернеющая под ногами земля снова была неожиданно залита серебристым светом. Откуда-то издалека доносились звуки фортепиано. Я направился туда, где звучала музыка.

Ресторан под названием «Зимний сад» открылся в октябре, в самом начале сезона. В Калусе каждый год примерно добрая дюжина новых ресторанчиков заявляет о своем праве на долгое существование, но если к концу сезона вдруг удастся выжить хотя бы одному из них, то уже только этот единственный факт будет можно почитать за свершившееся чудо. По утверждению моего компаньона Фрэнка, в Калусе ни одна первоклассная затея не имеет абсолютно ника-

кого шанса на успех, потому что приезжие «жлобы» (он их иначе и не называет) заняты исключительно поиском местечек, где практикуются так называемые «семейные обеды» (за все про все – четыре доллара девяносто пять центов). «Зимний сад» же был поистине первоклассным заведением, и если верить Фрэнку, выходило, что заведение это неизбежно закроется через месяц-другой после открытия. Обслуживание здесь было на самом высоком уровне; ресторан этот отличался от всех прочих своей изысканной кухней (в городе как наш, где путешествующие владельцы трейлеров колесят по городу в поисках пиццерий и разного рода закусовых, где торгуют гамбургерами, подобная роскошь – это верный способ разориться), а внутреннее убранство ресторана было уже само по себе ошеломляющим. Интерьеры были спроектированы одним из наших клиентов, человеком по имени Чарльз Хоггс. Кстати, идея создания парка для прогулок в самом центре Риверпойн принадлежала ему же. Раньше на месте ресторана «Зимний сад» действительно существовал сад-питомник, и сохранившуюся оранжерею Чарли использовал под вход в сам ресторан, пристроив к ней холл, а позади него и главный зал, поделенный стеклянными перегородками на целую анфиладу небольших похожих друг на друга комнат. В дневные часы «Зимний сад» был всегда закрыт, так что ослепительное солнце не создавало здесь никаких проблем для посетителей. Владельцы ресторана воспользовались услугами одной женщины по имени Катрин Бренет,

с кем мне не так уж давно пришлось познакомиться в силу своей профессии, и должен заметить, что знакомство это оказалось далеко не из самых приятных. Так вот, в ее обязанности входило следить за тем, чтобы во всех помещениях заведения всегда стояли свежие цветы, которые должны были почти каждый день доставляться сюда из ее магазина «Ле Флер де Лиз», что находился в центре города на Саут-Бейвью, по соседству с Роял Палмс Отель. Мне казалось, что хозяйка «Зимнего сада» сделали это скорее всего ради Викки.

Тогда, в середине шестидесятых Викки пела хард-рок, но музыка, что по мере моего приближения к ресторану становилась все громче и громче, напоминала скорее что-то из репертуара биг-бендов поры конца тридцатых-начала сороковых годов, незадолго до того как ей или мне было суждено появиться на свет. Сам я родился в 1943 году, через год после того, как мой отец ушел на войну. Но на самом же деле, сражаться на фронтах Второй мировой войны ему вовсе не пришлось. В связи с тем, что до войны отец был практикующим юристом в Иллинойсе, то попав в армию, он тут же был назначен в канцелярию генерального прокурора военно-юридической службы, в связи с чем ему было присвоено офицерское звание и большую часть войны он провел в Форт-Брегг. Демобилизовался отец в 1945 году в звании подполковника. В годы отрочества и юности, проведенных мною в Чикаго, я слушал ту музыку, что была характерна для периода перехода от поп-музыки к року. Тогда моими кумира-

ми (помимо Элвиса, разумеется) были группы, названия которых по нашим сегодняшним меркам звучат уж как-то чересчур сдержанно: «Эллегантс», «Эверли Бразерс», «Плейтерс», «Чампс», «Дэнни энд Джуниорс» и тому подобные. Виктория Миллер не спешила появляться на сцене до тех пор, пока рок не завоевал себе прочных позиций. Это было в 1965 году, ей тогда только-только исполнилось двадцать, а мне было уже 23, и я в то время уже изучал юриспруденцию в Нортвестерне, решив пойти по стопам своего отца. К тому времени я, по-видимому, был уже слишком взрослым и решительно настроенным на свою будущую карьеру, чтобы продолжать еще и следить за тем, какие события происходят в мире популярной музыки; три недели назад при нашей первой встрече Викки упомянула название своего первого хита, разошедшегося в свое время миллионным тиражом, и ставшего «золотым» диском пятнадцать лет назад, и мне пришлось долго напрягать память, чтобы вспомнить его. (Да, кстати, назывался он «Безумие»). Группа с которой Викки выступала, называлась «Уит», и песня эта – позднее вышедшая отдельным синглом – вошла в альбом, записанный студией «Ригэл Рекордз». Сейчас такой фирмы уже нет, а в те годы у них были студии в Новом Орлеане.

В вестибюле ресторана висела афиша с фотографией Викки. Она была укреплена на одной из тех деревянных треног, что очень напоминают собой мольберт художника. Нет никакого сомнения в том, что фотография эта была сделана

профессиональным фотографом. На том фото длинные черные волосы, обрамлявшие лицо Викки, казались слишком уж приглаженными, улыбающиеся губы лоснились глянцевым блеском, а в зрачках ее темных глаз сверкали те точечные блики света, подметить которые могут только профессиональные фотографы, что позволяет им сделать фотографию «живой». Викки казалась совсем не похожей на себя, на том фото не было совершенно видно ее характера. А еще на той афише она выглядела намного моложе своих почти тридцати пяти лет, и мне показалось, что фото это было сделано еще тогда, когда Викки была в зените славы, в дни когда она наслаждалась пьянящим успехом, обрушившимся на нее после выхода трех ее альбомов. Надпись под фотографией гласила: «СЕГОДНЯ В ПРОГРАММЕ: ВИКТОРИЯ МИЛЛЕР, СТУДИЙНАЯ ПЕВИЦА». «Студийной» певицей Викки не была вот уже почти двенадцать лет. И вот теперь с пятницы она пела в «Зимнем саду». Я же шел туда в воскресенье. Все дело в том, что весь этот уикэнд я провел вместе со своей дочерью Джоанной, и все это время мы были на моей яхте, названной мною «Пустозвон» (это единственное материальное приобретение, доставшееся мне от брака), на которой мы доплыли до Санибеля и вернулись затем обратно, и теперь прошло лишь всего полчаса, как я отвез Джоанну обратно к Сюзен. В тот вечер мне впервые выпала возможность побывать на выступлении Викки, и я ждал этого с большим нетерпением. Тем временем часы показывали уже без десяти минут де-

вать, и хозяйка, одетая в длинное черное платье с высоким разрезом до самого бедра, подвела меня к столику, находившемуся у самой сцены. В Калусе было много «семейных» ресторанов, практиковавших ранние ужины для пожилых горожан, и цены для них при этом были существенно снижены. Для этих же «халявщиков», как я обычно называл их, когда мне особенно хотелось досадить своей бывшей жене, устраивали также и специальные «удешевленные» сеансы во многих городских кинотеатрах: иди в кино на пять вечера, и за вход с тебя возьмут всего полтора доллара. Но что касается «Зимнего сада», то здесь хозяева пытались привлечь совсем другую клиентуру, так сказать более утонченную и возвышенную, чем все эти трясущиеся от старости леди в своих неизменных танкетках и их незадачливые спутники в пестрых гавайских рубашках. В «Зимнем саду» время ужина наступало только в семь часов вечера. У Викки было запланировано по одному концерту каждый вечер, в девять часов. Время это было выбрано с таким расчетом, чтобы ее выступление могли увидеть и те, кто уже отужинав, задерживался в ресторане, чтобы посидеть в холле и пропустить еще бокал-другой вина, а также и те из посетителей, кто был непрочь провести здесь несколько часов, остававшихся до полуночи, отдавая предпочтение более крепким напиткам. Расположившись за столиком, я огляделся по сторонам: в помещении помимо меня находилась еще небольшая горстка людей – не очень-то обнадеживающий признак.

В Калусе почти каждый ресторан или бар старался предложить хоть что-нибудь из разряда «живых» развлечений, но чаще всего «развлечение» это состояло из какого-нибудь одного единственного бородатого переростка, бренчащего на гитаре и исполняющего под собственный аккомпанимент одно из двух: или что-нибудь из фольклора или же «...мелодию, которую я сочинил прошлым летом во время путешествия в восхитительных горах Северной Каролины». Но все же следует сказать, что человек, сидящий теперь за роялем, был на самом деле настоящим музыкантом, заслуживающим внимания. Ему удалось сделать себе карьеру концертного пианиста, после чего он отошел от выступлений, уехал из Нью-Йорка и обосновался в доме на рифе Сабал у нас в Калусе. Он часто аккомпанировал гастролировавшим певцам в зале «Хелен Готлиб Мемориал Аудиториум». Было видно, что «Зимний сад» ни в чем не скупился на то, чтобы переманить к себе клиентуру от своих многочисленных конкурентов. Январь в Калусе был решающим месяцем сезона, и если им не удастся заработать большие «бабки» теперь или за последующие месяцы, то очень возможно то, что после Пасхи они просто напросто окажутся не у дел.

Ровно в девять свет в зале погас, и чей-то голос объявил: «Дамы и господа... Мисс Виктория Миллер». Викки появилась подобно призраку. Она была одета во все белое и тут же оказалась в круге яркого света, который решительно вывел ее на небольшую сцену. Викки слегка дотронулась до плеча

аккомпаниатора, поприветствовав его таким образом, и, застенчиво склонив голову, встала у рояля. Затем она вскинула голову и отбросила назад свои длинные черные волосы, при этом лучезарно улыбнувшись присутствующим. Окружавший Викки круг света плавно исчез, и ему на смену пришло холодное голубое сияние, придававшее ослепительно белому платью Викки какой-то ледяной оттенок. Прозвучало несколько затянутое музыкальное вступление. Казалось, что Викки хотела сначала перевести дыхание. Она взяла в руки микрофон и запела.

Если быть до конца честным, пела она ужасно.

– И как я сегодня? – спросила она.

Мы ехали в моей «Карманн-Ги», двигаясь по кольцевому шоссе Люси-Сэкл. Часы в машине показывали время – 23:05. Викки сменила свое концертное платье на повседневную одежду; на ней была темно-синяя юбка, открытые лодочки на высоких шпильках, белая блузка и светло-голубой кардиган. Они сидела в довольно свободной позе, закинув ногу на ногу и нервно покачивая при этом ступней. В жизни кроме Викки мне приходилось знать еще одного человека, которому приходилось выступать на публике. Это был студент университета в Нортверстерне, подрабатывавший по выходным в зале, где проводились кулачные бои. В его задачу входило развлекать публику в перерывах между поединками. После каждого такого выступления нервы у него были взвинчены до предела, и казалось, что он весь вибрирует,

словно высоковольтный провод под напряжением. С Викки сейчас творилось нечто подобное, она сидела рядом со мной, и ее откровенно била дрожь. И это было мне на руку, потому что в тот день я рассчитывал наконец-то затащить ее в постель.

– Ты были просто неотразима, – сказал я.

– Как ты думаешь, им понравилось?

– Конечно, они все были просто без ума от тебя, – ответил я.

– Я уже как-то подумала об этом, но, ведь нам не дано предугадать...

– А разве ты сама в этом не уверена?

– Нет, абсолютно нет.

– Но ведь ты же сама слышала, какие были аплодисменты, – продолжал я настаивать на своем.

– Да, сегодня они действительно много хлопали, – согласилась со мной Викки.

Автомобильное движение на Люси-Сэкл все больше выводило меня из себя. Из ресторанов выходили на улицу засидевшиеся посетителя, и шумные компании великовозрастных деток съезжались сюда, чтобы присоединиться к сверстникам, веселящимся в двух расположенных недалеко от шоссе дискотеках. Поток автомашин на Сэкл был всегда очень напряженным. Днем здесь было невозможно припарковаться, а ночью – проехать. И вообще, вся эта чертова дорога была одинаково неудобна всегда и для всех, кроме, на-

верное, владельцев расположенных здесь разного рода маленьких магазинчиков, торгующих сувенирами, а также ювелирных магазинов и множества супермаркетов. Но со Стоун-Крэб на материк можно было попасть лишь по одному единственному шоссе, проходившему по изогнутому мосту, соединявшему Стоун-Крэб с Сабалом; и далее путь пролегал по кольцевой дороге на Люси, а там уж было можно выехать наконец на Кортес-Козвей. Слева от меня неожиданно раздалась автомобильная сирена, и я быстро вывернул руль вправо и тут же тихо выругался, увидев, что с той стороны с нами поравнялась машина с компанией развлекающихся подобным образом подростков; сидевший рядом с водителем парень смотрел в нашу сторону.

– Как ты думаешь, они много разговаривали? – снова спросила у меня Викки.

– Ты о ком?

– О зрителях. Пока я пела.

– Нет, что ты!.. Это не принято.

– Правда?

– Ну... я хотел сказать... а разве ты сама не знаешь?

– Если сказать честно, то нет, – ответила она.

– Что ты имеешь в виду?

– Я никогда не выступала «живьем».

– Никогда?

– Никогда.

– Это когда твои записи стали хитами?

– Да.

– И ты не пела со сцены?

– Нет. – Почему же?

– Эдди был против этого.

– Эдди?

– Мой продюсер. В «Ригэл Рекордс».

– А-а...

– Эдди тогда все говорил, что это может плохо сказаться на продаже записей. Ему хотелось, чтобы все шли и покупали мой голос в записи. Понимаешь?

– А может быть он в этом был и прав...

– О, разумеется! Знаешь, все-таки три «золотых» диска – это много.

– Конечно, – охотно согласился я.

– Но ты думаешь, я им понравилась, а?

– Они все были просто без ума от тебя.

– А я так волновалась... Это было заметно? То, что я волновалась?

– Ничуть.

– Я бы сейчас с удовольствием бы выпила чего-нибудь, – продолжала она. – И еще мне хочется травки. У тебя дома есть травка?

– К сожалению нет, – ответил я.

– Ну тогда может быть ты не будешь возражать, если мы сейчас отправимся ко мне?

– Ну...

В этот момент я думал о ее дочери. Я думал о том, что у меня дома нет шестилетней дочери, чья комната находилась бы на другой стороне коридора, как раз напротив маминой спальни. Я думал, что в моем доме есть прекрасный большой бассейн, в котором мы могли бы порезвиться перед тем, как приступить к делу более основательно. Я думал, что у меня в спальне стоит замечательная по своей величине, просто-таки королевских размеров кровать, и что как раз в то утро она была застелена свежим бельем, и еще я думал, что нам оставалось только забраться на это царское ложе, чтобы наконец свершилось то, что уже и без того манило нас обоих и в то же время раз за разом откладывалось вот уже на протяжении трех недель – а в действительности же, трех недель и еще двух дней, потому что познакомились мы на открытии галереи вечером в пятницу три недели назад, а сегодня было воскресенье – потому что пришло время в полной мере познать истинный потенциал наших отношений, и одновременно с этим все там же, на моем королевском ложе, сегодня ночью должен был завершиться период наших, так сказать, пробных ухаживаний, и уж там-то, в моем доме никакая шестилетняя девочка-ангелочек не будет бродить ночью по коридору и не станет просить мамочку дать ей попить. Я не хотел ехать к Викки, и мое это «ну...» неприкрыто указывало на это – едва дрогнувший голос и уловимые в нем нотки сомнения, говорящие скорее о нежелательности подобного решения, на самом же деле всегда были верными спутниками

ничем непоколебимого упрямства.

– Вот тебе и «ну», – сказала Викки мне в ответ, и оба мы замолчали.

Мы уже ехали по Козвей. Справа и слева от нас простирались воды залива, и из машины мне были видны огни нескольких стоявших на якоре яхт. Мы молчали всю дорогу, пока проезжали по мосту. Я остановился у светофора на пересечении Кортез-Козвей и 41-го шоссе. Молчание начало затягиваться. К моему дому вела дорога, сворачивающая налево и ведущая на север; к дому Викки шло шоссе, уходившее вправо от перекрестка. А стоять на самом перекрестке у светофора на углу Кортез и 41-го шоссе приходилось всегда долго.

– Но выход-то мы могли бы найти... – я заговорил первым.

– Да?

– Сначала заедем к тебе за травкой, если только за этим дело стало...

– Да?

– А потом вернемся ко мне.

– Угу.

– Если, конечно, тебе этого хочется.

– Но мне очень хочется для начала закурить косячок, понимаешь?

– Отлично, если все упирается только...

– Так что давай, если это не трудно...

– Совсем не трудно...

– Тогда заедем сначала ко мне...

– Разумеется, так мы и...

– И я еще только заодно посмотрю, как там Элли...

– В этом даже что-то есть...

– И я еще попрошу няню задержаться ненадолго.

– А может быть она согласится остаться у тебя на всю ночь, – предположил я.

– Нет, вряд ли. Ей всего лишь пятнадцать.

– Ладно, тогда скажи ей...

– Я скажу ей, чтобы она задержалась еще на два или три часа – так нормально?

– Замечательно, – одобрил я.

– Вон свет зажегся, – сказала Викки.

– Что?

– Зеленый свет.

Всю дорогу от 41-го шоссе до Кросс Ривер Мол и затем еще на восток до самого дома Викки перед глазами моими то и дело проносились самые сладкие и соблазнительные видения. Еще бы! Мы были знакомы уже целых три недели и еще два дня, и за это время нам всего два раза удалось куда-то выбраться вместе: первый раз в ресторан, а во второй раз – на вечерний сеанс в кино. Как раз во время нашего второго свидания (ненавижу это слово) мы уже было очень удобно расположились на диване в гостиной ее дома, но тут в эту комнату вдруг вошла шестилетняя Элисон. Она терла кулачками глаза, и ей было очень интересно узнать, что же

это за красивый дядя, и потом еще она попросила разрешения показать мне рисунки, которые она в тот день нарисовала в школе. Мне было показано четырнадцать рисунков. Это были очень неплохие рисунки. Я не знал даже полного имени маленькой нахалки – после развода Викки вернула себе свою девичью фамилию – но я тем не менее в душе проклинал эти ее изумительные способности к рисованию. А еще ей очень хотелось узнать, почему это вдруг у мамочки расстегнута блузка. Викки была без бюстгалтера; я сделал для себя это открытие за пятнадцать минут до того, как Элисон так не вовремя появилась в гостиной. Викки застегнула пуговицы, а Элисон уселась на ковер перед нашим диваном и начала опять водить по бумаге своими пастельными мелками, при этом ее длинные темные волосы постоянно спадали ей на глаза. Часы на каминной полке показывали уже без десяти час. Между прочим, ночи. Я спросил у Элисон, а не кажется ли ей, что сейчас уже самое время отправиться спать, чтобы завтра она могла бы легко проснуться пораньше и отправиться на солнечный пляж прямо с самого утра. Элли ответила мне на это, что она терпеть не может ходить на пляж. («На солнце я становлюсь красной как рак», – она прямо так и сказала). У Элисон был врожденный талант к рисованию. Часы прозвонили половину второго, и к этому времени она успела нарисовать для меня еще семь рисунков. Когда же она наконец зевнула, угасшая было во мне надежда на лучшее, возродилась с новой силой. Но Элисон просто-напросто вы-

шла на минутку в кухню, чтобы сделать себе там бутерброд с арахисовым маслом и вареньем. Она и мне предложила откусить от него. Короче, ушел я оттуда в два часа ночи, размышляя по пути, какое наказание может угрожать мне за искушение шестилетних девочек в целях самообороны. Лучше всего было спросить об этом у Бенни Вайса, ведь он как-никак адвокат по уголовным делам.

Но уж сегодня ночью... Ох, сегодня!..

Все предзнаменования успешного исхода сегодняшнего вечера были налицо. Начать хотя бы с того, что Викки пригласила меня на свои самые первые концерты в «Зимнем саду», и, кажется, сделано это было ею преднамеренно, и отнюдь не случайно. Викки выбрала именно меня, чтобы именно я смог разделить с нею это значительное событие в ее жизни, ведь она снова пела перед зрителями – нет, постойте, она ведь никогда не пела «живьем», она же сама мне в этом призналась – но тогда все равно она снова пела, снова после почти двенадцатилетнего перерыва. И теперь она выбрала меня, чтобы я помог разделить с ней все те чувства, что это значительное событие оставило в ее душе. И все, о чем она просила меня и было-то всего-навсего разрешить ей захватить домой за травкой, которая наверняка поможет ей расслабиться в моей уединенной гостиной, и мы оба будем сидеть там, накуриваясь до безумия (сам я начал время от времени покуривать марихуану только после развода), и вот как раз в это время я сначала сниму с нее этот голубой кардиган,

а потом и тонкую блузку из белого шелка, и уж тогда я снова смогу увидеть ее изумительной формы грудь, до которой мне удалось лишь слегка дотронуться в прошлую пятницу (перед тем, как Элисон появилась в гостиной и обратила внимание матери на то, что один из ее упругих сосков уже собрался оказаться наружи), а затем на полу окажется синяя юбка и колготки – я терпеть не могу колготок; я считаю, что кто бы там ни оказался их изобретателем, но уже за одну эту придумку его следовало бы немедленно пристрелить, поставив рядом с ним к стенке заодно и того, кто придумал эти идиотские электрические сушилки для рук, что теперь развешаны повсеместно на стенах мужских туалетов по всей Америке – и потом мы бы вместе пошли ко мне в спальню, где я откинул бы покрывало с постели, и мы скользнули бы в прохладу свежих простыней и уже наконец-то смогли бы познакомиться поближе. Мысль об этом меня чрезвычайно возбуждала, и я вел машину намного быстрее, чем следовало бы; полицейские в Калусе, штат Флорида, не отличаются особой снисходительностью к гонщикам, подобным мне.

Викки жила в небольшом доме на улице, носящей название Цитрус-Лейн на восточной границе округа. Если проехать дальше еще миль шесть по этой же дороге, то можно оказаться среди пастбищ. Это была одна из тех подробностей о Флориде, что первое время поражали меня. Если уже человек родился и вырос в Иллинойсе, то само собой разумеется, что он будет думать, что вся Флорида состоит исклю-

чительно из пальм и пляжей. Но в этом штате имеется к тому же и целых два миллиона голов скота, и вы еще не успеете отъехать достаточно далеко от Калусы, как по обе стороны от вас протянутся мили и мили огороженных пастбищ, и будет казаться, что все коровы глядят куда-то в одну и ту же сторону. Я подъехал к дому Викки, и заметил, что свет в ее доме горел только в одном единственном окне.

– Ты не хочешь зайти? – спросила у меня Викки.

– Но ведь ты же ненадолго, правда?

– Я только возьму травку, – ответила она, – и взгляну на Элли.

– Тогда я тебя здесь подожду.

– Я быстро, – сказала она, и нагнувшись ко мне, положила свою руку мне на бедро и глубоко меня поцеловала. Затем она быстро вышла из машины. Я видел, как Викки подошла к своей двери. Мне казалось, что ростом она была где-то около пяти футов и восьми дюймов, а ее длинные черные волосы доходили ей почти до лопаток, и еще они очень плавно покачивались при каждом шаге ее длинных стройных ног. Я уже в сотый раз отметил про себя, что у нее была поистине замечательная попка и превосходные ноги; и я снова представил, как я буду раздевать ее. Сидя в темноте за рулем своей машины, я услышал, как, по-видимому, до этого тихо копавшийся в оставленном кем-то мусоре енот наконец обрушил все с диким грохотом. Я надеялся, что он не разбудил этим Вредину-Элисон.

Как и было обещано, Викки вернулась очень быстро. Но она подошла к машине не с той стороны, где сидела до этого, а с моей. Она взялась за край опущенного стекла в дверце и сказала мне через окно:

– Мне очень жаль, Мэттью.

– В чем дело?

– Я не могу поехать с тобой.

– Почему же?

– Элли заболела.

Не знаю отчего, но мне сразу же показалось, что Викки говорит мне неправду. Возможно, поводом для этого послужило мое собственное разочарование. Все волнующие кровь мужские мечты о завоевании были разбиты вдребезги, и это сокрушительное низвержение произошло в полночной тишине Цитрус-Лейн.

– Она кашляла весь вечер. Няня говорит, что у нее может подняться температура.

– Да, я... это очень плохо, – выдавил из себя я.

– А почему бы тебе не зайти?

– Но ведь если твоя дочь заболела...

– Няня дала ей никвил. Она уже заснула.

Я заколебался. Уже имевшийся у меня горький опыт подсказывал мне, что Элисон ничего не стоит опять проснуться. А с другой стороны, если ей на самом деле дали что-нибудь, что смогло бы уговорить ее...

– Вот как...

Но все же я не мог отделаться от ощущения, что Викки обманывала меня.

– Пожалуйста, зайди. Я так хочу, чтобы ты остался.

Я кивнул.

– Остаешься?

– Хорошо, думаю, что да.

– Спасибо, – сказала она.

Няня Элисон дожидалась нас в гостиной. Это была круглолицая девочка-подросток. На ней были голубые джинсы и рубашка навывпуск.

– Это мистер Хоуп, – представила ей меня Викки. – Так сколько там у нас выходит часов, Шарлен?

– Четыре, – ответила Шарлен. – Привет.

– Привет, – ответил я.

Викки отсчитывала деньги. Она протянула Шарлен стопку банкнот. Шарлен пересчитала их дважды, а затем сунула деньги в правый карман джинсов.

– Все в порядке, спокойной ночи, – сказала она.

– Мне тебя проводить до дома? – спросила у нее Викки.

– Зачем? Это же здесь недалеко, лишь улицу перейти.

– Я все-таки дождусь, пока ты войдешь в дом, – настояла на своем Викки.

– Конечно, – ответила ей Шарлен. Казалось, она была чем-то озадачена. – Ну, спокойной ночи, – снова повторила она и вышла на улицу. Викки стояла у порога и смотрела, как девушка перешла через улицу и подошла к дому по ту сто-

рону дороги. В окнах там горел свет, и я подумал, что это, должно быть, была гостиная. Шарлен открыла дверь и помахала Викки рукой, давая таким образом ей знать, что она уже благополучно добралась до дома, затем она вошла внутрь, и дверь их дома захлопнулась. Свет над входом в доме через улицу погас, а окна гостиной были все еще освещены. Викки закрыла и заперла дверь своего собственного дома.

– Итак, – сказала она.

– Итак, – отозвался я. Я думал о шестилетней Элисон в маленькой спальне по ту сторону коридора. Я думал о ее рисунках и еще одном ночном вернисаже. Викки словно читала мои мысли.

– Не беспокойся, – проговорила она, – Эли спит.

Потом она на мгновение задержала дыхание, точно так же как перед своим выступлением сегодня вечером и подошла ко мне. Она прижалась ко мне всем телом, нашла своими губами мои, и мы поцеловались.

Травка была хорошим средством. Доставлялась она сюда на какой-нибудь рыбацкой лодке, одной из тех, что без устали бороздят воды Мексиканского залива, и выгружался этот товар на каком-нибудь из Богом забытых пустынных пляжей Флориды; по своему размаху наркобизнес является воистину второй по величине, если можно так сказать, отраслью промышленности штата Флорида. По идее, несколько затяжек должны были бы помочь Викки успокоиться, но, казалось, они не произвели на нее совсем никакого впечатления. Не

помог ей также и коньяк, который Викки разлила в огромные сужающиеся кверху бокалы. Ее напряжение было почти осязаемым. Она вздрагивала от каждого звука, доносившегося сюда с улицы – то какой-нибудь котяра принимался скрипуче выводить любовную серенаду своей кошечке, то вдру полночную тишину улицы нарушал звук проезжавшего мимо автомобиля или же поезд проносился где-то вдалеке. Мы включили телевизор и уселись на диване как раз напротив него, и черно-белые кадры какого-то старого фильма, мелькавшие на экране, были единственным источником света в комнате, и темнота объединяла нас еще больше. Мы сидели и потягивали коньяк из бокалов. Я не ощущал никакой опасности, которая могла бы угрожать этой идиллии. И я уже действительно поверил в то, что Элисон на самом деле будет всю ночь спать в своей кроватке, и мне не нужно будет словно в юношеском порыве спеша нащупывать пуговицы, и нет абсолютно никакого повода для отчаянных и торопливых поцелуев, призванных соблазнить и завлечь до наступления неизбежного признания. Но Викки все еще дрожала в моих руках.

– Ну давай, – прошептал я ей, – расслабься. Все уже позади.

Я имел в виду ее сегодняшнее выступление в «Зимнем саду».

Викки вздохнула и очень тихо проговорила:

– Как бы мне хотелось, чтобы это было именно так.

Я не знал, что она имела в виду.

Она снова вздохнула; я вдруг понял, что вся эта ее ма-
нерность была вызвана нервными переживаниями. А потом
вдруг ни с того ни с сего, может быть от волнений перед ве-
черним выступлением, а может быть от смешения одновре-
менно марихуаны и коньяка, она вдруг начала рассказывать
мне о своем сказочном пути к успеху, о том как она была
рок-звездой шестидесятых, и слушая ее, я чувствовал, что
в тот момент мы были с ней близки, близки как никогда со
времени нашей первой встречи. Есть такие мужчины – и я
вынужден стыдливо признать, что я тоже вхожу в их число –
которые хотят оказаться с женщиной в одной постели только
потому, что она, как им кажется, «сексуальна», вне зависи-
мости от того, что вообще это понятие может включать в се-
бя, не обращая внимание на то, что некое сочетание бедер и
губ, и волос, и груди может все-таки создать образ того, кто
впоследствии становится наиболее желанным. И пока Викки
рассказывала мне о своем захватывающем звездном восхож-
дении, я уже начинал все больше и больше ее обожать. То-
гда мне хотелось лечь с ней в постель только по одной един-
ственной причине: потому что после трех недель и двух дней
нашего знакомства она мне по-настоящему и всерьез нрави-
лась.

Викки рассказала мне, что до того, как ее «открыли», как
потом писали об этом в газетных и журнальных статьях, по-
священных ее песням, она иногда выступала с разовыми кон-

цернами в мотелях, разного рода клубах и придорожных закусточных, имевшихся в великом множестве как в самом городке Литтл-Рок, штат Арканзас, так и в его окрестностях. Все эти концерты так и проходили никем незамеченными, да и сама она, казалось, не возражала против подобной анонимности. Двейн, ее отец, – он остался вдовцом, когда Викки было четырнадцать лет – стал всячески способствовать творческой «карьере» дочери с тех пор, как ей впервые заплатили гонорар в десять долларов за ее самое первое выступление в винном погребеке «Уголок Рокки», что в Свит-Хоум, Арканзас, совсем недалеко от Литтл-Рок. В 1964 году Двейн однако решил, что его девятнадцатилетней тогда уже дочери судьбой предопределен лучший удел. В один из выходных он живенько усадил Викки в их фамильный Бьюик-седан выпуска 1962 года и затем отправился в нем сначала в Мэмфис, а затем повернул на север к Нэшвиллу, где записывающих компаний было, как ему тогда казалось, больше, чем у собаки блох. После четырех дней непрерывного блуждания по тротуарам и безрезультатного обивания порогов, Двейн и его уже взрослая дочь познакомились с одним молодым гитаристом, столкнувшись с ним в холее отеля «Холидей Инн», где и сами они остановились. Новый знакомый уверенно принялся обрисовывать им сложившуюся ситуацию, признав, что в Нэшвилле все шансы на успех равны нулю из-за непомерно большой конкуренции, так как весь город, по его словам, просто кишмя кишел толпами амбици-

озных музыкантов. Единственным место, где можно еще на что-то рассчитывать, убеждал он их, оставался Новый Орлеан, куда он сам и собирался отправиться, уже полностью расплатившись за номер в гостинице и купив себе билет на автобус, идущий на юг. Гитариста этого звали Джефффри Гамильтон, впоследствии он стал ведущим гитаристом группы «Уит», той группы, что аккомпанировала Викки при записи ее первого хитового альбома.

Отчего Гамильтон решил, что Новый Орлеан – «единственное место», так и осталось для Викки непостижимой тайной. Безусловно, там были записывающие компании, но все они в основном занимались джазом, и очень-очень немногие из них желали иметь дело просто с настырными непрофессионалами. И одной из таких фирм, все-таки уделявших внимание любителям, была фирма «Ригэл² Рекордс» во главе которой стоял ее президент, человек по имени Энтони Кениг, и вне всякого сомнения, название студии было напрямую соотнесено с фамилией президента, потому что «Konig» по-немецки значит «король». Тогда в 1964 году Кениг был большим и привлекательным сорокалетним мужчиной. К тому времени он уже получил наследство, доставшееся ему от отца – состоятельного фермера, занимавшегося выращиванием сои в округе Вест-Кэрролл – и теперь он собирался создать свою собственную марку в музыкальном бизнесе. Можно только догадываться, каким образом

² Царский, королевский.

Виктории Миллер, высокой и возбуждающе-привлекательной, умевший уже только одним своим видом пробудить в мужчине чувственное желание, удалось поразить воображение господина Кенига, но он немедленно устроил прослушивание для нее и для ее странствующего друга-гитариста, а после этого свел их с двумя музыкантами, из тех кого он прослушивал раньше – бас-гитаристом и ударником, впоследствии организовавших вместе с Джеффри Гамильтоном группу «Уит».

– Это было настоящим началом, – проговорила Викки и снова вздохнула. – О, Мэттью, кажется, что это было так давно, – она придвинулась ко мне, и вдруг поцеловала меня очень неожиданно нежно и глубоко, потом Викки поднялась с дивана, затушила в пепельнице оставшийся от «косячка» окурок и снова повернулась ко мне, – я хочу, чтобы мы занялись любовью немедленно, прямо сейчас.

– Да, – отозвался я.

– Прошу вас, – она протянула мне руку.

В свете последовавших за этим событий я бы решился на то, чтобы утверждать, что последующие три часа, проведенные мной в спальне Викки имели под собой какую-то тайную основу, некую цель, не имевшую ничего общего с любовным актом. И даже потом мне казалось, что во всем этом присутствовало уж очень чрезмерное желание понравиться, и почти навязчивая идея всенепременно произвести незабываемое впечатление, это можно было даже назвать просто де-

монстрацией своих возможностей, что должно было бы быть занесено в летописи таких же любовных марафонов, как эта наша «Ночь ночей», возможно даже для того, чтобы побить все существующие рекорды из увесистой книги мистера Гиннеса. После развода мне приходилось оставаться наедине с женщинами, которые выкладывали передо мной весь свой секс-арсенал, все, на что они только были способны. Скорее всего в тот момент они чувствовали себя так, словно им пришлось оказаться на месте фокусника, желающего поразить всех своей сноровкой и умением. Мне приходилось бывать с женщинами, застенчиво строившими из себя девственник, обладая в то же время настолько мощным сексуальным потенциалом, которому, наверное, могли бы позавидовать все шлюхи Бомбея вместе взятые. Я спал с женщинами, желавшими учиться («Мэттью, я правильно это делаю?») и желавшими учить («А сейчас я сделаю тебе так хорошо, как тебе еще ни с кем не было»). Были у меня женщины, легко шокируемые («О Боже, это же просто отвратительно!») и такие, кто сам мог запросто шокировать («Мне однажды пришлось заниматься этим с двумя неграми и кобелем лабрадора»), но эти три часа, проведенные с Викки Миллер на ее кровати, в ее спальне, в то время как дочь ее безмятежно спала в своей комнате, были часами самого дикого и беспощадного секса из всех тех, что мне когда-либо пришлось испытать, занимаясь любовью с любой другой женщиной или даже с двумя женщинами сразу.

К половине третьего утра я полностью выдохся, пресытился по уши и уже просто тихо желал, чтобы маленькая Элисон постучала в дверь спальни и попросила бы дать ей что-нибудь от кашля или хотя бы спросила, где взять горчичный пластырь. А Викки, казалось, еще только-только начинала. Я не знаю, как ей удалось еще раз подготовить меня к покорному служению ее совсем еще не угасшей страсти, но так или иначе это снова свершилось. И когда наконец я снова откинулся на подушку, маленькие фарфоровые часики в гостиной пробили три раза, а ее неутомимая рука уже вновь беспокойно и умоляюще задвигалась там, где у меня уже и так все болезненно трепетало, и я уже начал опасаться, что все-таки очень права была моя мать, когда время от времени она начинала твердить мне, будто бы эта штука может напроць отвалиться, если я стану ею чересчур злоупотреблять. Кажется, это был как раз тот случай. Викки снова склонилась надо мной.

– Викки, – измученно проговорил я, – мне надо идти.

– Нет, – отозвалась она, – не надо.

– Мне действительно...

– Остайся на ночь.

– Не могу.

– Нет, можешь.

В тот момент я думал и о том, что в девять утра мне нужно будет быть уже в офисе. Я думал также и о том, что если бы моей собственной дочери было бы теперь шесть лет, то мне

вовсе не хотелось бы, чтобы она, проснувшись утром часов в восемь, обнаружила бы голого чужого мужчину, бредущего к тому же в ванной у ее матери. И еще я думал о том, что с меня этого уже достаточно. Мне казалось, что полученного сегодня мне с лихвой хватит на очень долгое время и даже еще останется про запас.

– Останься, – прошептала она и опять настойчиво припала ко мне губами.

– Викки, милая, я люблю тебя, но...

– Нет, ты меня не любишь, – возразила она мне.

– Радость моя, я...

– Тогда останься.

– Я не могу больше...

– Останься, если любишь меня.

– Нет...

– Ну пожалуйста.

– Я не могу...

– Мэттью, пожалуйста, останься Мэттью, ну пожалуйста, дорогой, не уходи любимый, пожалуйста, Мэттью, пожалуйста...ста...

Ее голос мелодично и завораживающе мурлыкал над моим обессиленным телом, а затем она быстро и решительно поднялась надо мной: «Пожалуйста, Мэттью, малыш останься со мной ну малыш ну скажи мне „да“ ну пожалуйста Мэттью...», – она бормотала это, глотая слова, она приказывала и умоляла одновременно, это была возбужденная дикая

самка со слишком разыгравшимся аппетитом, чтобы этот голод можно было так запросто утолить – примерно так я думал тогда. Когда же наконец она признала свое поражение, когда она наконец поняла, что даже этим умоляющим ртом ей не удастся добиться от меня даже сколь-нибудь призрачного намека на желание вновь обладать ею, она вновь переменяла положение, и теперь, усевшись на меня сверху, Викки осторожно взяла мое лицо в свои ладони, наклонилась вперед и начала нежно целовать меня в губы и щеки: «Мэттью, просто останься здесь со мной, ладно? – упрасивала она. – Я обещаю, что больше ничем не потревожу в тебя, я только хочу заснуть в твоих объятиях, ты ведь сделаешь это ради меня, Мэттью, Мэттью, ты просто скажи мне, что ты останешься здесь ради меня, ну пожалуйста, Мэттью», – слова ее перемежались теми трепещущими поцелуями и легкими прикосновениями ее языка. На часах было уже десять минут четвертого. Я медленно и крепко поцеловал Викки в губы, а затем снял ее с себя и заглянул в ее глаза.

– Викки, – снова заговорил я, – мне на самом деле нужно идти.

– О'кей, – вдруг резко ответила она, – замечательно, – она быстро отодвинулась и, повернувшись спиной ко мне, натянула на себя простыню.

– Ведь у меня вся одежда дома...

– Ну конечно.

– Одежда, в которой мне идти на работу...

– Ну да.

– И кейс...

– Но что же ты тогда не уходишь? – спросила она.

– Викки, – сказал я, – мне было бы очень неудобно, если бы твоя дочь застала меня здесь, когда...

– Зато ты кажется не очень-то смутился, когда трахал меня, – отпарировала она.

– Викки...

– А теперь просто уходи, ладно?

Я молча и быстро оделся, а потом подошел к кровати, на которой она осталась лежать, так и не глядя в мою сторону. Я попробовал поцеловать ее на прощание.

– Не стоит, – сказала она.

– Я позвоню завтра, – проговорил я, – точнее, уже сегодня.

Ток что попозже сегодня.

– Не утруждайте себя так, – таков был ее ответ.

– Викки, дорогая...

– Спокойной ночи, Мэттью, – перебила она меня.

Я начал было обдумывать, что бы мне ей еще сказать, но потом решил, что лучше не стоит этого делать. Я уже направился к двери спальни, как она проговорила мне вслед: «Ты еще пожалеешь об этом...» Я обернулся и взглянул на нее. Она все так же лежала, и темные ее волосы разметались по подушке, а она даже не взглянула в мою сторону. Я быстро вышел из комнаты.

Живой мне ее больше не суждено было увидеть.

Глава 2

Мой напарник Фрэнк называет «Саммервиль и Хоуп», нашу фирму, юридической лавкой древностей, потому что мы занимаемся всем сразу, а не отдает предпочтение какой-нибудь одной области юриспруденции. В нашей конторе мы работаем втроем – Фрэнк, я и еще молодой человек по имени Карл Дженнингз, который всего год назад получил право адвокатской практики. Обычно мы распределяем всю работу между собой. А если вдруг оказывается, что какой-либо случай требует для своей проработки каких-либо особых навыков и умений, которыми никто из нас не обладает, то мы отдаем это дело на откуп в другую контору. Очень редко мы связываемся с какими бы то ни было судебными разбирательствами, предпочитая оставлять подобные дела тем адвокатам, кто постоянно занимается работой в суде. Кроме нас на нашей фирме есть также секретарь, делопроизводитель, а также машбюро с двумя машинистками, выполняющими работу для Фрэнка, Карла и меня. И только один единственный раз за всю историю нашего существования мы имели дело с криминальным случаем, который до сих пор мы часто вспоминаем как «дело Голдилокс». А утром того понедельника вдруг оказалось, что я сам имею отношение к некоему преступлению, но тогда я еще не подозревал об этом.

Понедельник начался для меня с незапланированного ви-

зита одного стопроцентного психа по имени Луи Дюмон, хотя по тому как он выглядел, с первого взгляда признать в нем буйнопомешанного было весьма затруднительно. Он объявился в приемной в десять минут десятого утра, как раз в то время, когда я просматривал утреннюю корреспонденцию. Синтия позвонила мне из приемной по селектору и сказала, что там меня дожидается господин Луи Дюмон. Я попросил ее зайти ко мне на минуту. Синтия Хьюлен родилась и выросла во Флориде, у нее были длинные светлые волосы и умопомрачительный загар, о поддержании которого она фанатически заботилась; ни один выходной не проходил без того, чтобы Синтия не загорала на пляже у воды или же на яхте. Она несомненно была самой красивой из всех работавших в адвокатской конторе «Саммервиль & Хоуп», ей было двадцать четыре года, и она была у нас секретарем в приемной. Фрэнк и я постоянно твердили ей, чтобы она поскорее бросала свою работу, а вместо этого шла бы учиться в школу адвокатов. У Синтии была уже степень бакалавра гуманитарных наук Университета Южной Флориды, и мы бы с радостью взяли бы ее к себе на работу тут же, как только она сдала бы там квалификационный экзамен, дающий право адвокатской практики. Но каждый раз, как мы только заводим об этом разговор, Синтия усмехается и отвечает: «Ну уж нет, хватит с меня этого школьного занудства». Она одна из самых очаровательных молоденьких девушек из тех, кого мне только приходилось когда-либо встречать. К тому же

природа наделила ее пронизательным умом, умением управлять своим настроением, замечательным чувством юмора и тем типом непорочной внешности, что в шестидесятых годах казался старомодным. И если бы мне сейчас было двадцать восемь лет, то я бы обязательно сделал бы ей предложение выйти за меня замуж, хотя я прекрасно понимаю, что данное желание не очень-то здорово уживается с тем фактом, что моя собственная дочь сейчас всего на одиннадцать лет младше ее. Синтия вошла ко мне в кабинет, закрыв за собой дверь. Я спросил у нее:

– А кто такой этот Луи Дюмон?

– Он сказал, что пришел по поводу наследования недвижимости. А выглядишь ты все-таки ужасно...

– Спасибо. Ему было назначено?

– Нет.

– Послушай, сейчас девять утра, и ты хочешь сказать, что он просто так взял и пришел сюда?

– Сейчас уже девять пятнадцать, и это было именно то, что он сделал.

– Ну ладно, принеси мне это дело, подожди минутку, пока я быстренько посмотрю, о чем там идет речь, а потом уже можешь и его ко мне запускать.

Луи Дюмону, как мне показалось, было лет пятьдесят-пятьдесят пять, а цвет его лица наверняка показался бы уж слишком бледным даже для севера Миннесоты, а уж здесь, во Флориде, он смотрелся просто мертвенно бледным.

Мистер Дюмон был практически абсолютно лыс. У него были тонкие, словно очерченные карандашом, усики, а глубоко посаженные беспокойно бегающие карие глазки должны были бы послужить для меня сигналом к тому, что господина Дюмона ничего не стоило вывести из душевного равновесия. Но на часах было только начало десятого, и я был не в состоянии обращать внимание на такие подробности, потому что в ту ночь сон мой длился не более четырех часов. Луи Дюмон молча стоял перед моим столом, пристально глядя на меня, маленький человечек, облаченный в костюм какого-то мрачного оттенка, казавшийся слишком неуклюжим для такого места как Флорида. Наверное, он ждал, что я все-таки предложу ему присесть. Я указал на кресло, и он тут же уселся в него. Говорил Дюмон очень медленно и тихо, чем окончательно и ввел меня в заблуждение. Он рассказал мне, что десять лет назад оспариваемая им ныне собственность принадлежала Питеру Лэндону, доводившемуся ему отчимом, который умер, не успев переоформить завещание и оставив то здание Луи и его сводному брату Джону.

– Да-да, – сказал я. Пока он рассказывал мне все это, я успел перелистать заново все дело в поисках записи об официальном оформлении завещания на недвижимость Питера Лэндона.

– Видите ли, – продолжал он, – здание это и до сих пор принадлежит мне и моему сводному брату.

Наконец я отыскал, то, что искал. Я молча заново перечи-

тал бумагу, и поднял глаза на него.

– В соответствии вот с этим, – начал я, ни коим образом не представляя себе, какое неожиданное по силе воздействие произведут на него мои слова, – Питер Лэндон умер, оставив после себя только одного ребенка, сына по имени. . .

Дюмон так резво вскочил со своего кресла, как если бы я вдруг взял и всадил в него шило. И тут я увидел его глаза, в них ярко загорелись свирепые огоньки, не предвещающие ничего хорошего.

– Вот и вы туда же! И вы такой же, как и все они! – запальчиво выкрикнул он, а затем, упершись ладонями о крышку моего стола и подавшись немного вперед, он вдруг пронзительно заорал, брызгая слюной во все стороны. – Почему вы все не признаете моих прав? Что, хочешь надуть меня, а заодно и лишитесь причитающейся мне доли наследства?! Ты, жидовская морда, ублюдочный пидор, я хочу получить то, что мне причитается!

Я совсем даже не еврей, и никогда в жизни мне не приходилось вступать в связь с мужчинами, и я просто ручаюсь, что я всегда надлежащим образом следую букве закона. Но тогда я безумно перепугался, что если мне вдруг вздумается попытаться опровергнуть хоть что-нибудь из предъявленных мне Дюмоном обвинений, то он просто-напросто еще больше перегнетя через мой стол и задушит меня голыми руками.

– Мистер Дюмон, – осторожно сказал я, – я основы-

ваю свой ответ только на том, что запись об официальном оформлении...

– Да что вообще все эти твои вонючие бумажки могут знать? – продолжал разоряться Дюмон. – Разве они могут рассказать о том, как Питер взял к себе в семью сироту и воспитал его, как своего собственного сына?..

– М-м, нет, это...

– Так это я был тем сиротой! – все еще кричал он.

– Мистер Дюмон, прошу вас, постарайтесь...

– И он растил меня, как собственного сына! А после смерти все осталось мне и этому вонючему ублюдку Джону!

– Но я... в документах об этом ничего не сказано, мистер Дюмон.

– Ах, в документах! – он даже зашелся в крике.

– Мы можем руководствоваться только ими, – сказал я. – Если документы...

– Документы! – опять выкрикнул он.

– Мистер Дюмон, какими бы самыми теплыми ни были бы ваши чувства по отношению к человеку, который взял вас в свою семью, когда вы остались сиротой...

– Он действительно сделал это!

– И я этого вовсе не отрицаю. Но какими бы ни были ваши чувства по отношению к нему и остальным членам его семьи...

– Но не к ублюдку Джону!

– Но не к Джону, разумеется, не к Джону, а должно быть к

самому мистеру Лэндону или, возможно, к его супруге, когда она была еще жива.

– Да я в глаза никогда не видел его жену! Что за чушь ты несешь?!

– Я придерживаюсь того мнения, что при отсутствии иных доказательств...

– Доказательств!

– ...боюсь, что вы не можете объявить себя наследником Питера Лэндона. В любом случае, сэр, с тех пор, как умер мистер Лэндон, его собственность уже четыре раза переходила от одного владельца к другому, и вот и теперешний ее обладатель имеет обязательств...

– Обязательства! – снова выкрикнул он. – Только вот мне не надо рассказывать об этих обязательствах. Я и сам уже знаю все обо всех этих скотских распродажах и передачах имущества, и о правах собственности, и все про недвижность тоже. Я все об этом знаю, и я знаю свои права. И если уж мне и придется начать дело в суде, чтобы получить свою долю с того миллиона долларов...

– Мистер Дюмон, это имущество продается за триста ты...

– Но оно же стоит миллион, и я желаю получить все, что мне причитается! И я тебе все-таки еще кое-что скажу, ты, осторожный жидовский ублюдок, я убью любого авдокатишку или судью, кто только попытается встать у меня на пути!

– Мистер Дюмон, – обратился я к нему, – вы уже начинаете меня раздражать. От имени моего клиента я предлагаю

вам пятьсот долларов, и вы дадите мне расписку об отказе от своих притязаний. В противном случае, мы будем вынуждены просто-напросто проигнорировать ваши требования. Ну, что скажете? Хотите получить пятьсот долларов?

– Я хочу получить свою долю с миллиона!

– Ваша доля с миллиона равняется пятистам долларам.

Так что, как хотите, либо да, либо нет.

– Да.

– Вот и замечательно.

– Я возьму деньги, ты, чертов ублюдок.

– Тогда подождите за дверью, пока я оформлю тут кое-какие бумаги и выпишу чек.

– Мне нужны наличные, – попытался возразить Дюмон.

– Нет, вам придется взять чек. Я хочу, чтобы запись, подтверждающая выплату...

– Опять запись! – воскликнул он.

– Идите и подождите меня в приемной, – предложил я ему. – И выбирайте выражения в присутствии той юной дамы.

– Ублюдок, – огрызнулся он и вышел из моего кабинета.

Так начинался мой очередной рабочий понедельник. Минут десять спустя мне позвонил один из должников моего другого клиента, хирурга, сделавшего операцию на желчном пузыре. Звали того должника Джеральд Банистер, и долг, числившийся за ним, составлял девятьсот долларов. Наш с ним диалог он начал со слов:

– Ну, и о чем там речь?

– А речь там о девятистах долларах, мистер Банистер.

– Ну а в чем дело-то? Что, Ральф думает, что я ему не заплачу?

– Если под Ральфом вы подразумеваете доктора Унгермана, то, да, он опасается, что кроме удаленного у вас желчного пузыря, ему с вас так ничего и не удастся получить.

– Ха-ха, очень смешно, – ответил Банистре, – ну конечно, я собираюсь заплатить. Передайте ему, чтобы он прекратил тянуть из меня жилы, о'кей? Мой желчный пузырь... очень смешно. Он что, оставил его себе на память и хранит это сокровище в каком-нибудь кувшине или еще где-нибудь?

– Мистер Банистер, когда же вы все же собираетесь заплатить господину Кигерману?

– Я ему обязательно заплачу, не беспокойтесь.

– Но меня все-таки это очень уж, понимаете ли, беспокоит. Когда вы ему заплатите?

– Сейчас я не смогу.

– А когда вы сможете?

– Я имею в виду, что я не могу сейчас полностью выплатить ему всю сумму.

– В таком случае, какую сумму вы сможете заплатить прямо сейчас?

– Сто.

– А оставшиеся восемьсот?

– Я смогу выплачивать ему по сотне каждый месяц.

– Это не слишком уж хорошо.

– Во всяком случае, это лучшее из того, что я могу сделать.

– Вам придется еще побольше постараться.

– Я не смогу настараться больше, чем на две сотни в месяц.

– Но вы же не сказали двести, вы сказали сто.

– Я имел в виду две сотни.

– Сто сейчас и потом по две сотни ежемесячно в течение четырех месяцев, так, надо полагать, следует понимать вас?

– Именно так.

– Хорошо, теперь мне необходимо встретиться с вами здесь, у меня в офисе, чтобы выправить кое-какие бумаги. И запомните, мистер Банистер, вы сами устанавливаете данные сроки...

– Да, это мне известно. – И хочу предупредить вас о том, что я не допущу дальнейших нарушений вами оговоренных условий.

– Благодарю за предупреждение.

– Я подготовлю бумаги. Когда вы можете зайти сюда, чтобы их подписать?

– Как-нибудь на следующей неделе.

– Давайте условимся, что вы зайдете ко мне завтра.

– Завтра я не могу.

– А когда вы можете?

– В четверг.

– Ладно, пусть это будет в четверг в девять часов утра.

– В час дня в четверг.

– Согласен, в час дня.

– Никогда еще меня так не одолевали, – сказал Банистре и повесил трубку.

Было уже почти десять, когда Синтия вновь позвонила мне, чтобы сообщить, что Фрэнк ожидает меня в своем кабинете. Некоторые говорят, что мы с Фрэнком похожи друг на друга. Но лично я никакой схожести между нами не вижу. У меня рост шесть футов и два дюйма, а вешу я сто девяносто фунтов. Фрэнку же не хватает до шести футов целых полдюйма, а весит он сто шестьдесят фунтов, да еще к тому же он очень тщательно следит за своим весом. Правда, у нас у обоих темные волосы и карие глаза, но вот овал лица у Фрэнка более круглый, чем у меня. Фрэнк утверждает, что во всем мире существует только два типа лиц: первый тип – поросенок и второй – лиса. Себя он классифицирует как относящегося к первому типу, а меня – ко второму. В этих определениях нет ничего, что могло бы задеть чье-либо самолюбие: данная классификация является сугубо описательной. Впервые Фрэнк рассказал мне об этой своей системе примерно год назад. И вот с тех пор я уже не могу взглянуть в чью-либо сторону без того, чтобы автоматически не причислить его либо к пороссятам, либо к лисам.

Фрэнк лишь мельком взглянул в мою сторону и сказал:

– Ну что, блудливый котяра, все-таки приплелся?

Мне не верилось, что я выгляжу до такой степени ужасно. Конечно, правда то, что минувшей ночью спать мне практически не пришлось, но все же мне показалось, что после утреннего душа и бритья, я стал чувствовать себя несколько бодрее, и еще к тому же в то утро на мне был один из моих самых лучших костюмов, классический английский костюм, что был сшит специально на заказ в самом Нью-Йорке. Это было еще до развода. После него, я уже не мог позволить себе заказывать костюмы в салоне.

– Скоро здесь появятся Даунинги. И снова речь идет про эти их завещания, – заговорил Фрэнк. – Я даже не знаю, что еще им можно посоветовать. И вообще, мне бы очень не хотелось влезать в это дело.

– А в чем так сложность-то?

– Видишь ли, они собираются на целых полгода в кругосветное путешествие, в круиз, значит, и теперь перед отъездом им захотелось оформить завещания. Но вот только Салли не желает сделать деверя, брата мужа, значит, своим душеприказчиком...

– Имеешь в виду, если ее Говард умрет раньше, чем она?

– Вот именно. Она, скажем так, недолюбливает брата своего мужа. Только и всего. Ей кажется, что если сначала умрет Говард, а затем она, то ее беспутный деверь разбазарит все, что только можно.

– А у нее что, есть основания для подобной уверенности?

– Конечно, ведь он уже промотал свою часть того наслед-

ства, что досталось братьям Говардам после смерти их отца. Вот Салли и боится, что после того, как их с мужем не станет, их имущество удостоится той же участи.

– Ну и что из этого? А она кому хочет доверить все это?

– Своему брату.

– И в чем здесь загвоздка?

– А в том, что он ни чуть не лучше брата Говарда. Как мне удалось выяснить, он просто мелкий картежник из тех, что отправляются каждый уикэнд в Майами. Он может поставить на кон что угодно: хоть собаку, хоть целый дом.

– Да-а... сюда бы сейчас Царя Соломона, – заметил я.

– Через двадцать минут они будут здесь. И что я им скажу?

– А может она согласится с тем, чтобы в случае чего, кто-нибудь из нас стал бы исполнителем ее последней воли?

– Может быть.

– Или банк? Какой у них там банк?

– «Ферст-Юнион».

– Ведь там есть хороший попечительский совет, почему бы тебе не предложить им и этот вариант?

– Она заиклилась на своем брате.

– А Говард что думает по этому поводу?

– Он настаивает на кандидатуре своего брата.

– Ну раз так, то посоветуй им отменит к чертовой матери этот дурацкий вояж, – сказал я.

– Уж лучше я порекомендую им банк.

На столе затрещал селектор. Фрэнк нажал на кнопку:

– Слушаю.

– Здесь к мистеру Хоупу пришли из полиции, – доложила

Синтия.

– У тебя что, встреча с полицейским? – поинтересовался

Фрэнк.

– Нет, – ответил я.

Он дожидался меня в приемной, этот мускулистый молодой человек с волосами, цветом напоминающими песок. Он представился мне как сержант Халловей и очень вежливо спросил меня, не смогу ли я оказать ему любезность, последовав за ним.

– А зачем это? – поинтересовался в свою очередь я.

– Вы Мэттью Хоуп, не так ли? – переспросил он.

– Да, я Мэттью Хоуп, – подтвердил я.

– Мистер Хоуп, – снова обратился ко мне он, – сегодня утром женщина по имени Виктория Миллер была найдена мертвой в собственном доме. Первой ее обнаружила пришедшая для уборки домработница. Соседи, живущие через дорогу от дома убитой, рассказали нам, что в три часа ночи у дома покойной был припаркован автомобиль «Карманн-Гиа» коричневатого цвета с номерным знаком «Хоуп-1», зарегистрированным во Флориде. Дорожная инспекция утверждает, что эта машина принадлежит вам, мистер Хоуп. В то же время, кажется присматривавшая за ребенком, девушка по имени Шарлен Витлоу находилась вчера около

полуночи в доме покойной и подтвердила, что там она была представлена мужчине, назвавшегося мистером Хоупом, что подтверждает ваше присутствие на месте преступления по крайней мере в течение трех часов. И теперь вам просто хотят задать несколько вопросов. Так как, вы идете?

В Калусе полицейский участок официально назывался не иначе как «Здание общественной безопасности», и соответствующая надпись была выведена белыми буквами на его низкой наружной стене. Справа от коричневой металлической двери располагалась другая, менее заметная и частично скрытая за кустами табличка: «Департамент Полиции». Само здание департамента было выстроено из кирпича и по его суровому по своей архитектуре фасаду располагались лишь узкие окна, очень походившие на бойницы в крепостной стене. Подобный архитектурный прием был довольно распространенным в Калусе, где лето было довольно знойным, и огромные окна напускали бы в помещение еще больше раскаленного зноема воздуха. В марте прошлого года я провел в этом здании довольно много времени, занимаясь делом своего клиента по имени Джеймс Печиз, жена и сын которого были жестоко убиты в его же собственном доме на Джакаранда Драйв. Тогда мне пришлось работать со следователем, которого звали Джордж Эренберг. Когда по пути в участок я спросил у сержанта Халловея, работает ли сегодня Эренберг, он лишь кратко ответил мне, что детектив Эренберг больше не работает в Калусе, и что теперь он несет службу в поли-

ции Лаудерейла. Тогда я снова поинтересовался у Халловея, где же теперь в таком случае находится напарник Эренберга – детектив Ди Лука.

– У Винни сейчас отпуск, – был ответ. – И до двадцать первого он не вернется.

– Вот оно что, – сказал я. До двадцать первого оставалась еще целая неделя.

Ярко-оранжевый лифт поднялся, словно огромный перископ прямо напротив входа в приемную на третьем этаже. Там у стены стоял стол, а за ним сидела молодая женщина. Она что-то быстро печатала на машинке. На стене у нее над головой висели часы, показывавшие без десяти минут одиннадцать. И все это было мне до боли знакомо и привычно (за исключением того, что Винсент Ди Лука тогда был в отпуске, а Джордж Эренберг был переведен в Департамент полиции Форта Лаудердейл). Тот человек, что ждал меня для беседы, представился как детектив Моррис Блум. Это бол большой мужчина, лет ему было уже за сорок, и он был выше меня по крайней мере на целый дюйм. Одет он был в несколько помятый синий костюм и неглаженную белую рубашку, верхняя пуговица ворота которой была расстегнута, а узел галстука соответственно несколько ослаблен. У него были руки уличного драчуна, лицо лисы, нос на котором, видимо, был ломан уже не один раз, косматые черные брови и темно-карие глаза, которые и придавали всему его лицу такое выражение, что его кто-то сильно обидел, и он вот-вот расплачет-

ся. Глядя на него, я припомнил, что Джордж Эренберг тоже почему-то был преисполнен какой-то непередаваемой словами грусти, и мне было уже просто интересно узнать, действительно ли всем, состоявшим на службе в полиции Калусы, работа доставляла такую боль. Блум тут же поставил меня в известность, что он занимается расследованием по делу об убийстве и что перед тем, как он начнет задавать мне вопросы, ему бы хотелось проинформировать меня о моих правах. Это было первое упоминание о случившемся как об «убийстве». Сержант Халловой сказал мне только о том, что Викки была найдена мертвой. В этом штате случаи как самоубийств, так и убийств расследовались в точности по одной и той же схеме, и прежде у меня были все основания полагать, что если я был последним, кто застал Викки в живых, то визит полиции ко мне в офис можно было считать в порядке вещей. Но теперь об убийстве было заявлено официально. Убийство. И уже в этом случае положение мое было далеко незавидным. Если бы я остался с ней прошлой ночью...

– Я адвокат, – сказал я ему. – Мне известны мои права.

– Знаете, мистер Хоуп, я считаю, что если подходить к делу с сугубо технической стороны, то вы находитесь здесь под стражей, и я обязан ознакомить вас с вашими правами. Я служу в полиции уже почти двадцать пять лет, и ничто не раздражает меня больше, чем то, что приходится постоянно пересказывать одно и то же. Но я уже на собственной шкуре убедился, что на допросах лучше сразу сделать все так,

как это положено, чтобы в дальнейшем не сожалеть, что не сделал этого, и если вы не возражаете, я быстренько зачитаю вам все, что касается ваших прав, и больше мы к этому уже не будем возвращаться.

– Если вам от этого станет легче, – отозвался я.

– От того, что людей убивают, мне легче никак стать не может, мистер Хоуп, – сказал он мне в ответ, – но давайте все же хотя бы начнем так, как того требует Верховный Суд, ладно?

– Хорошо, – согласился я.

– О'кей, – начал он, – в соответствии с постановлением Верховного Суда 1966 года по делу Миранда против Аризона, мы не имеем права начинать допрос до тех пор, пока вы не будете предупреждены о вашем праве на защиту, и с тем, чтобы избежать впоследствии самооговора. Во-первых, вы имеете право хранить молчание. Вам это понятно? – Да.

– Вы имеете право не отвечать на вопросы. Это вам понятно?

– Если же вы все-таки станете отвечать, то любое ваше слово может быть использовано против вас.

– Мне это известно.

– Далее, вы имеете право прибегнуть к услугам адвоката, как перед, так и во время допроса.

– Я сам адвокат. Дальше, я думаю, можно не продолжать, не так ли?

– Может быть и так, – подозрительно проговорил Блум. –

Вам полностью ясны ваши права?

– Да.

– О'кей. Тогда я начну с того, что имеет принципиальное значение: вы были вчера с Викторией Миллер в промежутке от полуночи и часов до трех ночи?

– Если вы имеет в виду ее дом, то мы были там уже около половины двенадцатого. Мистер Блум, вы можете сказать мне, что же все-таки произошло?

– Знаете ли, мистер Хоуп, да не в обиду вам это будет сказано, но я пригласил вас сюда, потому что мне хотелось бы услышать то же самое от вас. Ведь, мистер Хоуп, я уверен, что будучи юристом, вы наверняка понимаете, что из-за того, что вы провели вместе с ней три-четыре часа, у меня теперь есть все основания для того, чтобы подозревать вас, как ее возможного убийцу.

– Но когда я уходил от нее, она была жива, – возразил я.

– А в котором часу это было? – немедленно последовал вопрос.

– Где-то между тремя часами и половиной четвертого утра.

– А более точное время не можете указать?

– Три пятнадцать-три двадцать, вот так приблизительно.

– Кто-нибудь еще видел, как вы выходили из дома?

– Вот этого не могу вам сказать. Не знаю.

– Одна лэди из дома напротив смотрела по телевизору фильм, так вот она утверждает, что когда она в три часа ночи

выключала свет, то ваша машина все еще была припаркована у дома убитой.

– Да, в три я все еще был там.

– Почему вы в этом так уверены?

– Я запомнил, как часы отбивали время.

– Какие часы?

– В гостиной. Такие маленькие фарфоровые часики.

– Вы находились в гостиной в это время?

– Нет. В это время мы были в спальне.

– Мм-м. В постели?

– Да.

– Мистер Хоуп, я прошу прощения, но я вынужден спросить вас об этом. Скажите, вступали ли вы в интимные отношения с Викторией Миллер минувшей ночью?

– Да.

– Мистер Хоуп, а вы до этого давно были знакомы с ней?

– Немногим больше трех недель.

– А вообще за все время вашего знакомства между вами часто происходили подобные встречи?

– Нет. До вчерашнего дня нет.

– Мистер Хоуп, вы женаты?

– Уже нет. Я развелся.

– Насколько я понимаю, мисс Миллер была певицей...

– Да, это так.

– ... и она выступала неподалеку отсюда в «Зимнем саду», том ресторане, что на Стоун-Крэб.

– Да, и вчера вечером мы были там вместе.

– Пока она там пела?

– Да.

– А когда это было по времени?

– Я приехал туда, когда еще не было девяти. Шоу закончилось в десять. Потом мы еще немного задержались там, встретив кого-то из ее знакомых до... кажется ушли мы оттуда без четверти одиннадцать. Я отвез ее домой, где мы и были уже в половине двенадцатого.

– В доме был еще кто-нибудь, когда вы приехали?

– Да. Девушка, что присматривала за дочерью Викки. Викки расплатилась с ней, и после того как она ушла...

Не решаясь рассказывать, чем мы занимались дальше, я замолчал.

– Мне вы можете рассказать об этом, – заметил Блум, – я не собираюсь выяснять, кто где достает наркотики. Мы нашли в пепельнице пару окурков, а также два невымытых бокала. Итак, ваши дальнейшие действия заключались в том, что вы устроились так, чтобы покурить марихуаны и немного выпить. Так? А потом что?

– Потом мы отправились в спальню.

– И занялись там любовью?

– Да.

– До трех – трех тридцати утра?

– Да.

– А вам не приходилось в тот вечер видеть там маленькую

девочку?

– Нет. Она спала.

– А вы ее вообще когда-нибудь встречали?

– Да, один раз.

– Когда это было?

– На прошлой неделе. В пятницу.

– Но вчера вы ее не видели, так?

– Нет, не видел.

– Ни когда вы пришли туда, ни тогда, когда уходили?

– Да, это так. Няня дала девочке снотворное, кажется не-
вил, чтобы та уснула.

– Вам это сказала сама няня?

– Она сказала об этом Викки. А Викки передала ее слова
мне.

– А какие между вами были отношения?

– С Викки? Все было замечательно.

– Ни перебранок, ни ссор, что зачастую случаются между
любовниками, ни...

– Мы с ней не были любовниками.

– До минувшей ночи. А кем же вы тогда были до этого?

– Друзьями.

– И хорошими друзьями?

– Я бы сказал, случайными друзьями.

– Но ведь ваша вчерашняя ночь не была случайной.

– Нет, случайной та ночь не была.

– Итак, вчерашняя ночь. Вчера между вами не было ни-

каких размолвок?

– Нет, не было. Хотя, подождите... да. Кажется, да. Я думаю, что мы все-таки повздорили немного. Во всяком случае, это наверное можно считать размолвкой.

– Вот как? И что же это было?

– Она хотела, чтобы я остался с ней, а мне нужно было идти домой. Мы еще некоторое время это обсуждали, а после я ушел.

– И как она отнеслась к этому вашему поступку?

– Мне кажется, что она на меня очень рассердилась.

– Но вы тем не менее ушли.

– Да, я ушел.

– И вы утверждаете, что когда вы уходили, она была жива, так?

– Очень даже жива.

– Я допускаю, что возможно это и было так, – сказал Блум, кивая мне. – Знаете, мистер Хоуп, при такой работе, как у меня, у человека начинает развиваться чувство, которое Эрнст Хемингуэй назвал встроенным детектором лжи. Вы знаете об Эрнсте Хемингуэе, о писателе?

– Я знаком с его творчеством.

– И вот ты начинаешь каким-то образом чувствовать, когда тебе говорят правду, а когда наоборот, лгут. Я думаю, что ваша работа, тоже способствует чему-то подобному. Мне кажется, что вы говорите правду, – он передернул плечами. – Надеюсь, мне не придется напоминать вам о том, чтобы вы

пока не уезжали бы никуда из города, ведь мы с вами не в кино. Как раз сейчас производится вскрытие, и может быть мне опять будет нужно увидеться с вами, после того, как получу результаты. Если исходить из того, что вы мне только что рассказали, то у нее во влагалище должны будут обнаружить сперму, но для нас это будет все равно уже практически бесполезно, если мы начнем выяснять, была ли она изнасилована перед смертью или нет. Но может быть им все же удастся найти что-нибудь помимо очевидной причины смерти...

– Мистер Блум, скажите, а что это было?

– Ее до смерти избивали.

– Изби...

– М-да, славно, а? Мы предполагаем, что это сделал мужчина, потому как убийца обладал, по-видимому, недюжинной силой. У нее оказалась сломанной челюсть, нос и еще дюжина ребер, а еще к тому же проломлен череп, очевидно, ее били головой о кафельный пол ванной комнаты. Там-то ее и нашла домработница в девят утра, все в той же ванной, и весь этот чертов пол был залит кровью. А там, черт его знает, может быть убийцей была и женщина. Ведь некоторые женщины в гневе могут становиться сильными словно буйволицы. У меня в практике был случай (я тогда служил в полиции округа Нассау), когда малюсенькая, миниатюрная женщина задушила своего мужа, который весил никак не меньше двухсот фунтов. Вот вы сейчас наверняка подумали о том, что он мог бы запросто отшвырнуть ее в сторону, ведь

так, я прав? Но у той женщины оказались на редкость сильные руки. Гнев был скрыт у нее в пальцах, представляете?! – он соединил вместе свои большие руки, переплетя пальцы и словно сжимая воображаемое горло. – Против такой ярости парень оказался бессилён. И вот что я скажу вам, мистер Хоуп, никогда не связывайтесь с по-настоящему разгневанными людьми. А то и глазом не успеете моргнуть, как окажетесь на том свете, – он разжал пальцы и потом снова заговорил, горестно качая при этом головой. – Я перевелся сюда, потому что был уверен, что у вас здесь, в таком прекрасном местечке как Калуса, мне не придется столкнуться с подобным дерьмом, что разве я не прав? Я-то думал, что здесь только коты могут воровать, эдакие первоклассные кошачьи воры, крадущиеся в темноте... А тут вместо этого – на тебе, какой-то негодяй насмерть избивает молодую девчонку среди ночи, – Блум снова покачал головой. Грустные карие глаза его глядели теперь еще более печально. Он вздохнул и затем сказал, – а вы, случайно, не знаете никого, кому могла быть так нужна та маленькая девочка?

– Что? – переспросил я.

– Ее малышка.

– Я не понимаю, о чем вы.

– Причем до такой степени, чтобы из-за этого пришлось бы даже убить мать.

– Мне все еще...

– Малышка пропала, мистер Хоуп. Кем бы там ни был

убийца Виктории Миллер, но ее дочку он забрал с собой.

Глава 3

Я никак не мог отделаться от ощущения, что я тоже был отчасти виновен в том, что Викки умерла, а дочка ее была похищена. Я ведь даже не знал полного имени Элисон, и теперь эта допущенная мною оплошность заставляла меня испытывать сильнейшие угрызения совести, сравнимые разве только с мучившим меня тогда чувством вины. Мой компаньон Фрэнк утверждает, что тремя этническими меньшинствами, которые постоянно и в большей мере, чем все остальные из когда-либо живших или живущих на земле, оказываются виноваты во всем, являются евреи, итальянцы и разведенные мужчины. О первых двух этнических группах я ничего сказать не могу, но все же я со всей ответственностью могу подтвердить, что комплекс вины сыграл далеко не последнюю роль при подписании мной бракоразводного соглашения, когда вначале инициатива исходила от адвоката Сьюзен, а впоследствии это же самое соглашение было предложено мне и моим собственным адвокатом, Элиотом Маклауфлином. Сьюзен при каждом удобном случае поминала мне, что я, по ее выражению, «шлялся по бабам и докатился до того, что занялся развратом» с женщиной, выжившей из ума настолько, чтобы даже пойти на самоубийство из-за любви к такому негодяю, каковым являюсь я, и что если бы не это мое «мальчишеское поведение», то моей дочери те-

перь не пришлось бы разрываться между двумя домами, и вместо этого она бы просто жила в нормальной семье, «как все другие дети в Калусе». Однако при этом Сьюзен забывает, что уровень разводов в Калусе примерно такой же как и в целом в Соединенных Штатах: каждый год разводятся примерно сорок процентов от общего количества всех семейных пар. И фактически большинство друзей моей дочери тоже жертвы... – ну вот, до чего я договорился. Жертвы. Очень нелегко противостоять этой пропаганде Сьюзен против меня, тем более, что каждый раз, когда я приезжаю за Джоанной, она непременно говорит нашей дочери: «А вот и твой папочка», – при этом интонация, с которой все это произносится, фактически подразумевает вот что: «А вот и он, этот сукин сын, да к тому же еще бабник и просто никчемный отец». Фрэнк говорит, что это чувство вины уже никогда не пройдет. Она рассказывал мне о том, что некоторые из его знакомых развелись уже десять или даже более лет назад, но тем не менее их бывшие жены до сих пор снятся им каждую ночь. С тех пор, как в июне прошлого года я развелся со Сьюзен, она приснилась мне лишь однажды. Но в то утро, в утро того понедельника, в то время как я вышел из полицейского участка, и мне еще предстояло пройти пешком десять кварталов до Херона и Воэма, туда, где были расположены наши офисы, меня не покидало чувство, что Викки и все то, что с ней произошло еще очень долгое время будет сниться мне по ночам.

На моих глазах зарождался еще один погожий день. Электронные часы на зданиях «Банка Южной Флориды» и транспортной компании показывали попеременно то время – 11:20, то температуру воздуха: было уже семьдесят два градуса, а у солнца было в запасе еще сорок минут на то, чтобы достичь зенита. Небо над домами было голубым и безоблачным; легкий туман раннего утра, лежавший на земле в то время как мы вместе с сержантом Халловеем ехали к центру города в его патрульной машине, теперь уже полностью исчез. В Калусе полицейские патрулируют улицы города поодиночке. Они вешают фуражки на крючок над солнцезащитным щитком со стороны места пассажира, что рядом с водителем, и если посмотреть сзади, то создается иллюзия того, что как будто в машине находится еще один полицейский. Этот трюк может ввести в заблуждение только туристов; каждому местному жителю, и ворам в том числе, прекрасно известно, что в машине едет только один полицейский. В то время, пока я стоял на переходе у светофора, собираясь перейти через улицу напротив магазина Братьев Гаррис, мимо меня проехала патрульная полицейская машина. Как обычно фуражка водителя висела над сидением рядом с ним. Он повернул голову и взглянул в мою сторону, а ко мне вдруг снова вернулось это пронзительное чувство осознания своей вины, и было оно таким сильным, что в какой-то момент я действительно поверил в то, что в машине находились двое полицейских, и что оба они очень пристально разглядывали именно

меня. На светофоре зажегся зеленый свет. Я перешел через улицу под горячими лучами утреннего солнца.

Но тут меня охватило еще одно чувство, отделаться от которого было так же трудно, как и от комплекса вины. Я все еще никак не мог забыть, как Викки вышла вчера из дома, чтобы сказать мне, что Элисон приболела, и как я тут же подумал, что она лжет мне. И теперь я снова стал пытаться подобрать всему этому какое-нибудь более или менее рациональное объяснение, точно так же, как старался сделать это минувшей ночью. Тогда я был разочарован, я был отвергнут (по крайней мере, так мне показалось тогда), и поэтому я про себя решил, что Викки просто придумала такую причину, щадя мои чувства: ей не хотелось оставаться наедине со мной у меня дома, а та наскоро придуманная история о кашле, сопровождаемом к тому же еще и повышением температуры, казалась самым простым путем для избавления от нежелательных проблем. Но ведь это было до того, как она сама пригласила меня войти, все это было перед тем, как мы курили марихуану и пили коньяк, а потом еще вытворяли черт знает что у нее в постели. Итак, если ее ложь была направлена совсем не на то, чтобы отделаться от дальнейшего совместного времяпрепровождения, то зачем вообще ей нужно было лгать мне?

Она пошла в дом, пообещав, что она лишь «возьмет травку и взглянет на Элли». Через три-четыре минуты от вернулась обратно с этой, в чем я был уже абсолютно уверен,

лживой историей. Было бы вполне разумно предположить, что за эти три-четыре минуты она узнала что-то такое, что заставило ее так резко переменить все планы и не оставлять дочь в доме одну в обществе одной лишь няни. И при дальнейшем рассмотрении данной проблемы казалось так же разумным предположить, что пятнадцатилетняя Шарлен Витлоу возможно могла знать, что это было.

За исключением тех случаев, когда ребенку везет настолько, что его принимают в элитарную среднюю школу «для одаренных», ту, что официально называется «Бедлоу», а среди родителей, чьи дети не сумели выдержать строгие вступительные экзамены, презрительно именуется не иначе как «Бедламом»; или же если семья ребенка настолько богата, что может позволить себе выбрать для своего чада одну из двух местных частных школ – Святого Марка, находящуюся непосредственно в самой Калусе, и «Реддинг Академи» в Манакаве, пригороде Калусы – возможности получить среднее образование сводятся к трем школам, и дальнейший их выбор ограничивается уже непосредственно районом города, где учащийся проживает. Конечно, мне гораздо приятнее было бы сообщить вам о том, что все белые родители в Калусе начинают просто плясать от радости прямо на городских улицах, когда в один прекрасный момент им доводится узнать, что не исключена вероятность того, что их ребенку придется посещать среднюю школу Артуру Козлитта, где, как известно, необычайно высок процент темнокожих уча-

щихся. Нет, увы, это совсем не так. За последние несколько лет у меня в офисе перебивало по крайней мере с дюжину разгневанных родителей, которых интересовал единственный вопрос: что бы такое им было бы возможно предпринять, с точки зрения законодательства, разумеется, чтобы перевести ребенка из Козлитта либо в школу Джефферсона, либо в школу Тейта, в каждой из которых было гораздо более умеренное соотношение между числом белых и темнокожих учащихся.

В Калусе живет примерно сто пятьдесят тысяч человек, и треть из них составляют негры и еще очень небольшое число кубинцев, перебравшихся на Западное побережье из Майами. Одно время у нас на Мейн Стрит был ресторанчик под названием «У кубинца Майка», и там делали самые лучшие сэндвичи во всем городе, но в августе прошлого года, после того, как кто-то бросил туда зажигательную бомбу, это заведение прикрыли. Белые во всем обвиняли негров; негры валили все на «пришлых»; а небольшая горстка обосновавшихся в городе кубинцев стойко держала язык за зубами, не желая, чтобы как-нибудь в одну из темных ночей, на лужайках перед их домами запылали бы огненные кресты. Между прочим, все тут делают вид, что будто бы мы все еще живем в прошлом веке; я думаю, что кроме нас с Фрэнком, больше никто во всей Калусе не замечает того, что на концертах, устраиваемых в «Хелен Готлиб», обычно присутствует лишь примерно полдюжины темнокожих зрителей –

и это в зале, рассчитанном на две тысячи человек!

Шарлен Витлоу жила на улице Цитрус-Лейн, что находилась в юго-восточной части города, а это означало, что по всем правилам она должна была бы учиться в школе Козлитта. Но всего один звонок в местный департамент образования (я специально для этого заскочил ненадолго в свой офис) – и я узнал, что оказывается, Шарлен Витлоу была второкурсницей престижного «Бедлоу» на Тантамаунт и Крейн. Я сказал Синтии, что поеду туда сейчас же, и постараюсь успеть до обеда, и что обратно я рассчитываю вернуться к трем часам, чтобы успеть к назначенным мною встречам.

Синтия поинтересовалась у меня, что такое произошло в полицейском участке. Я рассказал ей все, и она пообещала мне, что дождется, пока не вернется Фрэнк. Моя машина жарилась на солнце все утро, до черных сидений было горячо дотронуться. Я поехал в южном направлении и выехал на Олеандр-Авеню, идущей параллельно 41-му шоссе, но мало известной туристам. Затем, повернув на Тарпон, я продолжил свою поездку самыми немыслимыми путями, стараясь избегать светофоров и перекрестков; в Калусе проще иметь дело с запрещающими дорожными знаками, и уж любой ценой следует избегать левых поворотов на перегруженные магистральи.

Когда я наконец припарковался на стоянке у «Бедлоу» на Тантамаунт, стрелки часов уже перешагнули рубеж половину первого. Я спросил у попавшейся мне навстречу девуш-

ки лет семнадцати, где находится главный офис их школы, и она указала мне на белое здание с оштукатуренными стенами, находящееся по соседству с другими подобными ему постройками, вольготно раскинувшимися по территории всего студенческого городка. На игровой площадке дюжина или чуть больше мальчишек и девчонок оглушительно кричали, увлеченно играя в мяч. Суетливая секретарша с карандашом, почему-то воткнутом в волосы, сообщила мне, что в настоящее время Шарлен Витлоу находится на перерыве на обед – точно так же, как и все остальные учащиеся «Бедлоу», – но после у нее по расписанию идет урок английского языка в корпусе номер четыре, это вон в том здании с бордовой дверью, и начнется он в час дня. И только после этого, с большим опозданием, она поинтересовалась у меня, а кто же я, собственно говоря, такой. Я ответил, что я дядя Шарлен.

Без десяти час учащиеся стали расходиться по классам. На Шарлен была надета все та же рубашка и голубые джинсы, что я видел на ней вчера вечером; у меня промелькнула дурацкая мысль, что должно быть, она и спать ложится в этом наряде. Она узнала меня сразу же, как только вышла из-за угла здания, и в глазах ее застыл испуг. Ведь сегодня утром ее уже допрашивали в полиции, и ведь это она рассказала им, что вчера в половине двенадцатого ночи в дом к Викки пришел человек по имени мистер Хоуп. И теперь она, должно быть, подумала, что я пришел сюда именно за тем, чтобы сделать с ней то, что сотворил и с Викки, то, что по ее

предположению я сотворил с Викки.

– Шарлен, – быстро проговорил я, – все в порядке, я просто хочу задать тебе несколько вопросов.

– Я им ничего не сказала, – начала оправдываться Шарлен, одновременно медленно пятясь от меня.

– Я уже разговаривал с полицией...

– Я только имя ваше...

– Да, все в порядке, я сам юрист, – сказал ей я, – все ведь нормально.

Когда говоришь людям, что ты юрист, то это, кажется, их несколько успокаивает, хотя, если посмотреть правде в глаза, то следует все же признаться, что в тюрьмах по всей Америке содержатся сотни юристов, совершивших просто непередаваемые словами самые гнусные преступления. Мои слова, кажется, возымели какое-то действие на Шарлен. Она сделала осторожный шаг в мою сторону.

– Я не думала на вас, – прошептала она.

– Ты права. Я этого не делал.

– Вы говорили с мистером Блумом?

– Да.

– Я испугалась его, – призналась мне Шарлен.

– Напрасно. Он замечательный человек.

– Ужасно, что все так получилось, правда?

– Жутко.

– А как вы думаете, кто это сделал?

– Понятия не имею.

– Тот человек, что звонил?

– Кто-кто? – тут же переспросил я.

– Тот, который позвонил вчера вечером.

– Шарлен, а он не назвался?

– Нет. Он просто сказал мне передать Викки, что он заскочит к ней, чтобы забрать.

– Забрать что?

– Он не сказал.

– А он не упоминал о деньгах, или...

– Нет.

– Или... ну, вообще о чем-нибудь? За чем таким он собирался зайти к ней?

– Нет, он просто сказал: «Я заскочу, чтобы забрать», это все.

– А в котором часу это было?

– Он звонил трижды.

– И все это прошлым вечером?

– Да. Первый раз он позвонил сразу же после того, как Викки села в такси и поехала в «Зимний сад». Это было примерно...

– Да, когда?..

– Примерно без десяти восемь, я тогда только-только пришла к ним.

– И ее тогда уже не было дома, да?

– Конечно, ведь у нее же в девять часов должно было начаться выступление.

– Да, я об этом знаю. А что он сказал, когда позвонил в первый раз?

– Он просто спросил, не может ли он поговорить с Викки, а я ему сказала, что ее нет дома. Я никогда не говорю никому по телефону, кто куда ушел и когда собирается вернуться. Это, конечно, дурная привычка. Но один раз я видела в кино, как один мужик, собиравшийся совершить ограбление, сначала звонил по телефону, и няня отвечала ему, кто где, и когда вернется, и так он узнавал, что в доме кроме няни никого нет, и он может спокойно приходить и грабить.

– Мм-м. А потом, когда он позвонил?

– Около половины одиннадцатого.

– И что ты ему ответила?

– Я сказала, что Викки пошла выгуливать собаку, а потому никак не может подойти к телефону. У Викки не было собаки, но мне не хотелось, чтобы он понял, что она вернется поздно, потому что тогда бы он понял, что я была там одна. Понимаете? Только я и Элисон. А ей всего-то шесть лет.

– А в последний раз?

– Вы имеете в виду, когда он позвонил?

– Именно.

– Примерно около четверти двенадцатого, как раз незадолго до того, как вы вернулись вдвоем. Вот тогда он и сказал, что заскочит, чтобы забрать.

– А он совсем ничего не сказал о том, что это могло быть? Ну, там, деньги, или безделушка какая-нибудь, или что еще

из одежды, или...

– Нет.

– И он не оставил ни своего имени, ни номера телефона, по которому с ним можно было бы связаться?

– Нет. Я его попросила назвать имя, чтобы я могла передать ей то сообщение.

– Шарлен, а какой у него был голос?

– Ну-у... я не знаю...

– Ладно, тогда скажи, как звучал его голос. Какой это тип голоса? Старый или молодой, или...

– Ну-у... я правда не смогу этого сказать. Я имею ввиду, что на слух он мне не показался по-настоящему взрослым. Вот. Я хочу сказать, не таким взрослым, как вы или мой отец.

– Вот оно что...

– Но на мальчика он тоже был не похож. Если это именно то, о чем вы меня спрашиваете.

Где-то в глубине студенческого городка зазвенел громкий звонок. Ученики вбегали в учебный корпус через бордовую дверь. Двери на разных корпусах, на что я сразу же обратил внимание, были выкрашены в разные цвета. Школа эта была для одаренных, но по-видимому, было все-таки немаловажно использовать этот цветовой дверной код, чтобы ученики могли бы с легкостью находить свои аудитории. Мой компаньон Фрэнк по своему неподражаемому обыкновению как-то раз заявил, что здесь, в штате Флорида, школа для одаренных сравнима если только со школой номер 600 в Нью-

Йорк Сити. Я не знаю, что это за школа, но подозреваю, что школа 600 предназначена для умственно отсталых детей.

– Мне пора на урок, – сказала Шарлен.

– Постой, еще всего несколько вопросов, – удержал ее я.

– Ну ладно, но только мне правда надо...

– Элисон сильно кашляла вчера вечером?

– Элисон? Нет. И кто только вам сказал такое?

– Ты давала ей никвил, чтобы она уснула?

– Нет. В десять часов я налила ей молока и дала к нему несколько крейкеров. Викки сказала, что Элисон может задержаться подольше у телевизора и посмотреть ее любимое шоу, но она попросила меня уложить Элли спать, как только программа закончится. Вот я ей и дала сначала молока с крейкерами, а потом уложила в постель.

– Но без никвила?

– Без.

– И кашля никакого тоже не было.

– Совсем никакого.

– А ты не говорила Викки ничего о том, что у Элисон может подняться температура?

– Нет, а почему я должна была ей об этом говорить?

– А ты рассказала ей о всех тех звонках?

– Ну разумеется, конечно.

– Шарлен, – сказал я, – большое тебе спасибо. Тебе лучше поспешить теперь, ведь ты не хочешь, чтобы тебе записали опоздание?

– А что, когда вы учились в школе, вам тоже записывали опоздания? – спросила она, будучи пораженной до такой степени, как будто только что ей довелось узнать, что эта система применялась когда-нибудь во времена Священной Римской Империи.

– Да, – ответил я. – Большое тебе спасибо, Шарлен.

Мне показалось, что она еще не знает о том, что маленькую Элисон похитили. Я посмотрел ей вслед, когда она открыла выкрашенную бордовой краской дверь и вошла в корпус, внутри которого работали кондиционеры. После этого я направился к своей машине, припаркованной неподалеку, размышляя над тем, нужно ли рассказать Моррису Блуму о том, что мне только что удалось узнать об этих загадочных телефонных звонках. Хотя, Блум уже объяснил мне, что это не кино. Поэтому я решил рассказать ему все, что теперь мне было известно.

Он же оказался не слишком-то благодарным.

Прежде всего Блум объяснил мне, что это его задачей является расследование совершенного убийства, не говоря уже о похищении ребенка. И хотя ему, конечно, вполне понятно мое желание выискать что-нибудь такое, что как мне кажется может иметь хоть какое-то отношение к данному расследованию, но тем не менее ему бы крайне не хотелось, чтобы некий любитель (до чего же все это унизительно!) своими самодеятельными поисками ненароком вспугнул бы убийцу, чьего ни в коем случае нельзя было допустить. Он также на-

помнил мне, что в соответствии с Разделом 1201, подразделом (б) Федерального Законодательного Акта о киднэппинге, при невозможности освобождения жертвы в течение двадцати четырех часов с момента захвата силой или обманом, удержания под охраной, равно как и в случае похищения с целью получения выкупа, имеются все основания к тому, чтобы дальнейшее расследование по делу данного лица перешло в ведение общенационального и международного законодательства, а это означает, что завтра в девять часов утра к расследованию подключится ФБР, потому что тогда уже пройдет ровно двадцать четыре часа, как домработница обнаружила Викторию Миллер мертвой, и она же заявила о пропаже девочки. А до того времени дело это остается в исключительном ведении Департамента Полиции Калусы, на которое и падет вся тяжесть ответственности, если вдруг, не дай бог, что-нибудь случится с малышкой, а случиться может все, что угодно, не исключая участи, постигшей ее мать.

– Итак, господин советник, – проговорил Блум (и это его «советник» тоже показалось мне крайне оскорбительным, потому что чаще всего в суде адвокаты истца и ответчика употребляли его не иначе, как саркастически), – нам не известно, почему этот человек – если это он был там – забрал с собой ребенка. В большинстве случаев детей похищают с целью получения выкупа, но вряд ли кто станет сначала убивать женщину с тем, чтобы потом все же ожидать от нее выкупа. Нам удалось выяснить у отца убитой, – я рассказываю

вам все это, советник, чтобы вам было проще понять мою позицию – его зовут Двейн Миллер, а живет он здесь неподалеку в Манакаве, что бывший муж его дочери в настоящее время проживает в Новом Орлеане и что зовут его Энтони Кениг. И вот мы уже целый день пытаемся связаться с ним, чтобы выяснить, не требовал ли убийца выкупа у него. Вероятнее всего, что убийца выйдет именно на Кенига, если только не решит обратиться с этим же к Двейну Миллеру, что тоже вполне возможно, в таком случае...

– А вы спрашивали Миллера об этом?

– Да, и более того, мы также установили у него в доме нашу аппаратуру, которая позволит нам, в случае если ему действительно позвонят, проследить номер телефона, откуда был сделан звонок. Вы знаете, советник, он ведь понимает, что это вопрос жизни или смерти, и еще он слишком любит свою маленькую внучку, а поэтому ему вовсе не хочется, чтобы с ней что-нибудь случилось, а потому он не рассказывает об этом никому, не делится своим горем даже с самыми близкими друзьями и соседями. Теперь ужно сохранять хладнокровие, подождать, пока тот, кто похитил ребенка, сам сделает первый ход. Мы оповестили газеты и телевизионные станции в Тампе и Манакаве только об убийстве, но им не было ничего сказано об исчезновении ребенка. Мы хотим, чтобы убийца первым заявил о себе, понимаете ход моих мыслей? Возможно, что он думает, будто бы мы не знаем о том, что девочка похищена, может быть он уверен, что мы

думаем, что ребенка тогда не было дома, что будто бы Элисон была где-нибудь, ну, скажем, в гостях у знакомых или еще где, пусть думает, будто мы еще находимся в полном неведении. Мы хотим, чтобы он позвонил или отцу малышки, этому Энтони Кенигу, которого теперь, кстати пытаются разыскать ново-орлеанская полиция, чтобы поставить телефон в его доме на прослушивание, или может быть похититель позвонит дедушке ребенка, который уже готов к этому и только и ждет того, чтобы как можно дольше задержать того парня на телефоне; или же не исключено, что он позвонит нам, в полицию, или (боже упаси) в редакцию какой-нибудь из газет – остается только надеяться на то, что он туда не позвонит. Ведь они все равно не придумают ничего более подходящего, как встрять самим в это дело и в таком случае нельзя исключить возможность того, что положение еще больше усугубится, и тогда уж жизни ребенка будет угрожать реальная опасность. Мы же будем готовы ко всему, и мы ждем его звонка, если он вообще позвонит. У нас тогда будет ощутимое преимущество, ведь он будет уверен, что никто еще ничего не знает, и ему придется очень долго объяснять, в чем дело. А в то время телефонная компания попытается полностью отследить этот звонок. Так что, советник, – продолжал он, – вы окажете мне неоценимую услугу, если пообещаете с этого момента не бегать больше по всему городу, приставая с распросами ко всем, кто на ваш взгляд может иметь хоть какое-нибудь отношение к случившемуся. Будь я

на вашем месте, мне бы просто ужасно не хотелось бы осознавать потом, что из-за меня, по моей вине пролилась кровь шестилетнего ребенка. Вот такие дела, советник.

– Я просто думал, что мы с вами, как вы выразились, не в кино, – сказал я.

– Вы правильно думали.

– Ну тогда и будьте любезны не разговаривать со мной таким тоном, будто я какой-нибудь говнюк из частного сыска где-нибудь в Лос-Анджелесе.

В трубке воцарилось молчание.

– Ну ладно, – наконец выдавил из себя Блум, – я извиняюсь, – он еще какое-то время помолчал. – Я ненавижу, когда вот так похищают детей, – снова заговорил он, – у меня и у самого растет дочь.

– И у меня тоже.

– Но ведь я же сказал, что я извиняюсь. Но уж вы, пожалуйста, тоже, окажите мне любезность, ладно? Не влезайте в эти дела. Нам уже все известно о тех вечерних звонках, девушка, что присматривала за ребенком, сегодня утром все нам рассказала об этом. Хорошо, мистер Хоуп? Договорились?

– О'кей, – пообещал я, – я больше не буду встречать в ваши дела.

Но этот разговор состоялся у нас еще до того, как Энтони Кениг сам пришел ко мне в четыре часа того же дня.

На три часа дня у меня была назначена встреча с одним

из моих клиентов, сосед которого устроил свой подъездной путь к дому так, что получалось, что дорога эта захватывает под себя еще целых два фута земли, являвшейся собственностью моего клиента. Обратившемуся же ко мне за консультацией клиенту вовсе не хотелось каким-то образом разрушать или хоть в какой-то мере нарушать соседскую дорогу, тем более, что с соседом они ладили, но, однако, в то же время ему хотелось узнать у меня, а не существует ли опасности того, что подобное постепенное посягательство на его собственность может продолжиться и в дальнейшем. Я сказал ему на это, что в действительности существует опасность того, что через какое-то время тот сосед может заявить о своих правах на землю на основании ее местоположения, а также в связи с продолжительным сроком пользования тем подъездным путем, а поэтому нам с ним нужно будет подготовить соглашение, которое бы допускало одновременно хотя и допускало бы подобное вторжение в границы чужой частной собственности, но в то же время не позволяло бы тому его соседу предъявлять свои права на эту землю когда-либо в будущем. Мне показалось, что он был очень озадачен этими моими словами. Но я все же сумел заверить его, что все будет просто замечательно, и ему вовсе не стоит волноваться. И все же, когда без десяти минут четыре он покидал мой офис, весь вид говорил о том, что душу его мучили сомнения.

В последующие сорок пять минут я только и занимался тем, что звонил в разные места по телефону или же сам от-

вечал на звонки, когда звонили мне. Это были: 1) служащий ипотечного³ отдела Национального банка Флориды, проинформировавший меня о том, что один из прежних клиентов нашей конторы, Джонас Карлтон, только что продал свой дом, который до этого он заложил у них в банке, и что при продаже или передаче имущества в собственность другому владельцу, им должна была быть выплачена полная сумма в соответствии с распиской, так что теперь банк требовал надлежащей уплаты по векселям; 2) я позвонил Джонасу Карлтону сначала на работу, а затем 0 к нему же домой на Сабал. Ни по тому, ни по другому телефону мне так никто и не ответил. Тут мне в голову пришла мысль, что он возможно переехал, пока мы занимались продажей его дома, а посему я позвонил 4) в Национальный банк Флориды, чтобы узнать, не отличается ли номер телефона, которым располагают они от того, что есть у меня в моих записях. И действительно, номер у них был записан другой. Затем я 5) снова позвонил Джонасу Карлтону, на этот раз уже в Манакаву, что находится в семнадцати милях к югу от Калусы. Здесь мне тоже никто не ответил, а потому я сделал себе пометку, чтобы не забыть об этом деле и попробовать дозвониться к нему на следующее утро. Тут снова зазвонил телефон, звонили из б)налоговой инспекции для того, чтобы сообщить мне о том, что один из моих клиентов обратился к ним с заявлением

³ Ипотека (от греч. *hypoteke* – залог) – залог недвижимости (земли, строений) с целью получения долгосрочной ссуды.

уменьшить ему на две тысячи налог на купленный им в 1978 году новый дом, и в этой связи они просили меня представить в их службу сертификат от застройщика, который бы подтверждал, что при заключении сделки были соблюдены все необходимые условия для подобного уменьшения размера взимаемого налога. Я ответил, что я смогу представить им этот документ, а затем я позвонил Синтии, собираясь попросить принести мне то дело, а она в свою очередь сообщила мне, что меня уже ждет на телефоне 7) какой-то мужчина, имени которого она никак не может выговорить. А все потому, что звали его мистер Каджчрзак. Сначала он назвал мне все свое имя по буквам, а затем сказал, что на самом же деле он урожденный Фредерик Вильсон, но еще ребенком он был усыновлен семьей Каджчрзак, и вот уже последние тридцать четыре года он живет под именем Фредерик Каджчрзак. Но теперь ему хотелось бы изменить свое имя и снова стать Фредериком Вильсоном, но вот только его приемные родители возмущены таким его отношением к их семейной фамилии, и еще они пригрозили тем, что они со своей стороны будут всячески этому противиться. Я пригласил его зайти ко мне лично, и мы договорились о встрече на следующей неделе. Синтия снова позвонила мне по селектору и сказала, что она уже нашла нужное мне дело. Я попросил ее зайти. Она положила папку мне на стол, и заодно сообщила, что на третьей линии для меня опять есть звонок. На этот раз звонил 8) мой клиент по имени Артур Лорринг, поведовавший

мне о том, что его сына задержала полиция из-за того, что он ехал на мотоцикле со скоростью девяносто миль в час на участке, где правилами разрешалось только тридцать, а на заднем сидении у него в тот момент находилась еще и его юная спутница. В ответ на это я выразил ему свои опасения, что очевидно за всем этим происшествием стоит нечто более серьезное, чем просто тривиальное превышение скорости, а поэтому я дал ему координаты своего коллеги, кто сможет справиться с этим делом лучше, чем «Саммервиль & Хоуп». После этого я позвонил 9) Бенни Вайсу, занимавшемуся уголовными делами. Я предупредил его о том, что Лорринга к нему направил я сам, а заодно вкратце пересказал ему, в чем там дело. В ответ тот подтвердил мне, что это будет признано нарушением Главы 316.192, неосторожная езда, и что сын Лорринга вне всякого сомнения будет осужден на три месяца тюремного заключения, и можно будет считать, что ему повезет, если он отделается только этим, и его не заставят еще к тому же платить штраф. Бенни считал, что парень заслужил эти девяносто дней заключения, так, мол, ему и надо. Затем я перезвонил 10) нашему клиенту, купившему винный магазин, и звонившему мне днем, когда меня не было в офисе, чтобы сообщить, что адвокат продавца желает, чтобы стоимость товара в том магазине была подтверждена, исходя из розничной цены товара, за вычетом двадцати процентов, на что я ему ответил, что мне в качестве отправной точки будет нужна контрактная стоимость товарных резервов ма-

газина, потому что именно этот и является общепринятым методом, и я сам вызвался поговорить с адвокатом продавца. Мой клиент попросил меня не затягивать с этим, итак, я набрал номер 11) Авраама Поллока, известного в наших профессиональных кругах как Честный Эйб; я заявил ему, что его предложение по расчетам с розничной цены нас ни коим образом не устраивают. Он сначала ныл и вздыхал, и все повторял: «Ну поимей же совесть, Мэттью», но в конце концов он все же согласился на расчет с оптовой цены плюс к тому двадцать процентов. И перед тем, как мне позвонила Синтия, чтобы сказать, что меня дожидается мистер Кениг, я успел сделать еще один звонок. Я позвонил 12) моей любимой доченьке.

Трубку сняла Сьюзен.

– Привет, Сьюзен, – заговорил я, – я могу с ней поговорить?

– Она еще не вернулась домой из школы, – ответила мне на это Сьюзен.

– Да... Ну ладно тогда, я...

– Сегодня у нее занятия в хоре.

– Точно. А я и забыл.

– Но я все равно рада, что ты позвонил.

Это заявление меня удивило. Обычно очень редко, если не сказать, что вообще никогда, Сьюзен радовалась моим звонкам.

– Правда?

– Да. Ты будешь занят в эти выходные?

Я помедлил с ответом. Что это? Неужели Сьюзен собирается пригласить меня в гости? На обед? На прогулку по пляжу? Или же станет строить мне козни?

– Потому что, если ты не будешь занят, – продолжала она, – как ты думаешь, не сможешь ли ты снова взять Джоанну и на этот раз? Я знаю, что она только что была у тебя, но для меня твое согласие очень важно.

Это тоже меня порядком удивило. Обычно Сьюзен не приветствует то, что я вижу с нашим с ней ребенком даже хотя бы раз в две недели.

– Я буду очень рад снова забрать ее к себе, – ответил я.

– Дело в том, – снова заговорила Сьюзен, что на эти выходные меня пригласили на Багамы.

– На выходные? – переспросил я. Мне всегда казалось, что Багамы находятся слишком далеко для того, чтобы так вот запросто проводить там уикэнд.

– Да. Джорджи Пул собирается вылететь туда вечером в пятницу на своем самолете, и мы проведем всю субботу и воскресенье на его яхте, а затем вечером в воскресенье прилетим обратно в Калусу. Ты сможешь забрать Джоанну в пятницу прямо из школы, а обратно привезти ее в понедельник утром, когда поедешь на работу?

– Разумеется, – ответил я.

– Спасибо, – сказала Сьюзен. – Я передам ей, что ты звонил.

Она повесила трубку. Я же все еще сидел, тупо уставившись на телефон. Джорджи Пул был одним из самых богатых людей в Калусе, и к тому же еще и холостяк, которому едва перевалило за сорок. Бытовало мнение, что особое предпочтение отдается им милашкам с внешностью кинозвезды, а отсюда и все эти его частые поездки в Лос-Анджелес, где, опять же если верить слухам, он уже приобрел немало недвижимости на Тихоокеанском побережье. И вот теперь, по-видимому, он положил глаз и на мою бывшую жену, которую вполне можно было считать по-своему привлекательной, и мне вдруг стало до того жаль этого беднягу, что я даже в какой-то момент подумал о том, что, наверное, следовало бы послать ему дюжину роз в знак утешения. Хотя, конечно, на самом деле все было совсем не так. Может быть, узнав о наших с Аджи отношениях (Боже, кажется это было сто лет назад!), Сюзен и начала вести себя как сука, но все же не всегда она была такой, и сейчас я все еще не могу забыть, как иногда нам было очень хорошо вдвоем. Проблема наших отношений – если не брать в расчет мои походы на сторону, ведь они были частью второстепенной проблемы, которая и сама была порождением нашей этой главной трудности – была вовсе не в том, что кто-то из нас вдруг ощутил себя более взрослым, в то время как второй оставался на прежнем «детском» уровне; когда некоторые люди указывают, что причина их развода только в этом, я считаю, что они попросту лгут. На самом же деле все было несколько иначе: мы оба выросли,

но вот только рост этот был направлен в противоположных направлениях: все же каким-то образом те «мы», которыми мы с ней были, когда поженились, постепенно переродились в каких-то других, совершенно чуждых друг другу после четырнадцати лет совместной жизни людей, и это было большой неудачей, и все это было весьма и весьма грустно. Я никогда не был в восторге от перебранок с Сьюзен. И мне действительно было очень неприятно, что когда бы я ни позвонил туда, где мы с ней когда-то жили вместе, мне всегда приходилось слышать ее раздраженный голос. Меня выводило из себя, что она говорила Джоанне обо мне разные гадости, которые Джоанна, будучи послушной и любящей дочерью, затем пересказывала мне. Но больше всего мне не хотелось сдерживать в душе частые приступы сострадания (вины, Фрэнк назвал бы это так), которые временами я испытывал по отношению к Сьюзен. Ведь когда-то я любил ее больше, чем свою собственную жизнь. Опуская трубку на рычаг аппарата, я мысленно пожелал ей счастья.

Снова затрещал селектор. Было уже четыре часа дня, и этот понедельник показался мне самым долгим из всей моей жизни. Я нажал кнопку, и Синтия объявила мне, что встречи со мной дожидается некто Энтони Кениг.

– Кто? – переспросил я.

– Энтони Кениг. Вы не договаривались с ним о встрече. На сегодня, кажется, больше...

– Пусть войдет прямо сейчас, – сказал я.

Первое впечатление, произведенное Кенигом, было поистине внушительным. Мне показалось, что на вид лет ему было пятьдесят восемь – пятьдесят девять. Его массивная голова по величине как раз подходила к огромному торсу; я приблизительно прикинул, что росту в нем было примерно шесть футов и четыре дюйма, а весил он должно быть около двухсот с половиной фунтов. У Кенига были густые седые и несколько длинноватые волосы, ниспадавшие ему на лоб. Костюм на нем тоже был белым, под стать волосам, а бледно-розовая рубашка была спереди дополнена узким черным галстуком, заколотым посередине простой по форме золотой галстучной булавкой. Тип лица – поросенок; его бледно-голубые глаза за толстыми стеклами очков казались еще больше, чем они были на самом деле, нос его казался несколько приплюснутым, но вот губы были с виду на редкость чувственными. Он протянул мне руку и заговорил безо всякого вступления.

– Я муж Виктории Миллер, у меня есть ее письмо, с которым, я думаю, вам следует ознакомиться.

– Ее муж? – переспросил я.

– Ее бывший муж, – уточнил он.

– И что это за письмо?

– О том, что она хотела, чтобы я забрал к себе Элисон, если с ней самой вдруг что-нибудь случится. Она написала в нем, что мне следует обратиться к вам.

– Обратиться ко мне?

– Да. Если вдруг что-нибудь случится. Ведь вы же ее адвокат, так ведь?

– Нет, сэр, это не так.

– Но тогда, какого черта все это? Кто же вы ей тогда? – спросил он.

– Ее знакомый.

– Знакомый?

– Мы несколько раз встречались. Это было в какой-то мере...

– Но тогда мне вообще не понятно, какого черта она хотела, чтобы я обратился именно к вам?

До этого момента он говорил хорошо поставленным голосом, это была плавная речь образованного южанина, в которой к тому же не было заметно ни малейшего акцента. Теперь же, когда он начинал волноваться все больше, и лицо его при этом начал заливать густой румянец, а глаза из-под белесых нахмуренных бровей глядели крайне неодобрительно, территориальная принадлежность посетителя стала более очевидной.

– Мистер Кениг, – начал я, – она должно быть только собиралась поговорить со мной о...

– Нет, – возразил мне на это он, – она сообщила мне, что она уже позаботилась об этом. У меня прямо здесь в кармане лежит ее письмо, да куда же оно там запропастилось в конце концов, это треклятое письмо? – с этими словами он начал шарить во внутреннем кармане своего белого костюма, вы-

нув из него сначала чековую книжку в черной обложке, затем пустой футляр от очков, и затем наконец оттуда было извлечено и само письмо, которым Кениг сначала победоносно помахал в воздухе, а затем кинул его на мой стол. – Ну, давайте, читайте же эту чертовщину.

На конверте был написан адрес: Мистеру Энтони Кенигу, Чарльз Авеню, Гарден Дистрикт, Новый Орлеан. Я вытащил письмо из конверта и развернул его. Датировано он было седьмым января; значит, это был прошлый понедельник. Я принялся молча читать.

Дорогой Тони,

Как тебе уже известно, мои концерты начнутся вечером в пятницу (это будет одиннадцатое число, можешь пометить его себе, ха-ха) в ресторане «Зимний сад, что всего несколько месяцев назад открылся у нас на Стоун-Крэб. Я немного волнуюсь, потому что до этого мне еще ни разу не доводилось выступать перед зрителями с тех пор, как ко мне пришел успех (мои случайные подработки в Арканзасе не в счет). Но уж во всяком случае это будет мое первое выступление с тех пор, как я отошла от дел. Но я пишу тебе не для того, чтобы просто рассказать обо всем этом. Речь пойдет об Элисон.

Я знаю, что ты не откажешь мне в этом. Если со мной вдруг что-нибудь случится, то я хочу, чтобы заботу о нашей Элисон ты взял на себя. Я уверена, что ты сумеешь воспитать ее и что ты будешь ей хорошим отцом. Ведь ты был им

всегда. Я иногда начинаю думать о том, Тони, что нам не следовало расставаться, тем более так, как это вышло тогда. Но прошлого теперь не вернуть.

Я лишь хочу просить тебя забрать ее к себе, если, не дай Бог, что-нибудь случится с ее матерью. Я познакомилась тут с одним человеком, его зовут Мэттью Хоуп, он адвокат здесь у нас в Калусе и просто очень хороши человек, и если возникнет необходимость, то тебе лучше будет иметь дело только с ним.

Ну вот, кажется, и все. И, Тони, пожелай мне удачной пятницы. Я уверена, что это мне очень пригодится. Элисон передает тебе большой привет и говорит, что она ждет с нетерпением, когда в следующем месяце она снова придет к тебе в гости.

Очень прошу, береги себя.

С наилучшими пожеланиями,

Викки.

Я взглянул на него.

– Вот, – сказал он.

– Вы меня, конечно, извините, мистер Кениг, – заговорил я, – но я не вижу здесь ничего такого, что указывало бы...

– Дайте-ка это сюда, – прервал он меня, и приподнявшись нас стуле, он буквально вырвал письмо из моих рук. – Вот здесь, – сказал он, пробежав по тексту глазами, – а что бы по-вашему это могло означать, если не то, о чем я вам уже говорил? Я познакомилась тут с одним человеком, его зовут

Мэттью Хоуп...

– Да, это конечно...

– ...и тебе будет лучше иметь дело только с ним.

– Да, но она ведь ничего не пишет о том, что я ее адвокат.

– Она пишет, что вы адвокат, вот это место...

– Я на самом деле адвокат. Это совсем не означает еще того, что я ее адвокат.

– Черт побери, но ведь здесь и так все ясно. Сначала Викки пишет, что она хочет, чтобы я взял к себе Элисон, а затем она говорит о том, что если возникнет необходимость, то чтобы я имел дело только с вами, ведь это же ее слова, если возникнет необходимость. И скажите мне на милость, какая другая чертовщина, по-вашему, может быть скрыта за этими словами, если речь не идет о том, что у вас должна быть бумага от Викки, что я имею право на опеку?

– Мистер Кениг, у меня нет такой бумаги. Как я вам уже ранее говорил, Викки, должно быть, только собиралась обсудить со мной этот вопрос, а затем из-за недостатка времени между репетициями перед премьерой или...

– Но почему же тогда она написала мне об этом, как будто все уже на самом деле устроено?

– Понятия не имею. А вообще вы часто писали друг другу письма?

– В принципе, да, но обычно это была так, обыкновенная болтовня, ничего особо важного. Это письмо...

– Да, здесь все кажется уж слишком серьезным.

– Я опасался, что с нею может что-нибудь случиться, и вот это на самом деле произошло, ее убили...

– Да.

– И мне кажется, что она боялась, что это может случиться, а поэтому она дала указания, чтобы моя дочь осталась бы только у меня.

– Мне Викки таких распоряжений не давала, мистер Кениг.

– Вы все время твердите теперь об этом, но ведь в письме-то говорится совсем об обратном.

– И я снова скажу вам, что мне ничего не известно о ее волеизъявлении относительно какого бы то ни было опекуна.

– Но вот ведь ваше имя, оно же здесь, в этом письме, будь оно неладно!

– Да, это так. Она пишет, что мы встречались, и это действительно так. Но никаких особых распоряжений, ни в письменной, ни в устной форме, касательно опеки над Элисон, в случае...

– Тогда, сэр, я уже ровным счетом ничего не понимаю, – проговорил Кениг.

– И я тоже.

– Я просто не могу понять этого.

– В любом случае/б – заметил я, – я уверен, что распоряжения, отдаваемые вот так в письме, не могут быть приняты к обязательному исполнению судом.

Наступило продолжительное молчание. Мы сидели по

разные стороны моего стола, молча уставившись друг на друга.

– Я хочу взять к себе мою малышку, – сказал Кениг, – здесь во Флориде у меня нет адвоката, он остался в Новом Орлеане, там, где я живу. Я был бы вам очень признателен, если бы вы смогли бы выяснить для меня, что именно говорит закон по поводу опеки.

– Я конечно же постараюсь помочь вам в этом, мистер Кениг. Вы не станете возражать, если я оставлю это письмо у себя на некоторое время?

– Разумеется, не буду.

– А где я смогу разыскать вас здесь, в Калусе?

– Я остановился в отеле „Брейквотер Инн“. Я приехал вечером в субботу, успел даже побывать на втором концерте Викки в том ресторане на Стоун-Крэб.

– Так вы здесь с субботы? – переспросил я.

– Да, сэр. Я выехал из Нового Орлеана рано утром в пятницу.

– Мистер Кениг, я должен вам кое-что сообщить, мне кажется, что вам это необходимо знать...

– Что такое?

– ...но я не уверен, что вы должны узнать это именно от меня. Может быть даже будет лучше, если вы обратитесь в полицию.

– А это еще зачем? Мне еще ни разу в своей жизни не доводилось встречать сколь-нибудь стоящего полицейского.

Никто из них не стоит даже того слова, что изводится на значки, которые они цепляют на свои мундиры. А что, полиция уже начала выяснять, не может ли еще кто-нибудь взять опеку над моей дочерью? Знаете, мистер Хоуп, я скучал без нее все эти годы, и будь я проклят, если я позволю кому-нибудь другому забрать ее у меня. Теперь, когда Викки уже больше нет. Так вы мне это собирались сказать?

Я глубоко вздохнул.

– Вашу дочь похитили.

– Что-что? – переспросил он. – Примите мои соболезнования.

– О, Бже мой, – вырвалось у Кенига, – Боже мой! Что... кого я... что... о, Боже!..

Я написал на обороте своей визитной карточки имя Морриса Блума и адрес полицейского участка. После этого я связался по селектору с Синтией и спросил ее, не может ли она оказать мне любезность и отвезти господина Кенига в центр города. Пошатываясь, он вышел из моего кабинета, и выглядел он тогда еще лет на десять старше, чем тогда, когда он только-только входил сюда.

В тот день раньше, чем в шесть часов вечера мне домой попасть было не суждено. Включив телевизор, я направился к стенному бару, намереваясь сделать себе двойной мартины – уж слишком длинным мне показался тот день. В то время как я смешивал „Бифитер“ с вермутом, по телевизору начались шестичасовые новости. Мой компаньон Фрэнк

говорит, что в Нью-Йорке (мне кажется, что он считает это признаком некой особой утонченности, что ли) каждый день совершается столько преступлений, что газеты и телевидение освещают только самые-самые наикровавейшие из них; там, в Нью-Йорке, для того чтобы твое имя замелькало бы в газетных заголовках, нужно по крайней мере убить полицейского, или же, орудуя топориком для разделки мяса, вырезать всю свою семью и в придачу к ней еще и соседа, что живет этажом выше. В Калусе тоже время от времени совершаются убийства, но это вовсе не означает того, что все мы настолько устали от подобных сообщений, что не находим в себе сил даже для того, чтобы прореагировать на случившееся; наши местные газеты и телевидение редко когда обходят молчанием даже какое-нибудь непреднамеренное убийство, совершенное из мелкокалиберного оружия. „В Калусе очень легко завладеть вниманием толпы“, – сухо констатирует Фрэнк. Иногда Фрэнк просто выводит меня из себя, но все же он очень хороший юрист, а еще мне кажется, что он мой самый лучший и близкий друг.

И не смотря на все предостережения, о которых Блум рассказал мне раньше, теперь в программе новостей диктор рассказал о имевшем место в городе случае убийства и киднеппинга. То ли убийца уже объявился, то ли с тех пор, как я разговаривал с Блумом в последний раз, стратегические планы у полиции успели измениться. Я подумал о том, что возможно Кениг уже побывал в участке, и мне очень хоте-

лось узнать, а не имеет ли он какого-либо отношения к данному заявлению. Я также раздумывал и над тем, какой оказалась реакция Кенига, когда он узнал о том, что произошло с его дочерью. Он показался мне очень непостоянным, а такие люди иногда могут...

Затем мне в голову неожиданно пришла мысль, от которой внутри у меня все похолодело.

Викки написала письмо, в котором, очевидно, она излагала свои планы относительно того, что ее бывший муж должен был взять на себя заботу об их дочери, в том случае, если с ней самой что-нибудь произойдет. Если она в самом деле опасалась кого-то, то уж Кениг-то никак не мог быть этим кем-то; в противном случае, можно было бы подумать, что Викки окончательно выжила из ума, чтобы писать об этом ему же. Но если Кениг „все это время“ хотел получить опеку над дочерью, как он сам сказал мне об этом во время своего недавнего визита в мою контору, и если он еще раньше знал о том, что в случае своей смерти Викки собиралась доверить ему воспитание дочери...

Зазвонил телефон.

Я почти до верха долил свой бокал, и держа его в руке, направился в спальню. Телефон продолжал настойчиво звонить. За окном, с небольшого заболоченного ручейка, протекавшего неподалеку от моего дома, неожиданно взлетела цапля, – очевидно ее испугнул этот звук. Я присел на край кровати и, по-прежнему еще держа в руке наполненный бо-

кал, другой рукой я поднял трубку.

– Мистер Хоуп? Это Тони Кениг.

– Да, мистер Кениг. Как у вас дела? – откликнулся я.

– Хорошо, – сказал он, – ну, относительно, конечно. Кажется, что им удалось разузнать еще не слишком много. Они хотят установить у меня дома свою аппаратуру, чтобы проследить, откуда мне будет звонить похититель, если он вообще позвонит. Мистер Хоуп, а вы как думаете, он позвонит? Ведь обычно в подобных случаях они звонят, ведь правда?

– Да, обычно.

– И все же, вы не посмотрели еще для меня то, о чем я вас просил? Знаете, я теперь все время думаю о том, что ее скоро разыщут. Я надеюсь на то, что этот кошмар очень скоро закончится. Элисон очень скоро вернется, вот увидите.

– Я попросил кое-кого в моей конторе заняться этим, и еще я также позвонил в „Хопкинс и Коул“ – это большая фирма в нашем городе, они ведут многие дела, связанные с опекуном.

– И что вам удалось выяснить? А письмо от Викки бует иметь здесь какое-либо значение?

– Но не в отношении опекуна. Как я и предполагал, оно может послужить лишь в качестве свидетельства о ее намерениях, но все же оно не сможет быть принято судом к обязательному исполнению.

– Судом? Разве это делается через суд?

– Я не утверждаю, что это обязательно и необходимо. Но

если вдруг найдется кто-нибудь, кто решит оспорить ваше право опекуна... итак, давайте я расскажу вам все как есть. Мистер Кениг, с вами там все в порядке?

– Давайте, продолжайте.

– Фактически, это письмо не имеет никакой юридической силы. А вы случайно не знаете, не оставила ли Викки завещания?

– Очень жаль, но об этом мне ничего не известно. А завещание будет иметь в суде юридическую силу?

– Конечно, это будет в высшей степени убедительно, и оно обязательно будет принято во внимание и учтено, если только вы не будете признаны несостоятельным как родитель. Но даже если Викки умерла, не успев оформить завещание, то вы несомненно все равно должны получить право опеки над своей дочерью. В подавляющем большинстве случаев суд присуждает опекунство, отдавая предпочтение непосредственно кровному родителю, нежели чем, например, бабушке или дедушке со стороны матери ребенка, или, там, скажем, тетке, старшей сестре, или кто там еще может быть... Скажите, а есть ли кто-нибудь, кто мог бы оспорить ваше право на опекунство?

– Конечно. Отец Викки. Двейн Миллер.

– А почему?

– А потому что он просто выживший из ума старый мудака, возомнивший себя пупом земли.

– И что, у него имеются какие-либо основания на то, что-

бы оспаривать ваше право?

– Например, какие?

– Может ли он, к примеру, заявить, что вы плохой отец?

– Это просто смешно.

– Или, например, то, что дом ваш не пригоден для того, чтобы воспитывать в нем маленькую девочку?

– Это абсолютный нонсенс.

– Вы платили алименты на Элисон?

– Регулярно, каждый месяц.

– И никогда не забывали это сделать?

– Ни разу.

– За вами числятся какие-нибудь правонарушения?

– Ну там, несколько штрафов за парковку в неустановленном месте... еще один раз был штраф за превышение скорости, это было где-то года три-четыре назад.

– Вы часто виделись с Элисон?

– Не реже одного раза в месяц, и обычно она проводила у меня все лето.

– А Элисон когда-нибудь жила у своего деда?

– Нет.

– Хорошо, мистер Кениг, тогда разрешите мне теперь привести вас несколько решений, вынесенных судом при рассмотрении аналогичных дел: Торрес против Ван Эпоэля, 1957 год, это было здесь, во Флориде: „Кровный родитель имеет право на опеку“ – кстати, она ведь ваш кровный ребенок, так?

– Что вы имеете в виду?

– Она ведь не была усыновлена? И это не был ребенок от более раннего брака, в котором могла состоять Викки...

– Нет-нет, для нас обоих этот брак был первым. Элисон от меня, это точно.

– О'кей, тогда снова Торрес против Ван Эпоэля: „Кровный родитель имеет право опекуна над его или ее детьми, за исключением тех случаев, когда имеются основания или условия, в которых родитель может быть лишен этого права в интересах благополучия самого ребенка. Данное право родителя является первостепенным“.

– Да черт побери это право, – воскликнул Кениг.

– Модакси против Тейлора: „Любовь и привязанность другого лица, какой бы сильной она не была, не является достаточным основанием для того, чтобы лишить собственно родителя своего ребенка“.

– Продолжайте читать, мистер Хоуп.

– Бен против Тайммонса – это совсем недавнее дело, 1977, тоже слушалось здесь, во Флориде – „Родитель имеет данное ему Богом право заботиться и находиться вместе со своим потомством; за исключением тех случаев, когда явные, убедительные и непреодолимые причины препятствуют этому, благополучие ребенка может быть в полной мере гарантировано ему только исключительно заботой и опекой кровного родителя“.

– Мистер Хоуп, вы уже этим заслужили свой гонорар, –

сказал Кениг. – Я даже не могу передать, насколько мне теперь стало легче. И что мне теперь надо делать?

– Ничего не надо.

– Ничего? Как это „ничего“? Почему?

– Когда Элисон найдут...

– Я молю Бога, чтобы это случилось, как можно скорее, мистер Хоуп.

– ...вы сможете просто собрать ее вещи и увезти к себе домой.

– Вот так просто?

– Вот так просто.

– Ну, тогда это замечательно, тогда, кажется, все в порядке. Мистер Хоуп, я даже не знаю, как мне вас отблагодарить за...

– Я должен сказать вам еще кое-что, мистер Кениг. Вы уверены, что Викки никогда при вас не упоминала о завещании? – Никогда. И вообще, какая теперь разница, ведь вы же сами только что сказали мне, что...

– Да, я думаю, что вы можете быть уверены в отношении опекуна над личностью Элисон. А сейчас я имею в виду уже опеку над ее собственностью. Даже если Викки погибла, не успев оставить завещания, то право наследования переходит к ее непосредственному наследнику – в данном случае, это ваша дочь. Мне бы хотелось узнать, не был ли кто-то определенный назначен опекуном над ее собственностью. В случае, если такового названо не было, то суду придется

его назначить.

– Знаете, мне ничего не известно о каком бы то ни было завещании. А вы никак не можете мне помочь узнать об этом?

– Я посмотрю. В Калусе относительно немного юристов. Если Викки оформила завещание...

– Да, пожалуйста, выясните это, – попросил меня Кениг.

– Я буду рад вам помочь, мистер Кениг, – я заколебался. – Мистер Кениг, – продолжал я, – прежде чем мы закончим этот разговор и практически, прежде, чем я сделаю еще что-нибудь для вас, мне бы хотелось выяснить для себя еще кое-что. Я думаю, что вы не воспримете это, как личное оскорбление, но я вынужден задать вам несколько вопросов.

– И что это за вопросы?

– Первый... Скажите, это вы убили Викки?

– Что?!

– Я спросил...

– И вы что... вы это серьезно?

– Мне хотелось бы услышать ответ, пожалуйста, окажите мне такую любезность.

– Нет, сэр, я этого не делал. Я всем сердцем любил эту женщину.

В голосе его слышались слезы. Перед тем, как задать следующий вопрос, я снова впал в короткое замешательство, но и этот вопрос был тоже крайне важен, и я не мог отложить его на потом, просто никак не мог, если я уж решил пред-

ставлять интересы Кенига и в дальнейшем.

– Мистер Кениг, – продолжал я, – ответьте мне, все, рассказанное вами только что, является правдивой...

– Видит Бог, что это самая что нинаесть правда.

– Тогда я смею предположить, и вы поправите меня, если я окажусь неправ, что вы еще не взяли на себя физическую опеку над своей дочерью.

– Уже... я не что?

– Да то, что ваш приход в мою фирму не был лишь маневром для отвода глаз, в то время как Элисон была уже увезена из дома...

– Я ведь только что вам сказал...

– ...увезена вами из дома после того, как Викки была убита – если все, что вы сказали правда, и если вы не являетесь тем, кто убил ее.

– Я ее не убивал. И свою собственную дочь я тоже не похищал.

– Вы пытались вчера вечером дозвониться до Викки по телефону?

– Нет, сэр, я не звонил.

– И вы не говорили няне ребенка, что вы зайдете, чтобы забрать?

– Нет, сэр. А что, кто-нибудь звонил?

– Да, мистер Кениг, – ответил я. – Кто-то именно так сказал.

– Это был не я.

– Хорошо, – сказал наконец я. – Хорошо, я начну все выяснять с завтрашнего утра. Про завещание. Вы все еще живете в „Брейквотер Инн“?

– Да, я останусь здесь до среды. В среду похороны.

– А после?

Кениг начал было диктовать мне свой домашний телефон в Новом Орлеане, но потом раздумал; ведь этот телефон будет прослушиваться полицией, они будут искать похитителя ребенка. Вместо этого он дал мне свой телефон в офисе, и сказал, что я могу оставить сообщение секретарю. Сам он будет связываться с ней время от времени в течение дня, и если что, то он при первой же возможности снова вернется сюда. Потом он снова начал благодарить меня и наконец пожелал мне спокойной ночи. Голос его по-прежнему звучал очень горестно.

Но все же я все время думал о том, какой же он огромный, и в памяти сами собой всплывали слова из того, что Блум рассказал мне этим утром: „Мы предполагаем, что это сделал мужчина, потому как убийца обладал недюжинной силой“.

Глава 4

В десять часов утра во вторник я позвонил Джиму Шерману.

Джим – один из двух владельцев „Зимнего сада“. Это был высокий, довольно мускулистый мужчина. Лет ему было под сорок, но вот волосы его преждевременно поседели еще когда он был всего-навсего двадцатидвухлетним молодым человеком. Голубоглазый атлет, с кожи которого никогда не сходил темно-бронзовый загар, он очень старался создать себе имидж распутного пляжного плейбоя, хотя на деле Шерман был совладельцем ресторана, стоившего никак не меньше миллиона долларов и еще трех просторных квартир на престижном рифе Виспер – я слышал, что сдача их внаем приносила ему ежемесячно в виде дополнительного дохода кругленькую сумму в две тысячи долларов. Его компаньон Брэд Этертон был несколько постарше, лет ему было сорок пять – сорок шесть, его темные волосы заметно редели на макушке, а глаза были такими же пронзительно голубыми, как и у Джимма. Ростом Брэд был пониже, чем Джим, и одевался он не так вызывающе ярко как Шерман, и мягко говоря, вся совокупность характеризующих его качество послужила основой для того, что по городу поползли слухи о том, что он и Джим состоят в любовной связи, где Брэд является пассивным партнером, то есть ему была отведена роль женщины. Я

не располагаю доказательствами того, действительно ли они являются теми, кем они считаются в глазах общественного мнения, и честно говоря, мне и вовсе нет дела до их сексуальных пристрастий. Когда Анита Бриант в своей злобной кампании против гомосексуалистов начала приводить цитаты из Библии, я перестал пить апельсиновый сок, который она же рекламировала на телевидении. Я знал, что Джим не появляется так рано в ресторане, поэтому я и позвонил ему домой, на престижный риф Фламинго.

– Алло? – пробурчал он в трубку, и я тут же понял, что мой звонок его разбудил.

– Джим, – заговорил я, – это Мэттью Хоуп. Извини, что я тебя так рано разбудил.

– Нет-нет, что ты, – быстро ответил Шерман, но я явно представил, как он пристально всматривается как раз в этот момент в циферблат часов, что стояли у него на столике у кровати.

– Вы наверняка уже слышали о Викки Миллер...

– Это ужасно, – ответил он. – Жутчайшее потрясение. У нас в ресторане вчера была полиция. Они все задавали вопросы. Боже, такая симпатичная...

– Да, – проговорил я. – Джим, я звоню тебе потому что знаю, что у вас с Викки должно было быть подписано что-то вроде контракта...

– Имеешь в виду ее выступления у нас?

– Да. Ведь у вас был контракт, правда же?

– Тебе это нужно для чего-то определенного?

– Нет-нет. Я просто хотел узнать, кто из юристов представлял ее интересы. У нее был адвокат?

– Да, был.

– А ты мне можешь сказать, кто это был?

– Какая-то фирма из центра города, а уж название-то у них было и просто в дюжину имен. Так, дай мне вспомнить... Джексон, Гаррис... по-моему так. Джексон, Гаррис, Кто-то, Кто-то и...

– А может быть Блэкстоун, Гаррис?

– Блэкстоун, Гаррис, точно.

– Блэкстоун, Гаррис, Герштейн, Гарфилд и Поллок?

– Да, вся эта компания, – подтвердил Джим.

– А тебе случайно не известно, кто именно там был адвокатом Викки?

– Очень сожалею, но этого я не знаю. Ведь все это было очень просто. Я вручил Викки экземпляры контрактов и попросил, чтобы ее люди взглянули на них, а через два дня она принесла их мне уже подписанными, – она прервался ненадолго. Теперь Шерман проснулся уже окончательно. – Мэттью, а как ты думаешь, кто это все устроил?

– Понятия не имею.

– Ее ведь забили до смерти, а?

– Да.

– Вот, сукин сын, – ругнулся Джим.

– Ну, Джим, – сказал я ему, – спасибо тебе за ценную ин-

формацию.

– Рад, что смог помочь тебе, – ответил Джим и положил трубку.

Я набрал номер Честного Эйба Поллока, с кем мне уже довелось разговаривать лишь вчера насчет одного из моих клиентов, собиравшегося купить винный магазин. Первое, что Эйб сказал мне в ответ на мое приветствие было:

– Ну поймей же совесть, Мэттью. Ведь на то, чтобы составить полную смету стоимости, требуется все-таки некоторое время.

– Я тебе звоню совсем по другому вопросу, – ответил я.

– Слава Богу, – сказал он, – но тогда давай, выкладывай все просто и доходчиво, не забывай, что еще очень раннее утро.

– Виктория Миллер, – начал я, – та женщина, что была убита в ночь на понедельник.

– И что из того?

– Я так понял, что ваша фирма просматривала контракт, который Викки Миллер собиралась заключить с „Зимним садом“. На выступление там.

– Впервые об этом слышу, – признался Эйб.

– А ты можешь разузнать, кто из ваших занимался тем контрактом?

– Мэттью, а ты знаешь, сколько юристов работает здесь у нас?

– Сколько же?

– Да я даже сам не знаю, – ответил Эйб, – но поверь мне, что очень много. А когда тебе нужно все это узнать?

– Сейчас.

– Твое „сейчас“ я как должен понимать: „сейчас – сей момент“ или „сейчас – через десять минут“, или может быть „сейчас – завтра утром“? Мэттью, ты все-таки потрудишься огорить сроки.

– Мне хотелось бы поговорить с ее адвокатом, Эйб. И если ты сможешь помочь мне найти его...

– Да что такого необыкновенного в этом концертном контракте? – Сам по себе он не столь уж и важен.

– А что же тогда?

– Важно, оставила ли она завещание или нет.

– Ты что, хочешь, чтобы я еще пустился и на поиски завещания? Поимей же совесть, Мэттью.

– Ты только выясни, кто из ваших представлял ее интересы, и тогда я уже стану надоедать исключительно ему, ладно?

– Подожди-ка, – сказал мне Эйб, – я оставлю тебя пока на линии, я не кладу трубку.

– Спасибо, поблагодарил я.

Я ждал.

Вошла Синтия с чашкой кофе для меня. На ней были темно-синие брюки в обтяжку, синие же лодочки на высоком каблуке и блузка нежно-голубого цвета. Я глядел на нее в крайнем удивлении; Синтия очень редко носила брюки в офисе, отдавая по большей части предпочтение юбкам, кото-

рые очень выгодно подчеркивали все достоинства ее стройных, покрытых золотистым загаром ног. Она поймала на себе мой взгляд.

– Что такое? – поинтересовалась она.

– Просто я несколько удивлен.

– А что, разве не хорошо?

– Да нет же, очень здорово, – поспешил успокоить я ее.

– Тогда в чем дело?

– Обычно ты носишь юбки...

– А это так, для разнообразия, – сказала она, передернув плечами. – А что, разве существует какой-нибудь регламент на этот счет?

– Нет, конечно.

– Ну ладно. А вот Фрэнк говорит, что я выгляжу просто потрясающе.

– А-а... так ведь они вообще ничего не понимает в женских ножках.

– *Chacun son gout*,⁴ – заметила она. – Да, кстати, а ты знаешь о том, что ты все еще сидишь с телефонной трубкой в руке?

– Это я жду Эйба Поллока.

– Его всегда приходистя ждать целую вечность, – проговорила она. – Сливков у нас больше нет, а поэтому я налила тебе туда „Дари-Рич“.

– Превосходно, спасибо, Син.

⁴ У каждого свой вкус (фр.)

– Не за что, – ответила Синтия и выпорхнула из кабинета.

Я упорно продолжал ждать. Когда же Эйб наконец снова вернулся на линию, он сказал:

– Мэттью, кажется это займет еще некоторое время. У нас там наверху сейчас проводят большое совещание по поводу еще одной из наших многомиллионных сделок.

– Да-да, конечно.

– ... и в данный момент я не могу никого вызвать оттуда. Ты в ближайшее время никуда не собираешься?

– Через двадцать минут мне нужно быть в банке „Трисити“.

– Хорошо, ведь это рядом с нами. Ты сможешь зайти сюда после того, как освободишься? А я к тому времени разужнаю, кто же все-таки занимался этим контрактом, и ты тогда сможешь переговорить непосредственно с ним самим.

– Я не смогу быть у вас раньше двенадцати-половины первого, Эйб.

– Меня там тогда уже не будет, я ведь очень рано обедаю. Но, знаешь, я тогда оставлю для тебя записку, и еще я попрошу его дожидаться тебя, идет?

– Я буду тебе очень признателен.

– Пустяки. А по тому, по другому вопросу, я тебя очень прошу, дай нам время хотя бы до конца недели. Ведь мой клиент – но только это строго между нами – не может сосчитать, сколько будет если к двум прибавить два, и у него целая вечность уйдет на то, чтобы просмотреть все свои книги и

раскопать в них оптовые цены на все бутылки. Тогда с этим до пятницы, ладно?

– Отлично, Эйб.

– Я бы пожелал тебе прекрасного дня, – снова заговорил Эйб, – но мне кажется, что скоро пойдет дождь.

В Калусе во время сезона дождей можно ожидать грозу каждый день часа в три-четыре после полудня, как раз в это время зной в сочетании с высокой влажностью больше всего досаждают изнывающим от жары горожанам, нагоняя на них послеобеденную истому. Когда же на землю проливается дождь, то он безжалостно бросается в атаку на мостовые и тротуары, но хватает этого запала всего на какой-нибудь час или около того. Конечно, на какое-то время проливной дождь приносит хотя бы некоторое подобие облегчения, но стоит лишь ему перестать, как все тут же возвращается на круги своя, словно никакого дождя не было и в помине. О да, по сточным канавам текут быстрые потоки мутной воды, повсюду разливаются огромные темные лужи, и то здесь, то там дороги просто-напросто затопляет – но на смену непродолжительному ливню вскоре вновь приходят зной и влажность. И через каких-то несколько минут в воздухе снова повисает душное, потное марево. Но подобное бывает только во время сезона дождей. А январь вовсе не является таковым. В январе дождь вообще никто не ждет. Но тем не менее, как и предполагал Эйб, где-то в районе полудня на город обрушился сильный ливень. Это было как раз, когда я выходил

из здания „Трисити“, и конечно же за время своей короткой перебежки от банка до дверей конторы „Блэкстоун, Гаррис, Герштейн, Гарфилд и Поллок“.

Большинство юридических фирм, особенно те, чьи названия сами по себе больше напоминают скороговорку, да еще такую, что язык можно сломать, позволяют своим секретаршам и служащим на коммутаторе отвечать на телефонные звонки просто и сжато, что-нибудь типа: „Юридическая служба“. Но фирма „Блэкстоун, Гаррис, Герштейн, Гарфилд и Поллок“ не относилась к их числу. Когда я неторопясь вошел в огромную сплошь застеленную коврами приемную, располагавшуюся за массивными дубовыми дверьми, блондинка за секретарским столом весело щебетала в трубку телефона: „Блэкстоун, Гаррис, Герштейн, Гарфилд и Поллок“, доброе утро...» Направляясь к ней через всю приемную, и на ходу стряхивая воду с волос и с рукавов дорогого пиджака, который, как мне теперь казалось, обязательно сядет и будет в пору если только моей дочери, я слышал, как она говорила в трубку: «Да, конечно, сэр, утро сегодня не очень доброе». Потом она еще слушала какое-то время. «Да, совершенно верно, сэр, – согласилась она, – это уже даже и не утро, действительно, уже день». Я молча стоял у ее стола. Блондинка взглянула на меня, мученически закатика глаза и сказала в трубку: «Да, и тоже не очень хороший, нет, сэр, а с кем вы хотели бы поговорить, сэр?» Затем она кивнула и сказала: «Подождите, пожалуйста», – и уже после этого она быстро

подключила куда-то один из проводов.

– Я могу вам чем-нибудь помочь, сэр? – это уже ко мне.

– Эйб Поллок обещал оставить здесь для меня записку. Я – адвокат Хоуп.

Я понятия не имею, почему юристы именно так представляются другим юристам или людям, работающим в области юриспруденции, но тем не менее, почему-то так принято. Иногда мне кажется, что это как бы секретный пароль, что должен дать понять собеседнику, что его по телефону или лично пытается достать вовсе не водитель грузовика и не мусорщик, а юрист, такой же «его сиятельство адвокат», как и он сам. Но как бы то ни было, такова традиция. Для моего местного банка я просто «мистер Хоуп». А для юридических контор Блэкстоуна, Гарриса, Герштейна, Гарфилда и Поллока, я адвокат Хоуп.

– Да, сэр, – ответила мне секретарь. – Вот ваша записка.

С этими словами она протянула мне маленький листок для заметок, в верхнем углу которого были напечатаны имя и инициалы Эйба Поллока. В той записке он написал своим корявым почерком:

«Адвокат Миллер – Дейл О'Брайен будет ждать тебя здесь после обеда.»

– Не могли бы вы дать знать адвокату О'Брайен, что я уже пришел, – обратился я к секретарю. – Меня там ждут.

– Да, сэр, ответила она, и подключилась к коммутатору. Выждав некоторое время, она проговорила в трубку: «Вас

ожидает адвокат Хоуп, – и кивнув добавила, – прямо здесь». После она вновь обратилась ко мне – Пройдите, сэр. Сначала войдете вон в ту дверь, а там найдете третий офис слева.

– Спасибо, – поблагодарил я.

Проходя через дверь, ведущую к внутренним помещениям, я слышал, как секретарша снова отвечает кому-то по телефону: «Блэкстоун, Гаррис, Герштейн, Гарфилд и Поллок, добрый день», – и я уже начинал чувствовать себя одним из членов фирмы: по крайней мере, первая проверка была уже позади, мое имя запомнили. Я подошел к двери, ведущей в третий слева офис, и осторожно заглянул вовнутрь. В небольшой приемной за столом секретаря сидела молодая женщина, которой, как мне показалось, не было еще и тридцати. Из приемной уже непосредственно в кабинет вела массивная дверь, отделанная панелями из орехового дерева. Женщина, видно, искала что-то в верхнем ящике стола, но услышав, как я вошел, она тут же взглянула в мою сторону.

– Привет, – сказала она.

У нее были волосы цвета опавшей осенней листвы, такие же рыже-коричневые, они вдруг неожиданно напомнили мне о том, что на свете еще бывает и смена времен года, чего мне все это время так недоставало в Калусе. И уж глаза-то у нее просто определенно были зеленые, потому что это был единственный цвет изо всех, что мог бы сочетаться с красновато-коричневым оттенком ее волос, он напоминал собой дурманящую зелень тропических зарослей. Лето в глазах, в

волосах – осень, а губы ее дышали весенней свежестью, они были настоящими, на них не было даже штриха помады – а тогда где же могла находиться зима, чтобы можно было полностью завершить картину? Целый водопад веселых веснушек обрушивался с ее высоких скул вниз, к лисьему носику. Очки с большими стеклами были сдвинуты наверх, в волосы, и они казались двумя застекленными окошками на покрытой ржавчиной крыше. Близоруко щурясь, она какое-то время глядела в мою сторону, а затем опустила вниз очки и лучезарно улыбнулась – от этого сердце у меня в груди замерло. Я тут же осознал, что как только я закончу свои дела с О'Брайеном, ничто не помешает мне пригласить ее отправиться вместе со мной в путешествие по Бразилии, или на Галапагос, или на Аляску, Гавайи, в Россию в конце концов или может быть даже на Луну. Я был готов уехать вместе с ней куда угодно и даже до того как я закончу все свои дела с О'Брайеном, вот прямо сейчас, сию минуту, я был уже готов вообще даже не встречаться с этим О'Брайеном.

– Вы мистер Хоуп, – спросила она.

– Да, – ответил я, без тени смущения бесцеремонно разглядывая ее в упор. – Мистер О'Брайен ожидает меня.

Она опять воззрилась на меня. Зеленые глаза сверкнули за стеклами очков. Она мне ничего не сказала, и почему-то вообще не спешила нажать на кнопку селектора или снять трубку телефона. Она просто сидела за столом, пристально разглядывая меня. Я подумал, что, должно быть, девушка про-

сто не расслышала моих слов. И в тот же момент я с горечью подумал: «Вот всегда так, только со мной такое бывает. В кои-то веки я встретил самую прекрасную женщину на всей земле, а у нее, оказывается, проблемы со слухом, и что же, мне так и придется теперь орать ей „Я люблю тебя!“ прямо в самое ухо...

– Мистер О'Брайен ожидает меня, – снова повторил я, на этот раз несколько громче.

– Дейл О'Брайен – это я, – был ответ.

Я поглядел на нее. Конечно же, я предполагал, что она могла оказаться Дейл О'Брайен. Ее волосы и глаза чем-то походили на те волосы и глаза, какие могли оказаться у человека по фамилии О'Брайен. Не говоря уже о веснушках. Ведь вот взять хотя бы Дейла Карнеги, он был мужчиной, или вот более современный пример – Дейл Робетсон, который также был мужчиной, хотя бы даже и актером, но ведь Дейл Эванс была женщиной, которая впоследствии вышла замуж за Роя Роджерса, у которого еще был конь по кличке Триггер. Короче, в тот момент я чувствовал себя законченным идиотом.

– Извините, – промямлил я, – Эйб меня не предупредил.

– Не надо, не извиняйтесь, – ответила она, – это почти всех вводит в заблуждение. Я как ловушка для шовинистически настроенных мужчин. Точно так же, как и моя подруга Дейн. Она хирург в больнице „Бен Тауб Дженерал“, что в Хьюстоне. Доктор Дейн Кэнфилд, здорово, да? Все тут же начинают думать о Дейне Андрюсе, о мужчине, и разве в тот

момент кто-нибудь вспоминает о Дейне Винтер? А ведь она-то женщина. Ведь даже профессионализм не освобождает от ответственности. У вас ко мне какое-то дело, мистер Хоуп? Давайте, пройдем в кабинет. Я вышла сюда, в приемную, за скрепками.

Дейл быстро встала из-за стола, вся такая женственно-грандиозная, длинные рыжие волосы каскадом ниспадали ей на плечи, живые зеленые глаза с любопытством разглядывали меня через стекла очков, а под лацканами коричневого пиджака угадывалась грудь прекрасной формы. Она обошла стол с другой стороны. Подобранная к пиджаку юбка с разрезом с левой стороны, идущим до колена, открывала моему взору красивые, плавно сужавшиеся книзу голени. На ногах у нее были бежевые туфли на высоких каблуках.

Я был не в силах оторваться от этого зрелища. Рядом с ней я вновь чувствовал себя мальчишкой.

– Мистер Хоуп, да входите же, – вновь обратилась она ко мне и смущенно засмеялась. Даже под густой россыпью веснушек я заметил, что щеки ее зарделись.

Кабинет, который она занимала, был обставлен очень скромно: большой, заваленный бумагами письменный стол, за которым стояло вращающееся кресло, с другой стороны к этому же столу были придвинуты под углом два стула с одинаковой обивкой, а три стены комнаты были вплотную заставлены книжными шкафами. На стене в застекленных рамках висели дипломы. Они подсказали мне, что степень

бакалавра гуманитарных наук Дейл О'Брайен получила в Калифорнийском университете, а юриспруденцию она изучала уже в Гарварде. Были там еще и два сертификата, дающих право адвокатской практики: один для штата Калифорния и другой – для Флориды. Дейл зашла за стол, села в свое вращающееся кресло, сложила перед собой руки, как это может сделать только настоящий адвокат, и сказала:

– Так вы хотели узнать о контракте Викки?

– Это вам Эйб сказал?

– Он, можно сказать, перехватил меня на лету. А что, разве речь пойдет о чем-то другом?

– На самом же деле я хочу узнать, не оставила ли Викки перед смертью завещания. Кстати, мисс или миссис?

– Извините, что? – переспросила она.

– Я о вашем семейном положении.

– Госпожа, – сказала она, многозначительно улыбаясь, – но я не замужем, нет.

– Тогда может быть вы позволите мне пригласить вас сегодня вечером? – спросил я.

– Что, извините? – снова переспросила она.

– Ужин, – уточнил я. – Сегодня вечером. Со мной. Адвокатом Хоупом.

– Да, – согласилась Дейл, и в голосе ее слышалось удивление.

– Ну надо же! – я был удивлен не меньше.

В Калусе явно очень мало так называемых „уединенных“

ресторанов; обычно в многочисленных разного рода забега-ловках и закусочных, расположенных здесь, тарелки расстав-ляются прямо на голом столе, а салфетки в подобных заве-дениях существуют лишь в одной разновидности – в бумаж-ной. Ресторанчик „Билли Банджо“ был примечательным ис-ключением из этого правила. Расположен он был на берегу морского залива за зданием фешенебельного отеля „Трезубец“, что на 41-м шоссе. Это было длинное приземистое и очень элегантно-современное сооружение из дерева и стек-ла, выстроенное вдоль взморья, откуда открывался поистине замечательный вид на поднимавшиеся из воды рифы Фла-минго, Люси и Стоун-Крэб. Конечно кухня заведения не могла соперничать по изысканности с уровнем „Зимнего са-да“, но зато столы в „Билли Банджо“ всегда были застелены красивыми узорчатыми скатертями, были там также и соот-ветствующие салфетки, и начищенные до блеска серебряные приборы, и фужеры, сверкающие в мерцании оплывающих свечей.

Днем Дейл сказала мне, что по крайней мере она не со-ставляла завещания для Викки, и что она вообще не имеет понятия, существует ли таковое вообще. Оба мы догадыва-лись о том, что если в Калусе и был адвокат, который имел какое-либо отношение к данному завещанию, то о нем очень скоро будет объявлено в суде, занимающемся слушанием дел подобного рода. Больше тут обсуждать было нечего; оба мы знали, что нам предстояло провести вдвоем чисто светский

вечер. В тот вечер Дейл на самом деле была ослепительна; она одела зеленую юбку с запахом, что-то типа саронга, которая как нельзя лучше подходила к блузке, отделанной красным кантом, пущенному по краю рукавов; талию ее вместо пояса обвивал скатанный аллый шарф. Огненные волосы были аккуратно уложены в прическу, а зеленый цвет глаз перекликался с зеленым цветом ее всего туалета. Еще на ней были серьги с бриллиантами и такое же колечко было надето ею на средний палец левой руки.

При виде этого кольца меня на какое-то время охватила паника, пока сама Дейл наконец не объяснила, что это колечко было подарено при помолвке еще ее матери, и что она не усматривает ничего предосудительного в том, чтобы и самой время от времени носить его. Я сначала выдвинул предположение, что более выигрышно данное украшение могло бы глядеться на правой руке, хотя если хорошенько поразмыслить – с точки зрения нашей культуры примитивных символов – то тогда это могло бы означать или расстроенную помолвку или же стать признаком временной паузы во взаимоотношениях. Дейл призналась мне также в том, что зачастую она умышленно носит это кольцо именно на левой руке. И вообще, будь она чуть посмелее, она бы носила еще и обручальное кольцо матери – а уж сочетание всего двух этих колечек могло бы стать куда более надежной защитой от всякого рода происков. Очень подробно и со всей той откровенностью, на которую я даже и не рассчитывал, она рассказала

мне историю о том, как официантки, носившие обручальные кольца вдруг выяснили, что чаевых им дают гораздо меньше, чем те, у кого на пальцах отсутствовало подобное украшение. Аналогично этому, за шесть лет своей юридической практики, сначала в Калифорнии, а затем во Флориде, она пришла к выводу, что надетое на руку колечко из тех, что обычно жених дарит невесте при помолвке – хотя бы даже и чужое – тут же дает знать любому клиенту мужского пола, что обладательница его уже „сосватана“, и в результате все отношения тут же ставятся на чисто деловую основу.

– А как же быть с мужчинами – не клиентами?

– В таких случаях это кольцо снимается? – искренне ответила она.

– Но ведь сегодня-то ты его надела, – не сдавался я.

– И то только потому, что оно подходит к серьгам, – проговорила Дейл и улыбнулась, как мне показалось, довольно обнадеживающе.

С тех пор, как я развелся с женой, мне удалось открыть для себя, что многие женщины – стараясь произвести впечатление или пытаясь войти в доверие, или же просто так, для того чтобы просто хоть как-то поддержать разговор – начинают без умолку рассказывать о какой-то своей сугубо личной ерунде, типа того, что им нравится, а что нет. Мне уже приходилось выслушивать подобных собеседниц, подробно излагавших мне, какие цвета им нравятся больше всего, какими фильмами они восхищаются, а какие – просто

терпеть не могут, какие телешоу они регулярно смотрят, какими духами душатся, а также и то, покрывают ли они лаком ногти на ногах, или же предпочитают оставлять все, как есть, так сказать *au naturel*, и так до бесконечности. Но Дейл О'Брайен была совсем не такой.

Как мне показалось, она была довольно скрытной по натуре, предпочитая больше рассказывать о том колледже, где она училась (Калифорнийский университет в Санта-Круз, это я узнал еще в офисе из одного ее диплома, висевшего в рамке на стене), а потом еще и о юридическом факультете (Гарвард, это тоже мне было уже известно из другого диплома в рамке), а также и о том, где и когда она начала заниматься юридической практикой (в 1974 году в Сан-Франциско, с начальным заработком в 22.000 долларов), и о том, как долго уже она работает здесь, во Флориде (в июне будет четыре года), и ей очень не хотелось открыть передо мной свое человеческое „я“, противопоставив его своему „я“ профессиональному. Ну да, ведь наверное я был для нее всего лишь клиентом, обратившимся за юридической консультацией. Хотя... стоп! Ведь она все-таки сказала мне, что ей тридцать один год; так что ошибался я, когда решил, что тридцати ей еще не было. В разговоре Дейл также упомянула и о том, что ей принадлежит дом, тот самый, куда я заезжал за ней. Так получилось – чисто случайное совпадение – что автором проекта этого дома тоже был наш клиент Чарли Хоггс, и это его творение можно было с уверенностью назвать настоящей сре-

диземноморской жемчужиной рифа Виспер. Но чем дальше продолжалось наше знакомство, тем все больше я начинал подозревать, что Дейл О'Брайен относилась именно к тому типу женщин, что стараются приберечь все откровения до того момента, как ей удастся надежно обосноваться в постели рядом с мужчиной, и только после того, как они отзанимаются любовью (желательно, чтобы оба при этом остались довольны друг другом), вот тут-то и выплеснется весь поток самых интимных подробностей.

Я все еще ждал, что мне все же удастся поглубже прозондировать почву нашего разговора. Это все как-то не получалось, пока она вскользь не заметила, что в доме вместе с ней живет еще и кот, которого зовут Сассафрас, и он...

– А у меня раньше жил кот, который очень любил слушать музыку, – тут же отреагировал на это я.

– Неужели? И что же это была за музыка?

– В основном джаз. Майлз Дэвис. Оскар Петерсон. Обычно он растягивался на полу в гостиной, точно посередине, между двумя колонками. Он даже двигал ушами в такт музыки. „Квартет современного джаза“, ему ужасно нравилось слушать именно „Квартет современного джаза“.

– А что с ним случилось?

– Он умер. Его смерть по времени совпала с гибелью моего брака. Я думаю, что он словно являет собой как бы воплощение самой сути развода.

Дейл замолчала в нерешительности, и выглядело это так,

как будто в душе ей пришлось взвешивать все „за“ и „против“, решая, а хочется ли ей или нет переводить разговор на этот более интимный уровень. Наши взгляды встретились.

– Для тебя это было очень болезненно? – спросила она.

– Знаешь, кто-то однажды мне сказал, что развод является по сути своей некой разновидностью убийства. Я думаю, что это на самом деле так, – я покачал головой. – Иногда я чувствую, что, разведясь с женой, я оказал тем самым своей дочери очень плохую услугу. Возможно было бы проще не разрушать брак, сохранив при этом семью любой ценой.

– Нет, – Дейл была не согласна со мной.

– Но ведь другие-то люди каким-то образом все-таки договариваются.

– В этом деле оказался замешан еще кто-то?

– Да.

– А с чьей стороны? Со стороны твоей жены или с твоей?

– С моей.

– И что было дальше?

– Она тоже теперь развелась.

– А ты хоть видишься с ней?

– Нет. Она живет в Тампе.

– Это не так уж и далеко.

– Я не думаю, что что-то сейчас было бы иначе, даже если ее дом был всего в двух шагах от моего. Какое-то время мы оба молчали. Мне показалось, что она снова взвешивает все „за“ и „против“, раздумывая, а не стоит ли снова перевести

разговор на более безопасную почву. Наконец она вновь обратилась ко мне с вопросом:

– Ты считаешь, что так или иначе твой брак все равно бы распался?

– Если, женившись или выйдя замуж, человек продолжает заглядываться еще на кого-нибудь, то можно быть уверенным, что подобный брак обречен. Да, это так.

– О'кей, – сказала в ответ Дейл, улыбнувшись. – Перекрестный допрос окончен.

Она опустила к себе в чашку ложечку сахара, и казалось, она была целиком поглощена процессом тщательного размешивания этого сахара в кофе. Дейл сидела, склонив голову. Наконец она сказала:

– Когда-то я и сама чуть было не вышла замуж.

– И когда это было?

– Я тогда еще только-только начала практиковать. В Сан-Франциско. Я жила там вместе с одним художником, – она подняла голову, и ее глаза снова встретились с моими. – Он малевал красками разные дебильные картинки, и на всех на них были такие пошлые глазастые зверушки с маленькими высунутыми язычками. Мне они сперва казались просто изумительными. И я ушло от него, как только осознала, что все это было просто-напросто несусветной чушью.

– Когда же?

– Четыре года назад, пятнадцатого мая. В тот день я ушла. А через месяц я перебралась во Флориду.

– И все же ты до сих пор помнишь тот день, а?

– О да, разумеется. Это было самым наиответственнейшим решением из тех, что мне когда-либо приходилось принимать в жизни. Я имею в виду то, что мы прожили вместе целых два года, а ведь это достаточно большой срок. И знаешь, я любила его. Во всяком случае, мне казалось, что я его любила. Пока...

Она поежилась.

– Пока ты не выяснила для себя, что тебе вовсе не нравятся его картины.

– Нет. Это случилось после того, как я осознала, что я его не люблю. Я даже прекрасно помню тот момент, когда это произошло, ну разве это не удивительно? Как-то раз мы с ним оказались в Лос-Анджелесе, гуляли в Парке МакАртура, и было это в воскресенье. Я еще тогда заметила вслух, что мне ужасно нравятся слова из песни, в которой поется об этом самом парке, ты наверняка знаешь, что это за стихи. А он мне на это сказал, что ему никогда вообще не было понятно, о чем, собственно говоря, там идет речь. Я посмотрела на него. Он шел рядом со мной, глубоко засунув руки в карманы, такой неуклюжий и в чем-то даже похожий на медведя бородатый мужик, на носу у него сидели такие маленькие очки а-ля Бенджамин Франклин, и пока мы с ним шли по дорожкам парка, он постоянно глядел на землю, себе под ноги – кстати, это был один из тех, когда над в воздухе над Лос-Анджелесом висит густое облако смога – и он только что

сказал мне, что до него вообще никогда не доходил смысл той песни, которая для меня были олицетворением целого поколения! Я на это ничего не ответила. Мы все так же шли через парк. А по возвращении домой и после того, как он покурил „травки“, ему вдруг захотелось заняться любовью, и вот тогда я впервые в жизни сослалась на головную боль. Я сказала человеку, с которым к тому времени я прожила уже два года, что у меня просто жутко разболелась голова, и попросила его повременить с этим. Через две недели после того вечера я уехала оттуда.

– И ты не...

– Нет-нет. Я не стала сочинять прощальной записки и прикалывать ее кнопкой на дверь ванной или лепить скотчем к холодильнику, ничего такого не было. Уже через неделю после той прогулки по парку мы говорили с ним об этом. Мы спокойно разговаривали тогда, как взрослые и вполне благоразумные люди, но в то же время сердце у меня в груди разрывалось от горя, потому что больше я его не любила. Я думаю, что он не так сильно как я страдал по этому поводу. Мы проговорили всю ночь напролет, напоследок все-таки занялись любовью, в первый и последний раз после той нашей прогулки в Парке Мак-Артура, но даже любовь в одной постели с ним больше не радовала. Когда я уходила, он подарил мне одну из своих картин. Она до сих пор валяется у меня где-то дома. Я никогда не смотрю на нее.

– Итак, – проговорил я, – и вот мы здесь.

– И наконец-то одни, – улыбнувшись, отозвалась она.

Мы еще долго сидели и пили кофе с какой-то бесстыдно-приторной стряпней под названием „Кокосовый шоколад“; в начале одиннадцатого я оплатил счет, и препроводил Дейл туда, где была припаркована моя „Гиа“. Дождь перестал, но небо было по-прежнему затянуто низкими тучами, и вообще заметно похолодало. Здесь, в Калусе, когда бы вы ни упомянули о том, какой холод стоит на улице, или о том, что снова льет дождь, или что опять все пронизано удушающим зноем, короче говоря, стоит только упомянуть о том, что временами здесь выдается совершенно дрянная погода, местные жители (включая переселенцев, перебравшихся сюда с Севера) обязательно скажут вам на это: „О да, но ведь вы только подумайте о том, что в других местах дела с погодой обстоят еще хуже.“ Понятие „другие места“, очевидно, включает в себя наравне со всем прочим также и такие идиллические местечки как Барбадос или Виргинские Острова, или Антигуа, или Акапулько. А уж то, для чего перелетные птицы вообще утруждают себя дальней дорогой и слетаются в Калусу, всегда было для меня чем-то абсолютно недоступным пониманию. Ведь когда в краях с теплым климатом начинается похолодание (и пожалуйста, постарайтесь запомнить на будущее, что Калуса находится на самом севере субтропиков), то может показаться, что здесь у нас даже холоднее, чем это бывает при температуре минус четыре градуса по Фаренгейту в Утике, штат Нью-Йорк. И в ту минуту мне

действительно было до такой степени холодно.

Дейл взяла меня под руку и придвинулась еще ближе. Мы уверенно шли по автостоянке, опустив головы под порывами холодного ветра. Оказавшись в машине, я включил обогреватель – кстати, впервые за все время с февраля прошлого года. Заодно я включил и радио, и покрутив ручку настройки, я наконец поймал сигнал нужную станцию. Именно ее я и искал: в эфире была программа из Манакавы под названием „Музыка для Нас“.

По крайней мере одному из нас было абсолютно не до музыки.

У двери своего дома Дейл поблагодарила меня за прекрасный вечер и протянула мне на прощание руку. Я сказал, что скоро я ей снова позвоню, если, конечно, это будет удобно (Да, пожалуйста, Мэттью, позвони мне»), и затем, противостоя беснующему ветру, я пошел к машине. В то время, как я переезжал через мост, направляясь на материк, салон моей машины наполнили звуки «Звездной пыли» Арти Шоу.

Но для меня это было очень слабым утешением.

Глава 5

Уже утром в среду стало ясно, что день обещает быть серым, унылым и холодным. Столбик уличного термометра на окне моей кухни застыл на отметке тридцати одного градуса, значит, на улице мороз – по шкале Цельсия это примерно 0.5 градуса ниже нуля. В прогнозе Национальной метеорологической службе из Раскина, штат Флорида, сообщалось о порывах юго-западного ветра – до 14 метров в секунду, волнение на море до 20 футов, осадки маловероятны. По прогнозам синоптиков температура в районе Трисити (сюда входили три города – Тампа, Сарасота и Калуса) могла подняться немногим выше сорока – сорока пяти градусов. И вместе с тем, это был еще и очень неподходящий день для похорон.

В Калусе насчитывается около семидесяти храмов различных концессий и вероисповеданий, огромный спектр представителей разных религиозных течений варьируется от приверженцев католической веры до баптистов, иудеев (ортодоксов и реформистов), лютеран и последователей пресвитеранской церкви, адвентистов седьмого дня, а также включая в это число две секты протестантов-меннонитов, чьих приверженцев можно было распознать по неизменным черным одеждам, а также потому, что все мужчины, состоящие в этих сектах всегда носили бороду, а на женщинах были незатейливые платья и белые чепчики. Заупокойная служба

по Виктории Миллер состоялась в баптистской часовне на Бей-Ридж Роуд и Вильямсдейл Авеню. В тот день на поминальную службу и церемонию прощания собралось примерно человек тридцать, среди которых были также репортеры городских утренних и вечерних газет, а также присутствовал один журналист из регионального отделения «Тайм», что находится в Майами. Возможно тот факт, что репортер из «Тайм» появился здесь без фотографа, который сопровождал бы его, был лишним подтверждением того, что слава, увы, непостоянна; точно таким же манером присутствовала там еще одна пара репортеров из местных отделений «Геральд-Трибюн» и «Джорнал».

Служба была непродолжительной. По ее завершении траурная процессия покинула приземистое белое здание часовни. Впереди несли гроб. Для стороннего наблюдателя эта толпа могла показаться на редкость разношерстной. Когда в этом районе Флориды начинает вдруг резко холодать, то при этом каждый раз оказывается, что к внезапному приходу холодов никто из жителей заранее не готовился, хотя за последние несколько лет подобная ненастная погода стала для этих мест скорее правилом, нежели исключением. Обычно только одновременно с установлением холодной погоды, из пыльных чемоданов извлекаются на свет божий пересыпанные нафталином теплые пальто, но все же подавляющее большинство местных жителей продолжает одеваться довольно легко. И даже зимой они ходят в плащах, которые

может быть и были хороши для ненастных дней июля, августа или сентября, но их тепла явно недостаточно для защиты от ненастья зачастую довольно суровых зимних месяцев. Участники траурной церемонии очень проворно расходились к своим машинам – воротники пальто и плащей подняты, руки засунуты глубоко в карманы, лица покраснели под порывами студеного ветра. А в небе над нашими головами неустанно неслись куда-то серые низкие тучи. У обочины стоял лишь один черный лимузин – для Энтони Кенига и еще одного человека, и это, по-моему, и был отец Викки – Двейн Миллер. И хотя несколько раньше Кениг и назвал его «выжившим из ума старым мудаком», мне показалось, что отец Викки был по крайней мере не старше пятидесяти пяти или пятидесяти шести лет – он явно выглядел моложе Кенига – этот высокий, плотного телосложения человек, он со всего маху опустил свое огромное тело на сидение ожидавшегося его лимузина. Траурный катафалк тронулся с места. А за ним и все остальные машины направились в сторону кладбища.

Когда у кладбищенских ворот я увидел еще и припаркованную полицейскую машину, то удивлению моему не было предела. При приближении кортежа, передняя правая дверь – на нее был нанесен золотистый герб города Калусы, а также значилась надпись «ПОЛИЦИЯ» (голубые буквы на белом фоне) – открылась, и из салона автомобиля появился детектив Моррис Блум. На нем было черное теплое пальто, серая

фетровая шляпа, кашне темно-бордового цвета и черные же кожаные перчатки, словно он все еще готовился к диким холодам, какие случаются в округе Нассау, что находится на севере, в штате Нью-Йорк. Но только притормозив у чугунной кладбищенской ограды, я вдруг подумал о том, что Блум был здесь единственным из всех присутствующих, кто был одет точно по погоде. Он увидел меня, как только я вышел из своей машины. Блум тут же оказался рядом.

– Я должен извиниться перед вами, – сказал он.

– За что?

– За говнюка из частного агентства.

– Но ведь вы уже извинились. По телефону.

– Я предпочитаю приносить извинения только лично, – сказал он и неожиданно улыбнулся. – Я был не прав. Приношу вам свои искренние извинения.

– Я их принимаю, – проговорил я и тоже улыбнулся ему в ответ.

– Теперь в моем офисе обосновались эти козлы из ФБР, – снова заговорил он, – уже вовсю мне приказывают, словно я это не я, а какой-нибудь мальчик на побегушках. И уж если есть на свете еще кто-нибудь, кого я ненавижу даже больше, чем «наркоманов», так уж это, несомненно, «федералы».

– Он не звонил еще?

– А с той стороны вообще ни звука. Все как-то бессмысленно, а разве нет? Сегодня уже среда, ребенка он забрал в ночь с воскресенья на понедельник, но до сих пор ни звука,

ни звонка, ни слова о выкупе. Ведь резона в этом тогда вообще никакого не видно.

– А разве в поступках убийцы обязательно должен быть какой-то смысл..?

– Но ведь, в конце концов, он там все же присутствует, – угрюмо сказал Блум. – Убийцы в большинстве с воем знают, зачем они все это делают, мистер Хоуп. Когда в конце концов нам удастся поймать кого-нибудь из этих чокнутых гребанных вонючих клопов... – тут он быстро огляделся по сторонам, видимо, испугавшись, что его не совсем пристойная тирада могла быть услышана кем-то посторонним, и тем более здесь, на таком тихом и священном месте, как кладбище. Но мы с ним шли несколько позади всех, следуя за ними по прямой, словно стрела, дорожке из гравия, проложенной между рядами возвышающихся надгробий и могильных плит. – Подобные безумцы начинают в таких случаях нести бог знает какой берд, но в то же время, заметь, они точно знают, почему они решились на кровавое убийство. Они тут же готовы излить все свои обиды, подробно рассказать о том, что именно в жертве вызывало у них недовольство, и все это со множеством деталей, с отступлениями в прозе и в стихах. Так что, из-за чего бы тот парень – если это был он – ни убил бы ее, он в может обосновать все, все, что его не устраивало. Здесь уйма возможностей: его могли раздражать ее песни, может быть ему не понравилась ее прическа... и вообще, черт знает чего еще можно ожидать от этих ублюдских пси-

хов, – на этот раз он уже не стал озираться по сторонам. – Я хочу рассказать вам, что именно настораживает меня в данной ситуации, – снова заговорил Блум. – Она разводится с мужем, но он все равно приезжает сюда из Нового Орлеана, потому что ему хочется побывать на ее выступлении. И признаюсь, именно это и беспокоит меня в большей степени, чем все остальное. Когда он заявился ко мне позавчера во второй половине дня, то признался, что живет здесь уже с субботы. Значит, приехал-то он за день до убийства. Ох и не нравится мне все это.

– Но ведь у него была вполне понятная причина для того, чтобы приехать сюда, – заметил я. – И что же это? Увидеть бывшую жену на сцене? Но ведь они развелись – сколько там? – лет пять назад, что ли? И откуда вдруг такая преданность?

– На прошлой неделе Викки отправила ему письмо...

– Как?

– Просила позаботиться о ребенке, если с ней вдруг что-нибудь случится. Возможно он хотел обсудить это с ней лично.

– И где же это письмо?

– У меня в офисе. Если хотите, я могу передать его вам с посылным.

– Да, пожалуйста. Опека над малышкой, так ведь? Это уже интересно. Хочу вам сказать, мистер Хоуп...

– Зовите меня просто Мэттью, – попросил я. – Или если

хотите, просто Мэт.

– Лучше пусть будет Мэттью, – сказал Блум. – Ведь так звали одного из тех классных парней.

– Классных парней?

– Ну да, в Библии.

– И Мэт тоже.

– Где? В Библии?

– Нет, в «Запахе пороха».

– И все же мне больше нравится Мэттью. А ты тогда называй меня Морри, ладно? Но это только когда мы с тобой не в участке, и поблизости нет кого-нибудь из начальства. Там более уместно идиотское «детектив Блум», договорились?

– О'кей, – согласился я.

К тому времени, как мы оказались в конце гравиевой дорожки, гроб уже стоял над открытой могилой, и гидравлической устройство было готово опустить его в землю. Священник стоял тут же, держа в руках Библию и щурясь от налетавшего ветра, обратившись лицом к участникам траурной церемонии, которые уже расселись на стульях, расставленных напротив белого решетчатого ограждения. По краям могилы стояли корзины с цветами, доставленные сюда из похоронного бюро. Ветер набрасывался и на них тоже, и под его порывами цветы роняли на землю свои нежные лепестки. Когда мы с Блумом подошли к ограждению, свободных стульев уже не осталось, и когда священник раскрыл свою Библию, мы отошли немного в сторону и остались там.

«Воспойте Господу новую песнь; ибо Он сотворил чудеса. Его десница и святая мышца Его доставили Ему победу. Явил Господь спасение Свое...»

Ветер подхватывал и уносил слова, дую поверх голов скорбящих. Кениг и Миллер сидели на стульях в самом первом ряду; какие бы там не возникали между ними разногласия и размолвки, теперь их объединяла одна общая скорбь. Справа от Кенига, также в первом ряду сидели Джим Шерман и его компаньон по «Зимнему саду», Брэд Этертон.

«Восклищайте Господу, вся земля; торжествуйте, веселитесь и пойте. Пойте Господу с гуслиями, с гуслиями и с гласом псалмопения. При звуке труб и рога торжествуйте перед царем Господом...»

Девушка, сидевшая рядом с Брэдом, в самом конце первого ряда, показалась мне очень знакомой. Ей было наверное года двадцать два – двадцать три, худенькая девушка с огромными карими глазами и темными волосами, развевающимися на ветру; на ней было помятое черное пальто, при взгляде на которое можно было подумать, что его только что достали из старого картонного саквояжа, очутившегося здесь прямо из одна тысяча какого-то года, когда Калуса – с одобрения своих пятидесяти семи избирателей – была впервые объявлена городом. Девушка почувствовала на себе мой пристальный взгляд, и уже более не слушая священника, обернулась в нашу сторону и неожиданно кивнула. На моем лице, должно быть, было написано крайнее удивление. Она

опять кивнула мне, и ее темные глаза выжидающе смотрели на меня. Хотя я и был этим безгранично озадачен, но все же мне тоже пришлось ей приветственно кивнуть в ответ. Очевидно, она сочла этот мой жест вполне достаточным, потому что она снова повернулась в ту сторону, где священник уже заканчивал чтение молитвы.

«Да рукоплещут реки; да ликуют вместе горы перед лицом Господа; ибо Он идет судить землю. Он будет судить вселенную праведно и народы – верно. Аминь.»

– Аминь, – хором повторили все.

– О, Господи, нет! – вдруг выкрикнул кто-то. – Не сейчас!

Эти слова повисли в воздухе маленьким облачком пара, которое начало подниматься в верх и поплыло в сторону от того, кто сказал это. Он одиноко стоял среди сидящих участников церемонии, мужчина лет тридцати восьми – тридцати девяти, по крайней мере, мне так показалось (рост примерно футов шесть, а весил он, пожалуй, что-то около ста восьми-десяти фунтов); искаженное от горя лицо, из голубых глаз струятся потоки слез, черные длинные волосы, такие же, как они были у хиппи конца шестидесятых – начала семидесятых годов. И одежда его тоже казалась нарядом выходца из давно минувших времен: сильно потертые голубые джинсы, пиджак из грубой ткани с надетой под него синей футболкой, нитка бус на шее, волосы подвязаны тесьмой, пересекающей лоб. И еще до того, как всеобщее внимание обратилось к нему, до того, как всем стало ясно, что это он и есть

этот эпицентр взрыва чувств, он уже успел обратиться вперед через расставленные ряды складных стульев и устремился к гробу, который теперь, когда молитва была прочитана, должен был вот-вот опуститься в могилу.

– Пойдите, не надо, – твердил он, ни к кому не обращаясь, – пожалуйста, подождите, не опускайте ее в землю, – с этими словами он бросился к уже установленному над могилой гробу, как будто желая заслонить его собой, защитить любой ценой; это был довольно опасный маневр, потому что оба они могли кувырнуться в яму. Энтони Кениг резко вскочил на ноги, и в один миг он оказался между старомодным хиппи и блестящим черным гробом. Кениг схватил его за руку и прикрикнул срывающимся голосом: «Эдди, возьми себя в руки!» Тут же подоспел и отец Викки, он зашел с другой стороны и успел ухватить разбушевавшегося хиппи за другую руку, которой тот уже было замахнулся на Кенига. «Успокойся, – вторил он Кенигу. – Не надо так, успокойся!»

– А это кто еще такой? – прошептал Блум. Отец Викки и ее бывший муж повели парня от могилы, а затем все также вместе медленно пошли по дорожке, туда, где были припаркованы машины. – Пойду-ка я посмотрю, в чем у них там дело, – сказал мне Блум, и подняв воротник пальто, направился за ними.

Присутствовавшие на погребении вставали со своих мест. Стучали складываемые деревянные стулья, слышались шаркающие шаги. Ветер усиливался. Сквозь его завывание бы-

ло слышно деловитое бормотание гидравлической установки, опускающей гроб в могилу. Неожиданно рядом со мной откуда ни возьмись появилась та самая темноволосая девушка в черном, несколько помятом пальто.

– Мне нужно поговорить с вами, – заговорила она.

Ветер теребил ее волосы, кидая их то на лоб, то иногда закрывая ими ее влажные карие глаза. Мне было видно, как позади нее Джим Шерман пожимал руку священнику, а его компаньон Брэд очевидно говорил ему, что служба в церкви прошла очень удачно, и что псалм, прочитанный над могилой был тоже как нельзя кстати. Я продолжал всматриваться в лицо стоявшей передо мной девушки, изо всех сил пытаюсь вспомнить, где же нам с ней уже довелось встречаться.

– Я Мелани Симмс, – сказала она, – я работаю в «Зимнем саду». В тот вечер, когда вы приходили послушать, как она поет, я обслуживала ваш столик, помните?

Я ее почти не помнил, но на всякий случай все же согласно кивнул.

– Я потом видела вас вместе с ней. Мистер Хоуп, я знаю, что вы были ее другом. И поэтому вы должны знать, что...

Говорила она очень тихо, почти шепотом, и из-за громких завываний ветра я мог еле-еле разбирать слова. Отсюда мне было также очень хорошо видно, что Блум стоял у черного лимузина и разговаривал о чем-то с тем парнем, который только что бросался на гроб.

– Как раз незадолго до того, как ее убили... – рассказыва-

ла мне Мелани, но неожиданно она прервала свой рассказ на полуслове и быстро обернулась. К нам приближались Джим Шерман со своим компаньоном. Седые волосы Джима трепетали на ветру, а Брэд все же прикрыл свою лысину зеленой фетровой шляпой; под их ногами хрустел гравий. – Я вам позвоню, быстро проговорила Мелани, и быстро пошла к машинам, припаркованным у входа на кладбище.

– Замечательная была сегодня служба, правда? – обратился ко мне Джим.

– Да-да, – согласился я. Я все еще смотрел вслед Мелани. Один раз она обернулась и посмотрела в мою сторону, кивнув мне при этом, точно так же, как она сделала это во время церемонии прощания, затем, открыв дверь желтого «Мустанга», она села за руль. Девушка по имени Мелани Симмс снова поглядела в мою сторону через закрытое окно, после чего завелся мотор, и она отъехала от стоянки и развернула своего «Мустанга» в сторону выезда с кладбища. Мы, оставшись втроем, тоже зашагали к выходу.

– Ну как, нашел ты того адвоката? – спросил меня Шерман.

– Да, нашел. Спасибо тебе, Джим.

– Какого адвоката? – заинтересовался Брэд.

– Того, что был у Викки. Кому она носила наш с нею контракт.

– Но зачем это? – было заметно по всему, что Брэд очень взволнован. – Там что, было что-то не так?

– Нет-нет, что ты, все в порядке, – поспешил успокоить его я.

В конце дорожки, уже у самого выхода, мы обменялись рукопожатиями, после чего Джим и Брэд направились к своей машине, в которой они вместе и прибыли сюда. К этому времени черного лимузина на стоянке уже не было, не было видно также и Кенига с Миллером. Но вот Блум все еще стоял у чугунной ограды. Он все еще разговаривал с тем самым хиппи, что был готов броситься в могилу вслед за гробом. Я подошел поближе к ним и услышал, как он говорит Блуму:

– ...следовало бы сообщить, вот я о чем.

Он замолк, взглянул на меня, а затем посмотрел вопросительно на Блума.

– Все в порядке, – успокоил его Блум, – это адвокат Викки, Мэттью Хоуп, – Блум прекрасно знал, что это совсем не так, и я тоже знал, что Блум говорит заведомую ложь, но в принципе, мне было понятно, почему он счел это необходимым. – А это Эдди Маршалл, когда-то он был продюсером Викки, она тогда еще работала с «Ригэл».

Маршалл снова взглянул на меня, на этот раз взгляд его был оценивающим.

– О да, – заговорил он, обращаясь ко мне, – ведь ваше имя тоже упоминалось в газете. Вы последний видели ее живой.

– Да, – согласился я.

Маршалл опять, более пристально оглядел меня с ног до головы, еще раз кивнул, и очевидно решив, что я вполне го-

жусь для того, чтобы быть принятым в общий разговор, как ни в чем не бывало продолжал рассказывать, обращаясь к Блуму:

– Они возможно еще даже не знают того, что ее убили, вот я о чем веду речь. Но ведь они все были ее группой, и им следовало бы сообщить.

– Он говорит об их ансамбле, – пояснил для меня Блум.

– «Уит», – добавил Маршалл и снова кивнул, – это группа, с которой она работала в студии. И разве хоть кто-нибудь подумал о том, чтобы разыскать их? Поймите, ведь они были одними из самых близких ей людей. И где они сегодня, когда мы с вами засыпали ее могилу землей? Викки в последний раз сегодня прощалась со всеми теми козлами, но никого из «Уит» здесь не было, они были лишены возможности проводить ее в последний путь. Это не справедливо. Поймите меня, я просто не мог ничего с собой поделать, мне было необходимо хоть что-то сказать.

– Я уверен, что ее ансамбль наверняка знал о случившемся, – мягко заметил Блум. – Вечером в понедельник это сообщение прошло по телевидению.

– Разумеется, все возможно. Если они вообще смотрели телевизор в тот день.

– Но мистер Маршалл, ведь все газеты тоже рассказывали об этом происшествии. И я уверен, что если бы они пожелали появиться здесь, то несомненно, сегодня все они были бы здесь, – Блум немного помолчал, а потом снова обратился к

Маршаллу, – А вот вы сами, например, как узнали об этом?

– Из газет.

– Когда?

– Вчера поздно вечером. Сейчас у меня отпуск, а так я работаю в Джорджии, диск-жокеем, веду передачи на радиостанции. В прошлую пятницу я поехал на Рифы, думал поудить рыбу, и до тех пор, пока мне в руки не попала газета с большой статьей о Викки и ее карьере, я вообще не знал ничего о том, что с ней произошло. Вы знаете Рифы?

Речь здесь, разумеется, шла не о наших, практически ничем непримечательных рифах у побережья Калусы, а о Рифах, о той гряде рифов и отмелей, что извивается к западу от южной оконечности полуострова Флорида и лениво вползает в Мексиканский залив, это рифы от Ларго до Западного, это то место, где когда-то жил Эрнст Хемингуэй...

– Да, – сказал Блум, – это райское местечко.

– Я взял на время яхту у своего приятеля, он живет в Исламораде. По пути туда я остановился в «Диснейуорлде» – а вы сами бывали когда-нибудь в «Диснейуорлде» в Орландо? – после него я отправился дальше, и затем продолжил свое путешествие по воде.

– А как зовут вашего друга?

– Джерри Купер.

– Это мужчина или женщина?

– Мужчина.

– Итак, вы уехали из Джорджии в минувшие выходные,

так?

– Да, одиннадцатого числа, в прошлую пятницу.

– А в Исламорату вы приехали... когда?

– В воскресенье после полудня.

– И там вы тут же пересели на яхту.

– Да. Я вернулся лишь вчера вечером. Мне даже не довелось ничего узнать о том, что Викки снова решила вернуться на сцену. Обо всем этом я узнал позже из газет. Если бы мне только было чуть-чуть пораньше известно об этом, я бы, честное слово, сразу же все бросил и примчался сюда. И к черту этот «Диснейуорлд», к черту Рифы, я бы приехал бы прямо в Калусу, чтобы успеть на премьеру.

– И когда вы приехали сюда?

– Сегодня рано утром. Вскочил вчера вечером в тачку и тут же отправился в путь.

– А остальные парни из ансамбля...

– Группы.

– Ну да... «Уит», – продолжал Блум. – Вы можете сейчас перечислить их по именам?

– Конечно, я ведь их знаю, как самого себя. Джефф Гамильтон – лидер-гитарист, Джорджи Кранц – бас-гитара и Нейл Садовски – ударные.

– И у вас есть какие-нибудь соображения на тот счет, где я могу их разыскать?

– Джефф содержит музыкальную школу в Эль-Дорадо, Арканзас. В основном он сам ведет занятия по классу гита-

ры, но я думаю, что он также дает уроки игры на мандолине и укулеле.⁵

– А остальные, эти, как их там?..

– Джордж работает настройщиком пианино в Фалмуте на Кейп-Код. У него жена и трое детей. Время от времени он выступает у себя в городе или же в Бостоне, но живут они в основном на те деньги, что ему удастся заработать настройкой пианино.

– И наконец, последний. Как его зовут?

– Нейл Садовски, в группе он играл на ударных. Я не знаю, где он обитает в данный момент. Но в последний раз, когда мне довелось с ним разговаривать – это было примерно с полгода назад – он жил в Нью-Йорке.

– Пожалуйста, назовите мне все имена еще раз по буквам, хорошо? – с этими словами Блум вытащил из кармана блокнот. Маршалл продиктовал ему все имена, и Блум записал все к себе в блокнот очень аккуратным и разборчивым почерком.

– А в Калусе вы где остановились? – вновь спросил он у Маршалла.

– Пока еще нигде. Я ведь приехал сюда только сегодня утром.

– Вот моя визитка, – продолжал Блум. – Если вы вдруг припомните что-либо на тот счет, где может находиться этот парень Садовски, то позвоните мне.

⁵ Четырехструнная гавайская гитара.

– Если я вообще останусь здесь, – сказал Маршалл. – Я не планировал возвращаться обратно раньше следующего понедельника, по после всего, что произошло... – он энергично замотал головой.

– Хотите прервать свой отпуск, да?

– Может быть.

– Да-да, – согласился Блум и понимающе кивнул. – Кошмарный случай. Ну, мне пора, – наконец сказал он. – Пока, Мэттью. Звони, если что.

– Обязательно, – пообещал я.

Блум сделал приветственный жест рукой, улыбнулся на прощание и торопливо зашагал к тому месту на стоянке, где его дожидалась полицейская машина.

– Мистер Хоуп, не могли бы вы уделить мне немного времени? – обратился ко мне Маршалл. – Или вы, наверное, очень спешите?

– Я никуда не спешу, – ответил я.

– Тогда я провожу вас до машины.

Мы двинулись в направлении стоянки. Вокруг завывал ветер.

– Я хотел спросить вас... – нерешительно проговорил Маршалл и замялся. – Вот в газетах писали о том, что вы регулярно встречались с Викки...

– Ну, это не совсем так.

– Как бы то ни было, – продолжал Маршалл, – это не мое дело. Мне хотелось сказать вам – в свете всего произошед-

шего – все-таки хорошо сознавать, что в жизни у Викки был еще кто-то, кому она могла доверять. Вы были на премьере?

– Нет, я смог попасть туда не раньше воскресенья.

– «Зеленый уголок», так кажется называется то местечко?

– «Зимний сад».

– Ну и как она пела?

– Не очень.

«Гиа» была все на том же месте, где я припарковал ее, у самой чугунной решетки, уже развернутая в сторону дороги. В штате Флорида при регистрации автомобиля выдается лишь одна табличка с номерным знаком, которую надлежит укреплять сзади. Ежегодно таким образом штату удается сэкономить уйму денег, но в то же время, из-за подобного нововведения место для переднего номера остается пустым. Это место на своем автомобиле я заполнил тем, что укрепил там металлическую табличку с надписью: «Уж лучше быть моряком». Маршалл остановился у моей «Гии», взглянул на эту надпись и сказал:

– А вы ходите на яхте, да?

– Да, – согласился я.

– И я тоже. Я в прямом смысле балдел от той пары дней, что мне удалось провести на воде, – он опять покачал головой, – так значит, в тот вечер она пела ужасно, вы это имели в виду?

– Да, боюсь, что так.

– Ну конечно, в этом и есть вся ее натура. Я сам любил

Викки до смерти, но вот голос у нее был такой, какой иногда бывает при сильном насморке, монотонный, навязчивый и чертовски раздражающий. Мне пришлось приложить все свои знания, выложиться на все сто, чтобы заставить его зазвучать, вы ведь понимаете, что я имею в виду? Но зато уж с внешностью у нас проблем не возникало, в то время она была действительно великолепна. На фотографии, что я выбрал для конверта альбома «Безумие» – это был самый первый наш альбом – так вот, я облачил ее в такое красное с блестками платье с вырезами – сверху – почти до талии, а снизу – примерно до середины бедра. У нее была просто потрясающая по красоте своей грудь, и мы показали и ее тоже, как есть почти до самых сосков, и вы уж можете мне поверить, что ноги были тоже никак не хуже, то была захватывающая дух фотография; а фотограф, что снимал Викки, в сороковых и начале пятидесятых годов работал для самого журнала «Лайф». Ведь вы понимаете, мистер Хоуп, мы же пытались продавать в ее лице молодость и секс, ощущение необузданной дикости, и, знаете, наверное, безумия. Викки в том красном платье, с откинутой назад головой, с широкой улыбкой на лице, одна рука на бедре, много-много груди и ног... Мы пытались сделать ее символом того звука, что я создавал в студии, переделывая ее голос. В ход тогда шли все профессиональные хитрости, на какие я был только способен, но в конце концов мне все же удалось сделать так, чтобы «Уит» зазвучали словно это были «Битлз» и «Роллинг Сто-

унз» в одном лице! И все тогда поддались на этот студийный трюк, и уж поверьте мне, на нас обрушился целый шквал чертовых звонков – телешоу, ночные клубы, Лас Вегас, Нью Йорк, концертные турне, – всем хотелось, чтобы Викки вышла на сцену, но вот в этом-то и была полная безнадега, гарантированный провал. В мгновение ока это стало бы концом певческой карьеры Виктории Миллер, это был бы всеобщий облом, в том числе и конец группы «Уит», и вообще все это стало бы заключительным аккордом того грандиозного и сверкающего праздника, – Маршалл снова покачал головой. Все это было сказано им с таким напором и настолько быстро, что у меня – как ни странно аж дух захватило.

– Бедняжка, – проговорил он. – А что она пела в тот вечер?

– Все старые добрые шлягеры.

– Очень неудачный выбор. А на ней что было?

– Белое платье. – С глубоким вырезом?

– Не слишком.

– Но все равно я готов биться об заклад, что выглядела она просто-таки грандиозно, это так?

– Да, она была красива.

– А критики что думают по этому поводу? Отзывы уже были?

– Был один. Но я еще не успел прочесть...

Маршалл вновь покачал головой.

– И все же ей не следовало бы лезть в это дело, – произнес

он. – По крайней мере, не так, как это сделала она. Если уж Викки тогда захотелось снова взяться за старое, то для этого ей было бы достаточно всего-навсего снять трубку телефона и высказать мне все свои пожелания. Я бы ради этого бросил все, я бы тотчас же примчался бы к ней. Но вот так, как она...

– А Викки знала, где вас найти?

– Конечно, знала.

– Значит, все эти годы вы с ней поддерживали отношения?

– Посредством рождественских открыток. Черкали на них коротенькие послания друг другу, типа того, как дела – чем занимаешься, и всего-то.

– Ну а с минувшим Рождеством она вас поздравила?

– А как же, Викки никогда не пропускала ни одного рождественского праздника.

– Но ни словом не обмолвилась о предстоящей премьере?

– Вообще ничего. Я узнал об этом только вчера вечером.

О, Господи, если бы я только знал, я бы в ту же минуту оказался бы здесь! Что бы я и пропустил ее премьеру?! После всех лет, что нам пришлось работать вместе?! Ни за что! А она волновалась в тот вечер? Я имею в виду, в тот вечер, когда вы были на ее выступлении?

– Во время самого концерта она вроде бы не показалась мне взволнованной, но вот после, да, кажется, ее что-то тяготило.

– Она не сказала, что именно?

– Нет, пожалуй. Мы разговаривали с ней о том, как все

было в тот вечер, обсуждали шоу. Ей почему-то непременно хотелось узнать, не слишком ли шумно было в зале, по-моему, она подозревала...

– Вот оно что, ну да, ведь это может быть признаком провала: публика разговаривает во время выступления... Бедная девочка.

– Я сказал ей, что я лично ничего такого не заметил.

– И правильно, молодец. Спасибо вам за это.

– Кстати, она потом призналась, что именно вы не разрешили ей выступать на концертах перед публикой. Тогда, в прошлом, я имею в виду. Когда вы еще работали вместе.

– Да? И она что, действительно вспоминала обо мне? Прямо так и сказала?

– Да. Она сказала – вообще-то я не помню это дословно, – но она говорила, что-то об Эдди, который не разрешал ей петь «живьем», и когда я спросил, а кто же это такой, собственно говоря, Викки рассказала мне, что вы были ее продюсером на студии «Ригэл».

– Именно им я и был, это уж точно, – согласился Маршалл. – И я думаю, что я был для нее несравненно больше, чем просто продюсер.

– Кем же?

– Наставником, советчиком... – начал перечислять он, но закончить фразу ему так и не удалось.

– Вас наверное очень тяжело вспоминать теперь об этом.

– Да.

– Извините, я не хотел.

Он уныло кивнул, а затем вынул из кармана кожаный портсигар. Сначала мне показалось, что Маршалл раскуривает сигарету – но потом до меня донесся слабый запах вставшего в воздухе дымка.

– Марихуана? – поинтересовался я.

– Немножко «травки», – ответил он, – не желаете «косячок»?

– Нет, благодарю.

– А вы что, не курите?

– Курю.

– И за чем же тогда дело стало? У вас здесь что, гоняют за это, что ли?

– Просто, я бы сказал, не приветствуют, когда подобное раскуривается в общественных местах.

– А кому какое дело? – проговорил Маршалл и пожал плечами. – А вы уверены, что вам не хочется затянуться? У меня в тачке есть еще дюжина таких, так что не беспокойтесь, последнее вы у меня не отбираете.

– Нет, благодарю, – отказался я, – все в порядке.

– Маршалл снова затянулся, выпустил медленную струйку дыма и сказал:

– Вы мне сказали, что она будто была чем-то обеспокоена.

– Да.

– И не сказала чем?

– Нет.

– Вы думаете, что ее кто-нибудь запугивал?

– Я не знаю.

– Ну, она ничего не упоминала о каких-нибудь угрозах?

– Нет.

– Или может быть было какое-нибудь письмо, в котором ей угрожали?

– Ничего. Хотя...

– Что?

– Кто-то все-таки звонил Викки в ту ночь, когда она была убита.

– Кто?

– Я не знаю, на звонки отвечала няня. А звонивший не назвался.

– Но это был все же мужчина?

– Да.

– А что он сказал?

– В общем-то, в первые два раза ничего.

– И сколько раз он позвонил?

– Три. И в самый последний, третий раз, он сказал всего-навсего: «Передай Викки, что я заскочу, чтобы забрать».

– Забрать что?

– Понятия не имею.

– Ну... Викки была должна ему что-нибудь? Деньги там или... ну, я не знаю... за чем еще человек может заскочить, чтобы забрать?

Неожиданно, без какого бы то ни было предупреждения у

меня в памяти всплыло имя: «Элисон», и оно в тот же миг слетело у меня с языка, намного раньше, чем я успел осознать это – «Элисон»! – на какое-то мгновение перед моими глазами возник живой образ хорошенькой шестилетней малышки в длинной ночной рубашке, вот она показывает мне свои рисунки, а потом сидит на полу у моих ног, чиркая по бумаге пастельными мелками – Элисон.

– Нет, я так не думаю, – Маршалл отрицательно замотал головой, – так нельзя сказать, что кто-то там заскочит и заберет ребенка. За детьми приходят или...

– Я слышал подобное выражение, – сказал я. – Забрать кого-либо, особенно, когда речь идет о ребенке.

– Вот как... и кто бы мог тогда придти, чтобы забрать Элисон? А Тони Кениг в городе?

– Да, но...

– Он бы не стал заходить за шестилетним ребенком в столь поздний час, не так ли?

– Нет, на него это не похоже.

– А может быть Викки договорилась, чтобы... ну, я не знаю... чтобы у нее что-нибудь забрали. Например, ковер в чистку, пылесос в ремонт, или тостер, или торшер, да мало ли что еще? Кто знает? И может быть это звонил техник из мастерской сервисного обслуживания, чтобы сказать, что он будет проходить или проезжать поблизости и заскочит и к ней тоже, чтобы все это забрать?

– Ночью, да?

– Нет, зачем. На следующий день или еще когда. Может у него была запись звонка на автоответчике, вот он и перезванивал Викки, чтобы известить о том, что он заскочит за той штуковиной, что это там еще может быть?..

– Может и так, – согласился я и взглянул на часы. – Мистер Маршалл... мне пора возвращаться в контору.

– Я уверен, что все так и было.

– Скорее всего, – сказал я. Мы обменялись рукопожатиями. – Что ж, было очень приятно с вами познакомиться, – продолжал я. – До свидания, мистер Маршалл.

– До свидания, мистер Хоуп, – ответил он мне и отрешенно улыбнулся.

На протяжении всего обратного пути я не переставал восхищаться той виртуозностью, с которой Блум задавал вопросы. Он мог сочувственно выслушивать болтовню Маршалла о том, как же все-таки несправедливо обошлись с музыкантами, не сообщив им о похоронах Викки, и тут же вслед за этим, Блум начинал тихо и ненавязчиво выяснять очень важные детали: ему было крайне необходимо установить, кто и где мог находиться в ночь убийства. Например, сам Маршалл, по его собственным словам, был в море районе Рифов на яхте, если верить его рассказу, одолженной у приятеля из Исламорады. Я ни на минуту не усомнился в том, что Блум обязательно постарается разыскать этого приятеля, чтобы лично удостовериться в подлинности информации. Джеф Гамильтон, лидер-гитарист группы, жил в Эль-

Дорадо, а Джордж Кранц, бас-гитарист – в Фалмуте, на севере. Исходя из уже имевшегося у меня опыта общения с Блумом, я был уверен, что он наверняка станет звонить в Справочную службу и постарается заполучить их номера телефонов, после чего должны будут состояться еще по крайней мере еще две обстоятельные беседы. Но вот что касается барабанщика группы, Нейла Садовски, то хоть я и не мог себе вообразить, на какую уловку придется пуститься Блуму, чтобы разыскать его следы в Нью-Йорке, но тем не менее меня все же не покидала уверенность, что уж как-нибудь и с этой задачей он сумеет справиться; я был уверен, что ко времени нашей следующей встречи Блуму удастся разузнать не только адрес, по которому проживает Садовски, но даже и то, ботинки какого размера он носит.

На часах было уже десять-тридцать утра, когда я въехал на автостоянку у здания, где располагалась наша контора, и подрулил к свободному четырехугольнику, помеченному «Мэттью ХОУП», рядом на асфальте было размечено еще одно такое же место («ФРЭНК САММЕРВИЛЬ»). Я отметил про себя, что в одном из свободных мест («ТОЛЬКО ДЛЯ КЛИЕНТОВ») был припаркован уже знакомый мне желтый «мустанг», и в нем за рулем сидела Мелани Симмс. Она читала журнал, но когда я начал заезжать на свое место, она прервала чтение, и к тому времени, как я заглушил двигатель, она уже открыла дверь своей машины. Тыльной стороной ладони она сбросила пряди волос с лица и подождала,

пока я выйду наконец из машины.

– Привет, – сказал ей я.

– Я нашла ваш адрес в телефонной книге, – проговорила Мелани и взглянула через плечо назад, словно желая удостовериться, что за нами никто не следит. – Я надеялась, что вы приедете прямо сюда.

– Давайте все же войдем в офис, – предложил я.

Мелани Симмс чем-то походила на небольшую птичку. До меня наконец дошло, что первоначально мною была ошибочно принята за страх ее некоторая нервозность в манере общения. Этой девушке не было присуще спокойствие и неторопливая грациозность крупных болотных птиц, что водились в Калусе; напротив, движения ее были быстры, энергичны, и это придавало ей еще больше схожести с маленькой пташкой, готовой в любой момент сорваться с места и улететь; ее головка слегка покачивалась, глазки зорко смотрели по сторонам, а руки все это время мисс Симмс держала плотно прижатыми к туловищу, словно это были ее сложенные крылья. Я заметил, что она нервничает, слегка покусывая нижнюю губу. Неожиданно Мелани снова обернулась назад, и тут уже мне стало ясно, что в данный момент это движение вовсе не имеет никакого отношения к этому ее, как я назвал его про себя, «птичьему синдрому» – она действительно кого-то или чего-то очень боялась.

– Ну что, намерзся? – спросила у меня Синтия, как только мы вошли в приемную.

– А я-то сегодня еще собирался улучшить время и выбрать-ся на пляж, – проворчал в ответ я.

– Ха-ха! Звонил Энтони Кениг, просил тебя перезвонить ему. О том же просили мистер Карлайсл из «Трисити» и мистер Лоеб из «Пиерсон, Смит».

– Набери мне сперва Кенига, остальные подождут. При-саживайтесь, пожалуйста, мисс Симмс. Я вернусь через ми-нуту.

– Благодарю вас, – ответила мне Мелани. Она снова огля-нулась по сторонам и, подойдя к стоящим напротив стола Синтии кожаным креслам, и очень неловко усевшись в одно из них, Мелани начала устраиваться в нем поудобнее: спер-ва закинув ногу на ногу, а затем опять опустив ее на пол, и успокоилась она только после того, как удостоверилась, что юбка и полу черного пальто были тщательно расправлены и подобраны. Пока Синтия набирала для меня номер Кенига, я прошел к себе в кабинет. Звонок по селектору раздался несколькими мгновениями спустя.

– Мистер Кениг на третьей линии.

– Спасибо, – сказал я и ткнул пальцем в загоревшуюся кнопку на корпусе аппарата. – Мистер Кениг, – заговорил я, – это Мэгтью Хоуп.

– Да, большое спасибо, что вы мне так быстро перезвони-ли. Ну как, вам удалось хоть что-нибудь узнать?

– Ее адвокату ничего не известно о завещании.

– А кто был ее адвокатом?

– Женщина по имени Дейл О'Брайен. Но даже подобный отрицательный опыт вовсе не может служить основанием к тому, чтобы усомниться в самом факте существования этого документа. Это лишь означает...

– Знаю, это означает то, что просто ее адвокат не имел с ним дела. А полиция ничего подобного не находила? Я имею в виду, в доме у Викки.

– Об этом мне вообще ничего не известно.

– А вы не могли бы расспросить Блума на этот счет? Я бы и сам у него мог поинтересоваться, но все дело в том, что Блум меня просто-напросто выводит из себя.

– Хорошо, попытаюсь при случае.

– И каков же будет следующий шаг? Как мы сможем узнать наверняка, было ли там что-нибудь или нет?

– Если адвокат оформляет завещание, то оригинал остается у него, будучи при этом официально заверенным. Например, наша фирма каждый день просматривает некрологи и сверяет их со списком наших клиентов. Но вот если Викки составляла завещание сама, то это уже совсем другое дело. Но при подобном раскладе ей понадобились бы свидетели; обычно на роль свидетелей в таких делах приглашают друзей или соседей. Так что, если кому-нибудь из них известно о существовании завещания, то возможно он даст об этом знать.

– А может быть и нет. И что тогда?

– А вы случайно не знаете, в каком банке Викки держала счет?

– Нет. А для чего вам это?

– А за тем, что очень многие зачастую хранят завещания в личных депозитных сейфах в банке. Вот это уже может стать причиной некоторых затруднений. В таком случае нам пришлось бы подать прошение через суд, с тем чтобы был назначен временный личный представитель, который и был бы уполномочен открыть личную ячейку вашей бывшей жены. – Вы можете узнать, был ли подобный сейф у Викки или нет?

– Да, я попрошу начать поиски в местных банках.

– А что, если там так ничего и не будет найдено?

– Вот тогда мы и этим и озадачимся, всему свое время. Не стоит так спешить. Если завещание и находится у кого-то, то он должен представить его в суд в течение десяти дней после получения известия о смерти завещателя. Я буду проверять списки. Если уж и тогда ничего не удастся выяснить, то мы с вами и будем ломать голову над нашим последующим шагом.

– Но знаете, – заметил Кениг, – мне все же было бы намного легче, если бы я уже сейчас точно знал, существует ли завещание на самом деле или нет.

– Я вас вполне понимаю.

– Подождите, у меня для вас есть еще кое-что. Основная причина, из-за чего я и звонил вам, состоит в том, чтобы рассказать о нашем с Двейном Миллером разговоре, который состоялся сегодня утром, когда мы с ним вместе ехали в лимузине, – Кениг ненадолго замялся, а потом все же заговорил опять. – Я думаю, что это он убил Викки. Мне кажется,

что он убил свою собственную дочь и после этого похитил мою маленькую девочку.

– Мистер Кениг, – попытался было урезонить его я, – будет гораздо лучше, если вы расскажете об этом лично детективу Блуму.

– Вот еще! Да я даже видеть его не желаю. Сидит там, репу чешет и штаны просиживает, да так он никогда не найдет убийцу.

– И все же я думаю...

– Мистер Хоуп, вы мой юрист, и поэтому я именно с вами хочу говорить об этом. Мы ехали с кладбища, – начал рассказывать Кениг, понизив голос. – Сначала должны были отвезти меня – я живу в «Брейквотер Инн», я наверняка уже говорил вам об этом. Так вот, сначала этот старый му-дак являл собой само воплощение скорби и страдания. Но затем он вдруг расшумелся и понес что-то насчет того, что Викки совершила большую ошибку. Сказал еще, что он предупреждал ее о том, что с ее стороны это непростительная глупость, что ей все равно ничего и никому не удастся доказать этими ее дурацкими концертами в забегаловке на Стун-Крэб. Он говорил...

– Мистер Кениг, но каким образом хоть что-нибудь из всего этого может означать, что мистер Миллер...

– Так вы выслушайте меня, – продолжал говорить Кениг. – По мере того, как мы приближались к моему отелю, он заводился все больше и больше. Миллер рассказал мне, что он

виделся с Викки вечером в четверг, за сутки до ее премьеры в ресторане. Он сказал, что тогда они с ней очень крепко поругались из-за того, что ею был избран именно такой путь возвращения на сцену, а еще Миллер говорил, что сам он вместо этого пытался уговорить ее наладить отношения с Эдди Маршаллом, где бы тот ни находился, и снова сделать так, чтобы он опять позаботился о ее карьере, точно таким же образом, как он делал это и раньше. Старый козел уговаривал ее, что не подобает-де ей петь в каком-то задрипанном кабаке, и что ее упрямство не принесет ей абсолютно никакого признания, и что вместо того, чтобы быть снова причисленной к звездам той величины, какой она была всегда, и которой она, Викки, могла бы стать вновь, она окажется в одном ряду с другими бездарями из местных. Если, разумеется, она не добьется того, чтобы Эдди вновь над ней поработал.

– И все же я никак не пойму, почему вам кажется, что подобное могло бы вызвать подозрения...

– Он сказал Викки, что если она послушается, то он отречется от нее.

– Он это сказал?

– Ей-богу.

– Что если у Викки состоится премьера в «Зимнем саду», то он возьмет и отречется от нее?

– И от нее, и от Элисон. От них обеих.

– М-да... и что, там было, что терять?

– Что вы имеете в виду?

– У него есть что-нибудь, что делало бы значимым фактом подобное отречение и лишения всех прав на наследство?

– Только четыре сотни акров апельсиновых плантаций в округе Манакавы, вот. Да плюс еще к тому же с полдюжины с полдюжины мотелей на ТаМайами Трейл, где-то между Калусой и Форт-Майерсом, и только одному Богу известно, что из этого всего он уже успел куда-нибудь заложить. Мистер Хоуп, я хочу сказать вам еще кое-что. До нашей с Викки свадьбы не она зарабатывала на продаже своих записей, а ее отец. Это он сгрэбал все на свой счет в банке, он единственный из всех, кто нажил на ней свои миллионы.

– Итак, из всего того, что вы рассказываете мне, если я вас правильно понял, мистер Миллер предупредил свою дочь, что лишит ее прав на наследство...

– Совершенно верно.

– ... если ее премьера в «Зимнем саду» состоится, как это и было намечено.

– Именно так.

– Итак, почему все-таки вам показалось, что угроза лишения наслед...

– Потому что он сам потом сказал об этом.

– И что же он такое сказал?

– Речь шла все о том же вечере накануне премьеры Викки, ведь это он сам начал изливать мне душу. И, мистер Хоуп, не сойти мне с этого самого места, если я не смогу прямо

сейчас слово в слово повторить вам то, что мне пришлось услышать уже почти у самого своего отеля.

– Мистер Кениг, так что же все-таки это было?

– Вот его слова: «А эта неблагодарная сучка наотрез отказалась. Мне еще тогда следовало бы ее прибить». Он прямо так и сказал, и разрази меня гром, если это было не так.

– И вам кажется..?

– А как иначе можно расценивать такое? Человек говорит, что ему следовало бы еще тогда убить ее, то есть, не откладывая на потом, разве я не прав? Ему было нужно убить ее сразу же, как только она отказалась послушаться его, а не дожидаться, пока премьера в ресторане против его воли все-таки состоится.

– И все же я не думаю, чтобы та фраза однозначно...

– Так, мистер Хоуп, я и объясняю вам, что он имел в виду. Я немного помолчал.

– Алло? – окликнул меня Кениг.

– Все может быть, – проговорил наконец я. – Большое спасибо за информацию, я обязательно передам все это Блуму.

– Только вот этого не надо. Не говорите ничего этому козлу, все равно он ни фиги не разбирается в своей вонючей работе. Лучше всего, мне кажется, обратиться непосредственно в ФБР. Да, точно. Именно так вам и следует поступить, мистер Хоуп.

– Хорошо, я подумаю над этим, – пообещал я.

– Вы только мне дайте знать о своем решении, ладно? Я

пробуду в отеле еще часов до двух, может быть до половины третьего.

– Я позвоню, – пообещал я, и мы одновременно положили трубки. Я еще несколько минут сидел, уставившись на телефон, а затем нажал кнопку селектора и попросил Синтию пригласить ко мне мисс Мелани Симмс. Мелани вошла в мой кабинет все той же своей птичьей походкой. Войдя, она сначала остановилась и огляделась по сторонам, затем бросила быстрый взгляд назад, и только убедившись в том, что дверь за ней плотно закрылась, она сделала еще один неуверенный шаг вперед, опять остановилась, и снова двинулась вперед к стоявшему рядом с моим столом креслу для посетителей.

– Извините, что я заставил вас ждать, – сказал я.

– Нет-нет, – запротестовала Мелани, – что вы, все в порядке. Она замолчала, закусив нижнюю губу и осоловело моргая глазами, а потом заговорила снова. – Мистер Хоуп, мне кажется, что я знаю, кто убийца Викки.

Некоторое время мы оба сидели, молча уставившись друг на друга. Мне было очень непривычно обсуждать убийство в стенах своего офиса; и еще более странно было то, что в течение всего каких-то десяти минут мне довелось услышать от двух совершенно разных людей о том, что им известен убийца.

– Вы уже сообщили в полицию? – осторожно поинтересовался я.

– Я не хочу ввязываться в это дело, – сказала Мелани.

– Я думаю, что полиция...

– Мистер Хоуп, – перебила она меня на полуслове, – я знаю, что вы были ее другом, я думаю, что вы им были, но в любом случае, я всем сердцем желаю только одного: чтобы вы сейчас внимательно выслушали все, что я вам хочу рассказать, а затем поступили бы с полученной информацией надлежащим образом. Мой брат говорит, что мне следует держаться подальше от всего этого, просто забыть все, что мне тут как-то довелось услышать, чтобы все оставалось, как есть. Но мистер Хоуп, я всегда очень хорошо относилась к Викки, у нее всегда находилось доброе слово для каждого из нас, кто работал в «Зимнем саду». Я чувствую себя в долгу перед ней, я чувствую, что я просто обязана рассказать обо всем кому-нибудь, кто в отличие от меня сможет сделать хоть что-нибудь.

– Вот поэтому-то вам и следует обратиться с этим в полицию, – заметил я. – Если что-нибудь из ваших свидетельских показаний представляет интерес для следствия – а в последствии и для суда – полиция в любом случае пожелает услышать это непосредственно от вас. Рано или поздно вам все-таки придется...

– Это уж мое дело. Всему свое время. Сейчас же я прошу вас дать слово, пообещать, что вы сами никогда и никому не расскажете, от кого вы получили эти сведения.

– Я не могу обещать вам этого.

– Но почему же, почему?

– Потому что, в случае, если данные вами сведения действительно имеют какое-то отношение к преступлению, я буду обязан передать их полиции.

– Я думала, что наш разговор мог бы стать чем-то вроде исповеди, – сказала Мелани.

– Если вы имеете в виду, что сведения, сообщаемые адвокату клиентом, должны сохраняться в тайне...

– Да-да, именно это.

– Мисс Симмс, вы не являетесь моим клиентом. И у меня нет оснований держать в секрете, что бы вы здесь ни наговорили.

– Даже так?

– Мне очень жаль, – продолжал я, – но я в самом деле уверен, что если вы располагаете некоторой информацией относительно гибели мисс Миллер, вам все же лучше всего заявить об этом в полицию.

– Нет, этого я сделать никак не могу, – упорствовала она, – да мой брат убьет меня за это.

При слове «убьет» она невольно поежилась. Мелани шумно вздохнула, затем сильно сжала кулаки, словно пытаясь таким образом выжать из своей плоти остававшуюся еще в нем робость. Она снова быстро обернулась и взглянула на закрытую дверь. Мелани Симмс снова посмотрела на меня. Она закинула ногу на ногу, потом снова опустила ее на пол. Затем она опять закинула ногу на ногу, поправила юбку и пальто и очень тихо прошептала:

– Это сделал мистер Шерман.

– Джим Шерман? – переспросил я.

– Да, сэр.

– Вы хотите сказать, что мистер Шерман убил Викки?

– Да, сэр.

– И что дает вам основания для подобной уверенности?

– А то, что мне довелось услышать в прошлую пятницу.

– И что же вы услышали, мисс Симмс?

Она снова взглянула на дверь.

– Эта дверь заперта? – спросила у меня Мелани.

– Нет.

– А вы не могли бы запереть ее на ключ?

– Мисс Симмс, там, в приемной, сидит секретарь, и она никогда и никому не позволит войти сюда, прежде чем...

– Мистер Хоуп, закройте ее, ну пожалуйста.

Вздыхнув, я поднялся из-за стола, подошел к двери и повернул ключ в замке. Уже одна только попытка представить то, как Джим Шерман убивает Викки, или вообще кого-нибудь, если уж на то пошло, показалась мне невероятно абсурдной, и я уже начинал подозревать, что Мелани Симмс несколько тронулась рассудком. Но я все же опять вернулся к своему столу, уселся во вращающееся кресло на колесиках и очень терпеливо сказал:

– Все в порядке, дверь закрыта на замок.

– Это было вечером в пятницу, принялась рассказывать она. – Я в тот вечер работала в баре. Как раз там, где я об-

служивала вас в воскресенье, помните?

– Ага, – поддакнул я.

– Все было еще очень тихо, это было примерно часов в восемь или в четверть девятого, где-то в это время, и зрители еще не начинали собираться на шоу. В обеденном зале ресторана было много посетителей, но вот в холле и у бара не было еще никого.

Я попытался наглядно представить себе, как выглядел холл ресторана в тот вечер, когда Викки должна была впервые выйти на сцену; помещение, щедро украшенное живыми цветами от «Флер-де-Лиз», – тут и бостонский папоротник, и шведский плющ, филадендрон, высокие свечи, горящие в рубиново-красных подсвечниках, белые скатерти на столах, доносящийся приятный гул разговоров, звон кубиков льда о стенки бокалов с коктейлями – но нет, так там наверное было уже ближе к девяти часам, когда в холле начинали собираться зрители перед предстоящим шоу. Мелани рассказывала о том, что происходило еще раньше, скорее всего огни в холле были притушены, посетителей почти нет, и бармен задумчиво слушает пианиста, наигрывавшего на рояле попури из старых бродвейских шлягеров...

– За стойкой бара зазвонил телефон, и Дэнни подошел туда и снял трубку. Звонил Викки из своей гримерки. Она сказала, что просто-таки умирает от жажды и спросила, не мог бы кто-нибудь в качестве любезности принести ей стаканчик «перриера» с лимоном. Дэнни быстро приготовил все,

как она просила, и я понесла фужер в гримерную к Викки. В «Зимнем саду» помещение для гримерной – или как это еще там называется? – было как бы частью дамской туалетной комнаты, а потом там еще устроили такой маленький закуток типа небольшого холла, вы представляете, где это там, да? Первоначально, когда ресторан только-только открылся, ни мистер Шерман, ни мистер Этертон не планировали устраивать здесь какие-либо шоу. Но затем они подписали контракт с Викки, и ей понадобилась комната, где она могла бы переодеваться. И знаете, тогда-то и начали появляться там разные ширмы, портьеры из красного велюра, подвешенные на больших металлических кольцах на карниз из желтой меди, а еще туда поставили специальный туалетный столик с зеркалом и лампами, а также восхитительную мебель – кресло и небольшой диван, – короче говоря, все необходимое. Я все так подробно вам объясняю, потому что прежде вы должны понять, каким образом мне удалось услышать, о чем они там говорили. Там ведь не было дверей, понимаете? Просто ширмы и за ними портьеры. Вот как получилось, что я слышала, о чем шла речь. О чем Викки разговаривала в тот вечер с мистером Шерманом.

Я никак не могла решиться войти. Ведь в портьеры-то не постучишься, вот, и я так и стояла за ширмами и портьерами, держа в руках поднос, на котором стоял фужер «перриера» с лимоном. Я слушала их разговор, и в то же время сознавала, что не следует подслушивать, что это не мое де-

ло, все то, о чем они говорили за портьерами, но ведь с другой стороны, Викки просила принести ей пить, ведь она сама позвонила в бар и сказала, что умирает от жажды... Что мне делать? Как поступить? Я предположила, что должно быть Викки позвонила еще до того как к ней пришел мистер Шерман и до того как они начали с ним ссориться. Я была в достаточной степени уверена, что вряд ли Викки захочется, чтобы именно в тот момент я ворвалась бы к ним с «перриером» на подносе. Но все же я не уходила и продолжала стоять там, прислушиваясь к их разговору и все еще не в состоянии решить, как же все-таки поступить дальше: то ли откинуть портьеру и как ни в чем не бывало сказать им «Привет», сделав вид, что как будто я вообще ничего не слышала, или же вернуться в бар, сказав Дэнни, что Викки передумала, – короче, я просто ума не могла приложить, что делать. Вот так я в конце концов и осталась там.

Причиной для спора, насколько я понимаю, послужили песни, выбранные Викки для ее первого концерта у нас в «Зимнем саду», кстати, все те же песни она исполняла и вечером в воскресенье, когда вы к ней приходили. Но в пятницу еще можно было что-то изменить, что-то поправить, тогда еще для этого оставалось время. Я имею в виду, что в пятницу к нам должна была приехать та девушка из «Геральд-Трибюн», специально для того, чтобы послушать выступление Викки, а потом написать об этом статью в газете. И как ее звали-то, эту девушку-то из «Трибюн»... кажется,

Джоан какая-то...

– Джин Ривертон, – поправил я. Вообще-то Джин уже не относилась к «девушкам». Ей было уже пятьдесят четыре, и охарактеризовать ее можно было не иначе, как ядовитая гангрена на заднице творческого сообщества нашей Калусы, ее рецензии, зачастую чересчур злобные, могли послужить толчком для быстрейшего прекращения любого начинания. Я не успел прочитать ее рецензии на премьеру Викки, потому что до самого воскресного вечера я был вместе со своей дочерью в море на яхте.

– Да, Джин Ривертсон, ее так звали, – согласилась Мелани, – я как раз ее имею в виду. Она должна была прийти сюда вечером в пятницу – и она в самом деле пришла позднее, но тогда на часах была всего лишь четверть, а может и половина девятого вечера – и вот мистер Шерман стал уговаривать Викки, что еще не поздно включить хотя бы несколько песен в стиле рок-н-ролла в ее репертуар... так, кажется, это называется, репертуар?

– Да, репертуар.

– Вместо того, чтобы исполнять программу, составленную исключительно из всего этого – прошу прощения, но именно так он выразился – из всего этого старья сороковых-пятидесятых, из этого дерьма, годного только для выступления перед старыми пердунами. Мистер Шерман постоянно повторял, что Викки была известна в первую очередь как певица, исполняющая рок-н-ролл, что именно с рок-н-роллом

она сделала себе имя и завоевала признание, он говорил, что она не Дина Шор, не Розмари Клуни, не Элла Фитцджеральд, не Тереза Брюэр и не Сара Воэм, она Виктория Миллер, и что ее музыка – хард-рок. Мистер Шерман сокрушался, что вот уже целых две недели, с тех пор, как начались репетиции с этим засушенным ископаемым – это тоже в точности его слова – привыкшим играть для оперных певцов в «Хелен Готлиб» – но только Викки и слушать ничего не желала – и вот теперь через полчаса, даже меньше чем через полчаса она должна была выйти на сцену, и в связи с этим не могла бы она, ну пожалуйста, ради Бога, попросить пианиста сыграть хотя бы всего одну из тех песен, что когда-то сделали ее знаменитой, ведь разве пианиста не сможет сыграть хотя бы «Безумие», ведь весь мир знал ее «Безумие». На это Викки очень мягко сказала, что да, им пришлось уже наверное сто раз за последние две недели возвращаться к этому вопросу, и что лично ей кажется, что было уже решено, что в Калусе публика состоит в основном из людей старшего поколения, и было бы большой ошибкой исполнять для них песни шестидесятых годов, особенно, если взять еще в расчет уединенную атмосферу такого зала, как здесь, в «Зимнем саду», и уж наверное в сопровождении одного лишь фортепиано да еще с аккомпаниатором в лице засушенного ископаемого – скорее всего Викки передразнила здесь самого мистера Шермана – и что ей вовсе не хочется обсуждать заново и именно сейчас, за 25 минут до начала концерта, а посему не может

ли он, то есть мистер Шерман – ради Бога, мистер Хоуп, извините меня, но она сама сказала так – не сможет ли он побыстрее отъебаться от нее?

Весь их разговор велся поначалу на более или менее цивилизованном уровне. Представляете, никто даже не повысил сколь-нибудь значительно голоса, они были похожи на мужа и жену, ругающихся из-за денег или детей или еще что-нибудь типа того, но тут вдруг мистер Шерман вышел из себя. Он начал высказывать ей в том смысле, что да вообще, что она там о себе возомнила и кто она такая, чтобы выгонять его из гримерной, ставшей ему почти в две тысячи долларов, и все только для того, чтобы угодить ей, и светильники вокруг гребанного туалетного стола – извините за выражение – и зеркала в полный рост, и этот диван, потому что, видите ли, она соизволит отдыхать перед шоу, и тяжелые велюровые портьеры, и богато украшенные ширмы, и что она вообще там из себя строит? Может быть ей кажется, что она все еще звезда? А может быть она и в самом деле звезда, продающая миллионными тиражами свои записи, и может быть это совсем не она перепродает недвижимость в зачуханной конторе на рифе Сабал?! «И даже не пытайся меня выставить отсюда, ты...»

Мелани неожиданно замолчала. Она снова сжала ладони в кулаки и, потупившись, начала разглядывать мыски своих туфель, в то время, как лицо ее заливалось ярким румянцем. Затем она заговорила снова:

– Это его слова, мистер Хоуп, я только повторяю их. И мистер Шерман сказал Викки: «И даже не пытайся выставить меня отсюда, ты, маленькая дешевая блядь», и вот после этого один из них, я не знаю, кто именно, я не видела ничего из того, что там происходило, я могла лишь слушать, что на другую сторону портьеры, так вот, кто-то один из них ударил другого, я не знаю, то ли это Викки влепила пощечину мистеру Шерману или же все было наоборот. Но точно могу сказать, что это был звук пощечины, а затем за портьерой воцарилась тишина. А я все еще стояла, раздумывая над тем, что все-таки после всего услышанного мне лучше не входить в примерную, что будет гораздо лучше, если я снова вернусь в бар и скажу там, что Викки расхотелось пить, или может быть даже будет лучше выплеснуть содержимое и принести назад лишь пустой фужер. Когда мистер Шерман опять заговорил, то голос его был тихим-тихим, я с трудом могла разбирать слова, так что вполне может статься, что это она отвесила ему пощечину, и поэтому он был прямо-таки вне себя и говорил вот так очень-очень тихим и сдавленным голосом, как люди обычно начинают разговаривать, когда ярость приводит их в иступление. Он сказал: «Ну ладно, очень хорошо, что мы по крайней мере поняли друг друга. Но только учти, что если только та другая блядь, что приперлась сюда из „Трибюн“, отрицательно отзовется о твоём сегодняшнем концерте в своей вонючей рецензии, или если мои клиенты перестанут ходить в ресторан из-за тебя и из-за того старо-

модного дерьма, что ты собираешься здесь у меня петь, тогда, дорогая леди, я вас просто возьму и убью. Поверьте мне, леди, тогда уж вам точно не жить». Я знала, что он должен был вот-вот выйти, и тогда увидев меня у портьеры, он обязательно понял бы, что я все слышала. А поэтому я быстро выбралась оттуда и вернулась в бар, объявив Дэнни, что Викки передумала. Но знаете, мистер Хоуп, рецензия Джоан Ривертон... Джин Ривертон... появившаяся в газете на следующий день, была очень негативной. Все это было действительно ужасно. И вот я не знаю, то ли мистер Шерман говорил, что Викки не жить, так сказать имея в виду, что он ее уволит или что-нибудь еще в этом роде, то ли он имел в виду, что она умрет по-настоящему, ведь через пару дней это с ней и случилось, разве нет? Кто-то убил Викки ночью в воскресенье, но ведь именно мистер Шерман сказал ей: «Поверьте мне, леди, тогда уж вам точно не жить».

Мелани Симмс глубоко вздохнула. Она кивнула и затем взглянула вниз на свои руки – кулаки все еще не разжаты – а затем она снова подняла взгляд на меня, посмотрела мне прямо в глаза и проговорила так, словно хотела бросить мне вызов:

– Вот и все из того, что я слышала вечером в прошлую пятницу.

Глава 6

Несмотря на то, что хоть я и пообещал перезвонить Энтони Кенигу, как только я решу, как поступить с переданной им мне информацией относительно отца Викки, мне все же так и не удалось связаться с ним ранне четверга. Когда в час дня в четверг у меня завершилась встреча с Джерльдом Баннистером, тем необязательным пациентом-должником, я уже было собрался набрать код Нового Орлеана – 504, но в тот момент Синтия сообщила мне по селектору, что на третьей линии ждет Кениг. Я взял трубку.

– Здравствуйте, мистер Кениг, – сказал я.

– Вы обещали мне позвонить.

– Должен извиниться перед вами, но вчера у меня здесь был просто-таки сумасшедший день. А вы где сейчас находитесь?

– Все еще в «Брейквотер», и скорее всего я останусь здесь по крайней мере до конца этой недели. Мне еще нужно заказать памятник на могилу Викки, потом я хочу договориться каким-то образом с хозяином цветочного магазина, чтобы у нее на могиле всегда были свежие цветы. А вы еще не выяснили вопрос с банками?

– Да, сэр, этим занимался наш сотрудник. У Викки был счет в «Первом Банке Калусы», но вот личного сейфа у нее не было.

– А в других банках вашего города?

– Тоже ничего.

– Так значит, нам до сих пор ничего определенного не известно, так? Я имею в виду завещание.

– Да, это так. Но я буду выяснять, и вам нет необходимости...

– Я думаю, что вам следует встретиться с отцом Викки.

– Зачем?

– Если кому-нибудь и быть зочть что-то известно о ее завещании, то этим человеком наверняка был Двейн.

– Мистер Кениг, к чему такая спешка?

Я все время думал о том, что дочь этого человека была похищена, и скорее всего похититель его дочери и убийце его же бывшей жены – одно и то же лицо, а самого Кенига теперь волнует лишь завещание, которое – если оно вообще существует в природе – может сделать его опекуном над всем имуществом, которое должно было бы достаться в наследство Элисон. Мне показалось, что вообще-то Энтони Кенигу следовало бы поменьше беспокоиться о проклятом имуществе своей дочери, а больше переживать за ее безопасность.

– Я привык держать все свои дела в порядке, – ответил он.

– Может быть сначала мы все же дождемся, когда найдут Элисон, – предложил я. – А потом уж и начнем заниматься...

– Но ведь в этом-то все и дело. К тому времени, как она наконец вернется, я хочу сам во всем разобраться и удостовериться. Если опекуном буду назначен я...

– Мистер Кениг, вы меня, конечно, извините, но я уже очень пожалел, что вообще упомянул при вас об этой возможности. Если завещание существует, и если вы в нем назначены опекуном, то у вас будет просто уйма времени на то, чтобы управиться со всеми формальностями. В настоящее время...

– Я хочу, чтобы вы увиделись с Двейном, – снова сказал он.

Я промолчал.

– Мистер Хоуп?

– Я слышу вас, мистер Кениг.

– Так вы поговорите с ним?

– Ну если уж вы считаете, что это настолько необходимо...

– Мне станет намного легче. А там вы возможно смогли бы немного разговорить его и может быть даже убедиться, правда ли то, о чем я вам рассказывал.

– А вот этого я делать не буду.

– Ну тогда просто постарайтесь выяснить у него, существует ли завещание или нет. И мистер Хоуп, я надеюсь, что вы понимаете, что лично для себя я ничего не собираюсь выгадывать подобным образом. Я просто не могу себе представить, что я когда-либо смогу распоряжаться собственностью Элисон по своему усмотрению...

– Честно говоря, как раз этого-то вам и не удастся. Суд потребует от вас ведения очень строгого и подробного учета.

– Об этом я уже думал. Но все же я даже в мыслях не

желаю допускать возможности того, что Викки могла назначить опекуном своего отца. Я был бы вам ужасно признателен, если бы вы все же смогли выяснить, а не известно ли ему что-нибудь о завещании.

– Я сделаю все, что может зависеть от меня лично.

– Благодарю вас, – проговорил Кениг и положил трубку.

Кениг ни словом не обмолвился о том, где же мне искать Двейна Миллера. Я нажал на кнопку селектора и попросил Синтию соединить меня с детективом Блумом, после чего я сунул подписанные Баннистером обязательства в прозрачный конверт, сделал на нем пометку «Баннистер-Унгерман» и только после этого засунул эти бумаги в корзину, где у меня обычно находились и другие бумаги, предназначенные для расшивки по делам. Синтия перезвонила мне практически сразу же.

– Детектив Блум на четвертой линии, – объявила она.

Я поднял трубку.

– Привет, – сказал я, – как дела?

– Есть хочу.

– Что? Хочешь есть?

– В субботу я был у врача, так, обычный ежегодный медосмотр, понимаешь? И вот он мне сказал, что вешу я на целых пятнадцать фунтов больше, чем полагается, давление у меня 120/90, а по холестеролу я вышел на уровень 317. Вот так, а если уровень холестерола больше, чем 280, то считается, то это уже плохо, и такое давление как 120/90 тоже вы-

зывает у него беспокойство. А посему он посадил меня на безжировую и бессолевую диету, и похоже, что очень скоро я сдохну от голода. Ты знаешь, что у меня сегодня было на обед? Фруктовый салат, прессованный творог и тоненький ломтик белкового хлеба без масла. Но ведь рост у меня целых шесть футов и еще три дюйма, и вешу-то я как-никак двести двадцать фунтов. А ты как думаешь, разве я жирный?

– Вообще-то я, право, не знаю...

– А вот мой доктор говорит, что у меня избыточный вес, и что в моем все это крайне нежелательно – лишний вес, повышенное давление, холестерол. Послушай, мне сорок шесть лет, разве ты тоже считаешь, что я уже старик?

– Нет, определенно нет.

– А еще он сказал, чтобы я выбирал что-нибудь одно: либо садился бы на диету, или же мне можно уже не тратить деньги на долгоиграющие пластинки. Наверное, это была шутка, он очень веселый человек, мой доктор. Так что теперь на обед я ем исключительно только фрукты и творожок, словно какая-нибудь старая бабулька из Гарден-Сити. Ну да бог с ним. Мэттью, ты о чем-то хотел спросить?

– Вот, кое-что, о чем ты должен узнать, – сказал я и тут же выложил ему все, о чем мне удалось узнать от Энтони Кенига и Мелани Симмс вчера, сразу же после похорон Викки.

– Итак, первые подозрения?

– Похоже на то.

– И что, старик богат, да?

– Апельсиновые плантации, может ценные бумаги и деньги. Да, я бы сказал, что он до известной степени человек обеспеченный.

– А сколько может стоить такая плантация в Манакаве?

– Одному моему клиенту принадлежит сто сорок акров аналогичных насаждений, и он оценил их почти в целый миллион.

– А у Миллера целых четыреста акров, так?

– Совершенно верно.

– Но тогда почему же его собственная дочь жила в малюсеньком паршивом домишке на Цитрус-Лейн?

– Вопрос по существу.

– Мне кажется, что он лишил ее права наследования, еще когда она была жива. А что там с Джимом Шерманом? Мне кажется, что он голубой. Это что, правда?

– Сплетни.

– Ну ладно, меня это интересует в той степени, – заметил Блум, – в которой подобный факт может иметь отношение к расследуемому мной делу. И так значит, он сказал, что ей не жить, да?

– Мне так сказала об этом Мелани.

– А не могло бы это означать, что он имел в виду, что в случае провала шоу он просто-напросто выгонит ее с работы?

– Возможно и такое.

– Я с ним еще поговорю. Я тебе тоже могу кое-что инте-

ресное рассказать. Тебя вообще-то занимает все это дерьмо?

– Да, конечно.

– Я тоже об этом подумал. Во-первых, я позвонил этому парню, что когда-то был у них в ансамбле лидер-гитаристом, тому, что живет в Эль-Дорадо. В воскресенье вечером он играл на одной свадьбе. Он назвал мне фамилию новобрачных, так что при всем желании они не смог бы оказаться здесь у Викки, а поэтому его мы тут же отбрасываем. Потом я позвонил их бас-гитаристу в Фалмут. Трубку снял ребенок, очень наверное премиленькая малышка, лет семи или восьми. Она сказала, что мамочка ушла за покупками, а папочку позвали куда-то настраивать пианино. Я назвал ей свое имя и попросил записать телефон, но кажется, все это без толку, она все время называла меня мистер Бум. Как тебе это нравится? Мистер Бум. Я думаю перезвонить в Фалмут через какое-то время, чтобы уж наверняка исключить возможность того, что этот парень мог оказаться в воскресенье вечером здесь, в Калусе и забить до смерти Викки Миллер.

– А авиалинии...

– О Джорджи Кранце – ровным счетом ничего. Ни из Бостона, из аэропорта которого он наверняка мог бы вылететь, и вообще ни откуда из того района. Но кто знает, ведь он мог уехать оттуда и на машине. Также мне никак не удастся выйти на Садовски, их барабанщика, который в свое время, когда Маршалл в последний раз что-то слышал о нем, жил в Нью-Йорке. Я уже проверял его по всем каналам, даже зво-

нил в полицейское управление Нью-Йорка, может быть они все-таки попытаются хоть чем-нибудь помочь своему бывшему коллеге из Нассау. Еще я обзвонил все гостиницы и мотели города, пытаясь узнать, где сейчас находится Маршалл, чтобы он по возможности рассказал бы мне побольше об этом парне, но он словно сквозь землю провалился. Я предполагаю, что Эдди Маршалл уже отправился назад в Джорджию. Кажется, он говорил, что вроде как он работает там диск-жокеем, было такое?

– Да, было.

– Правильно. Еще он сказал, что он одолжил яхту у некоего Джерри Купера из Исламореды. Это мужчина, помнишь, я спросил у него, мужчина это или женщина. Ну как, вспомнил?

– Помню я, помню.

– Ну так вот. В Исламорате никакого Джерри Купера не значится. Конечно, само по себе это ничего не означает, очень у многих людей телефоны не зарегистрированы. Но вот алиби Маршалла все еще остается под большим вопросом, так что теперь у меня есть уже целых несколько причин для того, чтобы побеседовать с ним вторично, и я просто жажду этого. И вот что я сделал для этого: в Скоки, Иллинойс, я нашел одну контору, которая выпускает справочник под названием «Местное радио: основные сведения и тарифы». Эта книжка в основном предназначена для тех, кто делает бизнес на рекламе, там можно найти информацию о

всех радиостанциях, какие только есть в стране, ну там, все расценки на рекламу и так далее. Это списки радиостанций во всех штатах. Я только что разговаривал с ними по телефону, и те ребята пообещали мне, что они сделают специально для меня ксерокопии страниц, касающихся непосредственно Джорджии, и вышлют все эти материалы в мой адрес курьерской почтой. Я надеюсь, что там все же не слишком много этих чертовых радиостанций, потому что моим людям придется обзвонить каждую из них. Если, конечно, эти навязавшиеся на мою голову ублюдки, эти «федералы», не будут против. Слушай, кстати, а Скоки, где это? Ты вообще-то хорошо знаешь Иллинойс?

– Вообще-то, я там родился и жил.

– И где же там город Скоки?

– Недалеко от Чикаго. Совсем рядом с Эванстоном, где я учился на юридическом факультете.

– Надеюсь, что весь материал завтра будет уже у меня. Мне бы очень хотелось опять поговорить с Маршаллом, если, разумеется, мне удастся его отыскать. Я бы расспросил его поподробнее о парне по фамилии Садовски, а также постарался бы выяснить насчет той яхты. А ты как думаешь, Кениг может знать, на какой радиостанции он там работает?

– Не исключено. Между прочим, он хочет, чтобы я встретился с отцом Викки. У тебя не будет...

– А это еще зачем?

– Ему приспичило узнать, не оставила ли Викки завеща-

ния. Он думает, что Миллер может знать об этом.

– Вот как? А почему его это так заинтересовало?

– Понимаешь ли, Кенигу не терпится узнать, не указан ли он в завещании как опекун над собственностью Элисон.

– Можешь передать ему, что так оно и есть.

– Извини, не расслышал, что ты..?

– Скажи ему, что назначен опекуном над ее имуществом.

– А откуда тебе это известно?

– Так вот же это завещание, у меня – сказал Блум. – Мы нашли его в коробке из-под туфель на верхней полке стенового шкафа, что стоял у нее в спальне.

Завещание представляло собой стандартный бланк, который можно было купить в любом магазине канцелярских товаров – пятнадцать центов плюс налог. Оно было трижды сложено вдоль, как обычно складываются юридические документы. На лицевой стороне старо-английским готическим шрифтом было набрано: ЗАВЕЩАНИЕ и далее проведена черта, по которой Викки от руки вписала свое имя Виктории Стефани Миллер. Внизу страницы были оставлены графы, озаглавленные ИСПОЛНИТЕЛИ, и ни одна из них заполнена не была. Я развернул документ.

Сам текст завещания оказался сочетанием печатного бланка и вписанного в него Викторией рукописного текста:

ВО ИМЯ ОТЦА И СЫНА, И СВЯТОГО ДУХА. АМИНЬ.

1. Я, Виктория Стефани Миллер, проживающая постоянно в городе Калуса, округа Калуса, штат Флорида, пребывая

в ясном сознании и твердой памяти, настоящим объявляю о том, что настоящем документе содержатся моя

ПОСЛЕДНЯЯ ВОЛЯ И ЗАВЕЩАНИЕ

Настоящим завещанием я объявляю утратившими силу все ранее оформленные мною завещания, равно и дополнительные распоряжения к ним.

ПЕРВОЕ: Я завещаю своей дочери Элисон Мерси Кениг все принадлежащее мне недвижимое и личное имущество, включая принадлежащие мне драгоценности, мебель, машину, столовый фарфор и приборы из серебра.

ВТОРОЕ: Я назначаю моего бывшего мужа Энтони Льюиса Кенига опекуном над личностью и имуществом моей дочери Элисон.

ТРЕТЬЕ: Относительно основной суммы и аккумулированного дохода по трастовому вкладу, учрежденному моим отцом Двейном Робертом Миллером в 1965 году – я завещаю поделить весь аккумулированный дохода, равно как и основную сумму вклада на четыре части, из которых: три четверти от общей суммы передать моей дочери Элисон Мерси Кениг и одну четверть – моему бывшему мужу Энтони Льюису Кенигу, с тем, чтобы он мог надлежащим образом, беспрепятственно и без каких бы то ни было материальных затруднений осуществлять опеку о моей дочери до достижения ею возраста двадцати одного года.

На этом рукописный текст Викки заканчивался. Заключительная часть завещания была также выполнена в виде блан-

ка, который Викки должна была заполнить своей рукой. И указанное ею здесь имя тут же бросилось мне в глаза:

Настоящим я так же назначаю Мэттью Хоупа исполнителем настоящей моей последней воли и завещания.

Я перевернул страницу.

и уполномачиваю его оплатить все мои долговые обязательства, в случае если таковые имеются, а также оплатить сполна за все расходы, связанные с моими похоронами и погребением.

Документ был датирован четвертым января, подписан самой Викки и засвидетельствован Альбертом Витлоу и Дороти Витлоу, наверное это были родители няни, они указали свой адрес – 1122, Цитрус Лейн.

Я одиноко сидел в кабинете у Блума, и вновь перечитывал завещание. Викки составила свое завещание, или по крайней мере датировала его, четвертого января, за неделю до начала концертов в «Зимнем саду». Письмо Кенигу она отправила седьмого, посоветовав ему в случае ее смерти обратиться к Мэттью Хоупу, что, кстати, было вовсе не лишено смысла, ведь в завещании она назначила меня своим душеприказчиком. Вполне возможно и то, что Кениг заранее знал о существовании завещания и о том, что Викки оставляет четверть от аккумулированного дохода и основной суммы трастового вклада, где, по-видимому, она была бенефициаром. С другой стороны, также возможно и то, что Кениг не только знал о завещании, но даже и обсуждал этот вопрос с Викки, по-

сле того как она отправила ему письмо. В принципе, этим и можно объяснить, почему ему так не терпелось, чтобы я разыскал это завещание. Я совершенно не имел ни малейшего представления о сумме, подлежащей выплате, но ведь в криминалистической практике известны случаи, когда убийства совершались даже из-за жалких грошей.

Дверь в кабинет отворилась, и в дверном проеме возникла огромная, сверх нормы напичканная холестерином туша Блума. За его спиной за одним столом сидели два агента ФБР, облаченные в одинаковые синие костюмы. Оба они разговаривали каждый по своему телефону. Блум закрыл за собой дверь.

– Труляля и Траляля, – гримасничая, проговорил он, кивнув в сторону закрытой двери. – Устроили здесь переговорный пункт, день и ночь не слезают с телефона. Ничего, вот скоро нам выкатят счет за междугородние переговоры... Как ты думаешь, с этим без проблем? – спросил он, указав на завещание.

– Как бы тебе сказать... по-моему, не совсем. Скорее всего, перед тем, как написать это завещание, Викки с кем-то консультировалась по этому вопросу, или же она использовала чужое завещание в качестве образца, а потом заверила свой документ у свидетелей. Но все же я на месте Кенига не стал бы спешить делать раскладки на причитающуюся ему долю с доверительного имущества.

– И позволь узнать, почему?

– Смею выдвинуть предположение, что сроки по этому трастовому соглашению еще не вышли. Если бы срок действия трастового соглашения уже истек, то основная сумма, равно как и аккумулированный доход с нее уже находились бы в распоряжении Викки, и тогда ей вовсе не пришлось бы упоминать о самом наличии траста. В таком случае было бы вполне достаточно упоминания о «недвижимом и личном имуществе» в первом пункте завещания.

– Ну, знаешь ли! Она ведь не была юристом.

– Допустим. Но я просто убежден, что Викки составляла это завещание, когда срок договора еще не истек. И здесь-то и могут возникнуть некоторые трудности. Как для Кенига, так и для его дочери.

– Каким же образом?

– Мне не известны условия их трастового соглашения. Но я точно знаю то, что если только гарант...

– Миллер.

– Судя по всему, да, «... по трастовому вкладу, учрежденному моим отцом Двейном Робертом Миллером в 1965 году».

– Ты думаешь, что такое возможно?

– Вполне. Но только в случае, если там есть специальный пункт, оговаривающий право Викки назначать другого, скажем так, альтернативного, бенефициара, на случай своей смерти... ну, я не знаю, что там еще может быть. Для этого мне нужно увидеть сам документ. Но, во всяком случае, уже

сейчас можно точно сказать, что только гарант, или учредитель, трастового вклада – то есть тот, кто является его создателем – может принимать решения о том, когда и каким образом должен распределяться основной капитал и аккумулированный доход по нему. Только в случае наличия действующей доверенности на распределение наследственного имущества.

– Ну это надо же! Здесь ведь счет идет уже на миллионы.

– С чего ты это взял?

– Да если исходить из того, что ты мне наговорил, то тут только одни апельсиновые плантации тянут по крайней мере миллиона эдак на четыре.

– Так оно конечно, так, но...

– Так что если даже не принимать в расчет мотели и тому подобное дерьмо, выходит, что Кенигу отсюда будет причитаться кругленькая сумма в миллион. На карманные расходы это даже вовсе не дурственно.

– В случае, если вся эта собственность является частью трастового вклада.

– Ты о чем?

– Мы с тобой ведь не знаем, что именно Миллером записано в этот вклад. Может оказаться, что основным капиталом там считается некий бесполезный золотой рудник где-нибудь в Юконе, и доход с него из года в год просто равен нулю.

– Держу пари, что в траст внесено все, что у него только

есть.

– Если послушать Кенига, то это далеко не так. Он утверждает, что Миллер складывал все деньги, что доводилось зарабатывать Викки, в банк, на свой собственный счет.

– Это версия Кенига, а что может Миллер сказать по этому поводу? Знаешь, мне теперь и самому очень хочется взглянуть на это трастовое соглашение. Как ты думаешь, могу я как-нибудь его заполучить на руки?

– Но ведь ты можешь просить о выдаче тебе судебного предписания, разве нет?

– И на каком же основании?

– Ты занимаешься расследованием по делу об убийстве...

– Ну конечно же, а миллион баксов может оказаться вполне убедительным мотивом для совершения преступления, так?

– Точно.

– Но вот как посмотрит на это судья? – Блум с сомнением покачал головой. – Сомневаюсь я что-то. Ему обязательно захочется узнать, на каком основании мною были сделаны подобные выводы о мотивах убийства, если я даже и сам еще не знаю, о чем идет речь в самом трастовом соглашении. Тогда я начну объяснять, что я не смогу узнать условий соглашения, пока мне не будет открыт доступ непосредственно к самому документу. На что он мне ответит: «В виду отсутствия аргументированного обоснования, запрос отклоняется». Вот и все.

– Хочешь, что я сам попробовал?

– А ты-то какое отношение сюда имеешь?

– А почему бы и нет? Имя моего клиента упоминается в завещании и как раз в связи с этим документом. И вполне логично предположить, что получение им завещанной на его имя части имущества может находиться в прямой зависимости от положений и условий трастового соглашения.

– М-мм, – промычал мне на это Блум. – Какой у Миллера адрес?

– Он живет на Манакава Фармз Роуд. Сразу же по выезде из города нужно сделать первый левый поворот. Это у светофора на 41-м шоссе, там, где обычно ты поворачиваешь направо, когда едешь на пляж, понятно? Он живет – сколько там? – в пяти-шести милях от города.

– У светофора – налево, – повторил я. – Манакава Фармз Роуд.

– Ага, а теперь угадай, в какой цвет он выкрасил свой ящик для почты?

– На нем значится какое-нибудь имя?

– Только цифры. Три-два-четыре. Думаешь, тебе удастся выведать там хоть что-нибудь?

– Попытка не пытка, а попробовать все же стоит, – сказал я.

Если вы покинете Калусу по 41-му шоссе, то уже через полчаса вы окажетесь в Манакаве. И хотя до Манакавы всего семнадцать миль пути, но в разгар сезона может вполне

сложиться такое впечатление, что это расстояние увеличивается раз в сто; что-то около часа времени у меня ушло на то, чтобы наконец оказаться в окрестностях города, и потом еще двадцать минут были потрачены на поиски принадлежащих Миллеру плантаций апельсиновых деревьев, располагавшихся на Манакава Фармз Роуд. Я возможно так и проехал бы почтовый ящик, выкрашенный в ярко-оранжевый цвет с выведенными на нем черными цифрами – 324, равно как и узкую грязную подъездную дорогу, ведущую во владения Миллера, случись мне вдруг утратить бдительность, проезжая между бесконечными, растянувшимися на целые мили садами апельсиновых деревьев, высаженных строго в ряды на аккуратно вымеренном друг от друга расстоянии. Можно сказать, что предыдущей ночью на улице относительно потеплело, температура поднялась почти до тридцати четырех градусов по Фаренгейту (это немного больше одного градуса по Цельсию, но в Америке мы никогда не сможем привыкнуть к его дурацкой системе), но горшки с углями были все еще расставлены тут же, под деревьями; они могли быть немедленно зажжены в случае, если опять неожиданно ударят заморозки.

Подъездная дорога вела к целому архитектурному комплексу, состоящему из полдюжины строений из железобетонных блоков и окрашенных в белый цвет. Я припарковался рядом с пикапом оранжевого цвета с выведенной на этом фоне черной надписью «ПЛАНТАЦИИ МИЛЛЕРА».

Три длинные низкие ступени вели отсюда на просторную террасу, пристроенную к самому большому зданию. Я открыл дверь на крыльцо, прошел через всю террасу к двери, что вела уже непосредственно в дом. Молоденькая девушка лет двадцати сидела за столом, одновременно печатая и жуя жвачку. Когда я вошел в комнату, она взглянула в мою сторону.

– Привет, – обратилась она ко мне.

– Меня зовут Мэттью Хоуп, – заговорил я, – я разыскиваю господина Миллера.

– Только что вышел на плантации, – ответила секретарша. – Может быть присядете здесь пока?

– А вы не знаете, как долго он там пробудет?

– Он пошел посмотреть, все ли в порядке, не случилось ли чего за ночь, – пояснила она. – Не думаю, что это надолго, он почти не отлучается отсюда.

– Все же я подожду его на улице, – сказал я. – Постою немного на солнышке.

– Я заодно и схватите простуду, – ответила мне на это она.

– И все-таки сегодня немного потеплее по сравнению с тем, что было вчера.

– Если и теплей, то не намного. Обещали, что сегодня будет едва выше пятидесяти. Не сказала бы, что это так уж жарко.

– Да уж, – заметил я, – но вы только представьте себе, что в других местах дела с погодой обстоят еще хуже.

– Это уж точно, – согласилась она.

Я вежливо попрощался и направился к выходу. Пересекая террасу в обратном направлении, я подумал о том, сколько же времени мне потребовалось на то, чтобы усвоить местные обычаи. Представьте себе, что в других места дела с погодой обстоят еще хуже. Господи Иисусе! Вдалеке показался еще один оранжевый пикап, он быстро ехал по дороге, бегущей между деревьями, поднимая за собой огромные клубы пыли. Я облокотился о крыло своей машины и терпеливо ждал.

На Двейне Миллере была огромная соломенная шляпа, пиджак из грубой хлопчатобумажной ткани синего цвета, голубые джинсы и коричневые ковбойские сапоги со вставками из белой кожи. Он показался мне более высоким, чем раньше, но это должно быть была всего лишь иллюзия, вызванная возвышавшейся над ним тульей шляпы. Миллер заметил меня еще из кабины своего грузовика, но даже после того, как заглушив мотор, он открыл дверь и спрыгнул на землю, он все же явно не спешил поздороваться со мной. Глядя себе под ноги, Миллер направился в сторону террасы.

– Мистер Миллер? – окликнул я, и ему пришлось взглянуть в мою сторону. – Я Мэттью Хоуп, я был вчера на похоронах.

Он внимательно вглядывался в мое лицо. Глаза у Двейна Миллера были такими же бездонно-темными, как и у его дочери, темно-темно-карие, словно угольки. У него были черные брови, точно такие же черные, как и баки, видневшиеся

из-под полей шляпы. Нос же давал мне все основания записать его обладателя в члены пороссячьей семьи – луковицеобразный, несколько курносый нос с огромными ноздрями.

– Я вас не припоминаю, – сказал Миллер.

– Я был там вместе с детективом Блумом.

Он продолжал пристально разглядывать меня.

– И что вам надо? – наконец спросил Миллер.

– Я был другом Викки.

– И что из этого?

– Я адвокат.

– Ее адвокат?

– Нет, но...

– Но что вам тогда здесь нужно? Мистер Хоуп, так кажется? Что вам здесь нужно, мистер Хоуп? Мы занимаемся здесь делом: выращиваем апельсины и продаем их бушелями.⁶ Желаете купить апельсинов, мистер Хоуп?

Говорил все это Миллер с нескрываемым сарказмом, а глаза его горели злобой. Я не был знаком с этим человеком, это была наша с ним первая встреча; и я понятия не имел, отчего он был так груб со мной.

– Мне тут недавно звонил Тони, – снова заговорил Миллер, – так он уже доложил, что вы можете меня навестить.

– А-а...

– Я уже говорил ему, что ни о каком гребаном завещании мне не известно, но он все же объявил, что все равно, в лю-

⁶ Бушель (мера емкости) – примерно 36,3 литра.

бом случае его адвокат заедет сюда, чтобы лично задать мне этот вопрос. И вам, мистер Хоуп, я то же самое повторю. Никакого завещания не было.

– Откуда вы это знаете?

– Викки рассказала бы мне о нем. Я был у нее вечером в четверг, и тогда они ни словом о нем не обмолвились.

– Мистер Миллер, а почему «тогда»?

– Да потому что по Викки было видно, что она до смерти чем-то встревожена. И если уж вы спросили меня об этом, то я вам скажу: Викки знала о том, что с ней случится. У нее же на лице было все написано. Страх. Совсем как когда-то в детстве, когда она была еще совсем маленькой и боялась грозы. Всегда пряталась под кровать, да так и лежала там, зажмурившись и прикрыв голову руками, всхлипывая и дрожа от страха. Вечером в четверг было почти то же самое. Конечно, она не плакала и не дрожала, ничего подобного не было, разумеется, нет, но это выражение страха у нее на лице, когда мы говорили о премьерке. Я отговаривал ее, сам отговаривал и предупреждал, но ведь она же не послушалась...

– Мистер Миллер, а что вы говорили ей тогда?

– Сказал, что она совершает ошибку, устраивая премьерку в той дыре на Стоун-Крэб. Ведь она была звездой! А звезды не должны петь в каком-то задрипанном баре при ресторане! Я отговаривал ее. Грозился даже лишить наследства, если она посмеет ослушаться. Бестолку. Вот ведь упрямая маленькая сучка, она и в детстве такой была. Да я ее чуть было

не прибил. Это у нее от матери. Та тоже упрямая была как ишак.

– И что вы собирались сделать, мистер Миллер?

– Ваш вопрос мне не понятен, – сказал он.

– Ну, когда обещали лишить Викки наследства.

– Мне почему-то кажется, что это уже вас совсем даже и не касается.

– Вы имели в виду трастовое соглашение?

Миллер уставился на меня широко открытыми глазами. Некоторое время он молчал, очевидно пытаясь решить для себя, а не блефую ли я. Наконец до него должно быть все же дошло, что мне на самом деле известно кое-что о том трасте, и что нет никакого резона отрицать его существование.

– Как бы там ни было, а я все равно не смог бы в нем ничего изменить, – проговорил он, – это безотзывной траст. Но вот Викки об этом ничего не знала. Я просто хотел напугать ее, оказать на нее подобным образом, если можно так сказать, давление. А вы откуда знаете об этом?

– Из ее завещания, – просто ответил я, – там есть упоминание о трасте.

– Я думал, что вам и вправду не известно, было ли завещание или нет.

– Я вам этого не говорил, мистер Миллер.

– Зато Тони, чтоб ему пусто было, уже сказал.

– Верно ли то, что Викки была бенефициаром по тому соглашению?

– А вот это уже вас никоим образом не касается, – огрызнулся Миллер, и сняв с головы шляпу, он протер носовым платком кожаную ленту, пришитую внутри. Я заметил, что на макушке волосы у него уже начали седеть. Миллер снова водрузил шляпу на прежнее место, засунул носовой платок в задний карман джинсов и глядя мне прямо в глаза, он вдруг заговорил, – Мистер Хоуп, позвольте мне разъяснить вам кое-что. У меня здесь нет ничего своего, ничего, что было бы записано на мое собственное имя, кроме принадлежащего лично мне дома. Все остальное – плантации, приобретенные мною мотели на Трейл, ценные бумаги – все это является собственностью траста. Когда Викки только-только начала свою карьеру в музыкальном бизнесе, ей едва исполнилось девятнадцать, а представления о деньгах у нее было не больше, чем может быть у лягушонка. И в этом она тоже вся пошла в мать. Вот я и учредил этот траст, чтобы у нее была хоть какая-то защита, чтобы уж быть наверняка уверенным, что ей не придется закончить свою карьеру, как это зачастую бывает у некоторых рок-звезд, вы конечно понимаете, кого я имею в виду, тех кто глотает разные таблетки и кончает жизнь самоубийством, или же тех, кто дожив до солидного возраста не имеют даже собственного ночного горшка. В среднем жизнь рок-звезды в бизнесе продолжается где-нибудь четыре или пять лет, да, мистер Хоуп, ну если очень повезет, то лет шесть-семь. Мне очень не хотелось, чтобы моя малышка, когда ей перевалит за тридцать закан-

чивала бы свою карьеру в сортире. Вот и все из того, что вам действительно надо знать.

– Мистер Миллер, – сказал я, – в завещании Викки распорядилась передать Элисон три четверти от суммы основного капитала и аккумулированного дохода и одну четверть своему бывшему мужу Энтони...

– Не смешите меня, – сказала мне на это Миллер.

– Это она составляла завещание, не я.

– И каким же образом она собирается распоряжаться тем, что ей еще не принадлежит? Ведь вы же юрист, не так ли? Ведь вы же прекрасно знаете, что только тот, кто учреждает траст, может решать, как и когда будут распределены доход и основной капитал.

– Но ведь бенифициаром-то по этому трасту была ваша дочь, разве не так?

– Разумеется, она им была. Но...

– Ну тогда, если срок трастового соглашения уже истек, основной капитал был бы ее, и она могла бы поступать, как...

– Он еще не истек.

– А когда он истекает?

– А это вас не касается.

– Если он истек до ее смерти, это меня даже очень касается. Ваша дочь распорядилась передать четверть причитавшейся ей суммы Энтони Кенигу. А это означает, что если деньги уже принадлежали ей, четверть...

– Хотите отобрать все это у меня? – спросил вдруг у меня

Миллер, обедев широким жестом бесконечные акры апельсиновых рощ. – Все это, на что я потратил всю жизнь, дожидаясь того времени, когда Викки станет достаточно взрослой, чтобы самой управляться здесь? – он отрицательно помотал головой. – Так знайте же, господин хороший, у вас ничего не выйдет.

– Да я ведь еще не настаиваю, что мистер Кениг уже имеет какие-то права...

– Ах, только еще, да? А когда же, позвольте узнать, мистер Хоуп, когда же вы собираетесь начать на этом настаивать?

– После того, как смогу ознакомиться с трастовым соглашением. И там уже только если...

– Еще чего! Фиг вам! Вам это не удастся.

– Если срок трастового соглашения истек до того, как ваша дочь написала свое завещание...

– Он еще не истек, я уже говорил об этом.

– Или же если условиями соглашения предусмотрено специальное условие, в соответствии с которым ей предоставляется право самой назначать альтернативного бенефициара...

– Ничего подобного там нет.

– Но каким образом я могу убедиться в этом, не имея возможности взглянуть на сам документ?

– Поверьте мне на слово.

– Шутите? Ведь речь идет о четверти суммы капитала и дохода по нему. А всегда должен оставаться на страже интересов своего клиента.

– Ну тогда, мистер Хоуп, идите к черту, потому что мой траст вас не касается, и ничего вы не увидите и не получите.

– У судьи на этот счет может оказаться другая точка зрения.

– Что?

– Имя моего клиента упоминается в завещании как раз в связи с этим вашим трастом. И я могу обратиться в суд с требованием возмещения убытка...

– Ни один суд не возьмется...

– Нет, господин Миллер, все же есть один суд, который примет это дело к производству. И называется он Окружной Суд Калусы, и как раз именно туда я и собираюсь обратиться с заявлением о вынесении решения по поводу обоснованности прав моего клиента в связи с данным трастом. И уж тогда я вручу вам официальный запрос на представление копии трастового соглашения для проведения расследования.

– Все равно ни один суд не позволит вам этого.

– А мне вовсе и не надо испрашивать на то дозволения суда. В силу того, что я исполняю свои непосредственные профессиональные обязанности, я могу сделать данный запрос и самостоятельно.

– Ну что ж, в таком случае, мистер Хоуп, и флаг вам в руки.

– Возможно ваш адвокат, мистер Миллер, не захочет, чтобы я утруждал себя подобным образом. Вы действительно уверены, что для начала вы не желаете сами поговорить с

ним?

– Нет уж, сами разговаривайте. Все бумаги по трасту оформлял Дэвид Хейторн из Нового Орлеана. Мы жили там некоторое время. Может быть вам еще и номер его телефона дать или так обойдетесь?

– Я сам разыщу его. Благодарю. Прощайте, мистер Миллер.

В ответ он не произнес ни слова. Двейн Миллер быстро взошел по ступенькам крыльца и скрылся на террасе, с грохотом захлопнув за собой дверь.

Перед тем как уйти из офиса, я поручил Синтии связаться по телефону с редакцией «Геральд-Трибюн» и попросить прислать экземпляр субботнего номера их газеты, того самого, где было опубликована рецензия Джин Ривертон на премьеру Викки. Возвратившись в контору, я нашел газету у себя на столе, она лежала вместе с листком, на котором Синтия записала имена всех тех, кто звонил в мое отсутствие. Я лишь мельком взглянул на этот список, и тут же принялся просматривать оглавление, помещенное на первой полосе газеты. Рецензия была на двенадцатой странице Раздела Е. И вот о чем в ней говорилось:

Суинг был моей музыкой.

Я выросла в эпоху биг-бэндов. Мои ноги притопывали в такт ритмам Бенни Гудмана и Чарли Барнета. Душа моя не оставалась равнодушной к мелодиям Глена Миллера и Клода Торнхилла. И сердце мое замирало, когда я слышала, как

Гарри Джеймс играл на трубе или Арти Шоу – на своем кларнете. И даже сейчас я все еще могу напеть мотивы песен Чарли Спивака, Глена Грея, Вона Монро, Дюка Эллингтона – и даже Альвино Рея, который играл на электрогитаре еще задолго до того, как «Битлз» подключили свои «струны» к электросети. Что же касается певиц, то я в прямом смысле слова боготворила Хелен О'Коннел и Китти Каллен, Мароу Тайлтон и Конни Хейниз, Бетти Гаттон и ее сестру Мэрион, сестер Эндрюс, систер Кинг, Дорис Дей, когда она еще выступала вместе с ансамблем «Ле-Браун». Я была влюблены в суинг. Я до сих пор люблю суинг.

Виктория Миллер стала звездой в 1965, когда суинг к тому времени уже «почил в бозе» и уже даже состоялось погребение всей Эпохи Биг-Бэндс. Она сделала себе имя на той музыке, что в последствии получила название «тяжелого рока» в противовес так называемому «легкому року», имеющему и другое название – «жвачка для ушей», или же в самом недавнем прошлом «панк року». За время своей непродолжительной карьеры Викторией Миллер было записано три альбома и несколько синглов-«сорокопяток». Альбомы разошлись миллионными тиражами, и наибольшую известность снискал самый первый из них – «Безумие». Тогда мисс Миллер пела под аккомпанимент группы «Уит», и стиль их игры, который в конце концов и стал причиной свалившейся на них славы, может быть лучше всего описан как заводной, буйный, яростный – по-настоящему «безумный». Но вчера

вечером во время своего премьерного выступления в прекрасном баре «Тропикана» ресторана «Зимний сад», Виктория Миллер решила исполнить многие из тех песен, что прославили Эпоху Биг-Бэндов. Результаты данного эксперимента оказались весьма плачевными.

Должна признаться, что было очень трудно удержаться от того, чтобы не сравнить трактовку песни «Я владею тобой», исполненную вчера мисс Миллер с тем, как эта же песня исполнялась Джо Стаффордом, ее версию «Почему ты не так поступаешь?» с тем, как это произведение звучало у Пегги Ли, ее собственную интерпретацию «Он мой мальчик» с оригинальной интерпретацией Хелен Форест. Но если подобные сравнения и оказываются слишком уж одиозными, то их, несомненно, следует избегать любой ценой; просто мисс Миллер не следовало строить весь репертуар своего выступления на тех песнях, что и так хорошо известны в своем первоначальном исполнении, потому что именно так они и запомнились и бережно хранятся в воспоминаниях очень многих жителей нашей Калусы. Произведенный мисс Миллер подбор песенного материала скорее вызывал недоумение, чем чувство сопереживания, причем даже в большей степени, чем попытка все той же мисс Миллер создать в зале атмосферу беззаботности, какая бывает в компании хороших и давних друзей. Более того, ее голос – возможно вполне подходивший для оглушительно ревуших усилителей, что и было ею выгодно использовано еще в 60-х – оказался слиш-

ком слабым и чересчур резким, когда она решила взяться за таких фаворитов 40-х как «Я буду рядом», «Сентиментальное путешествие» и «Голубая серенада». Несколько лучше, но опять же не намного, мисс Миллер удалось исполнить «Спасибо за прогулку в ритме бугги» (но кто же может забыть Аниту О'Дей в сопровождении оркестра Жина Крупа?) или «Тампико» (и опять же, разве найдется хоть кто-нибудь, кто не предпочел бы услышать то же самое, но уже в исполнении Джун Кристи/Стэна Кэнтон?), но все же по большому счету, в выступлении мисс Миллер очень не хватало того трепета, того непередаваемого очарования, которые были безусловно присущи появлению на эстраде звезд 40-х годов. Джон Рухиеро замечательно, просто превосходно аккомпанировал мисс Виктории Миллер на рояле. И честно говоря, мне показалось, что вчера вечером ему как никогда хотелось снова оказаться на сцене зала «Хелен Готлиб».

Я сложил газету.

Никогда в жизни мне еще не приходилось встречать более разгромной рецензии, вышедшей из-под пера Джин Ривертон – подобного я больше не встречал ни у кого. Я мог вполне понять, почему она была убеждена, что Викки не следовало бы вторгаться на эту стезю, и без того слишком почитаемую многими представителями поколения 50-х, но Боже Праведный, неужели ради этого все нужно было разносить в пух и прах? Я припомнил диалог, невольным свидетелем которого стала Мелани Симмс, и попытался по возможности

представить себе, а смогли бы вообще даже несколько рок-н-рольных номеров, будь они включены тогда в программу, укротить такое яростное негодование со стороны Джин Ривертон. Вряд ли. Но одно казалось мне очевидным: Джим Шерман был несказанно прав, протестуя против песен, выбранных Викки для концерта, и я был уверен, что наверняка он очень скоро объявил бы ей о том, что ресторан «Зимний сад» более в ее услугах не нуждается. И не это ли он имел в виду, когда говорил ей: «Тогда, леди, я просто убью вас»? Я никак не мог представить себе, что Джим Шерман мог каким-то образом оказаться причастным к какому-либо жестокому насилию, что и привело к ее смерти. Но с другой стороны, было хорошо известно, что негативная рецензия, вышедшая из-под пера Джин Ривертон, могла загубить в зародыше даже самые замечательные начинания. Я вспоминаю ту горстку зрителей, собравшихся в холле ресторана тем воскресным вечером, когда и сам я тоже был там. В этот ресторан его хозяева и так уже ввалили порядочную уйму средств, и если теперь все эти денежки вылетят в трубу и все это только из-за того, что выступление здесь Викки снискало этому дорогому заведению дешевую репутацию...

Все мне не хотелось думать об этом; это уже компетенция Блума.

Я снял трубку и занялся тем, что входило непосредственно в мой круг обязанностей.

Справочная служба Нового Орлеана выдала мне коорди-

наты Дэвида Хейторна на «Номер первый, Шелл-Сквер». Где-то около пяти часов я набрал номер телефона Хейторна. Женщине, снявшей трубку на том конце провода, я объяснил, что звоню я из другого города, и поэтому прошу срочно соединить меня с мистером Хейторном.

– Мистер Хейторн, – сказал я, – с вами говорит Мэттью Хоуп, адвокат из Калусы. Я хотел бы просить вас уделить мне несколько минут своего времени.

– Да? – вижимо, заинтересовавшись мой звонок, переспросил он.

– Я представляю интересы моего клиента по имени Энтони Кениг...

– О да, конечно, – перебил он меня.

– Сэр?

– Просто я вовремя не сориентировался. Двейн Миллер уже сообщил мне, что вы можете позвонить.

– Да, сэр, я совсем недавно виделся с ним.

– Он мне уже рассказал об этом.

– Так значит, вы уже знаете, о чем пойдет речь? – Ну, скажем, более или менее.

– Тогда мне не придется докучать вам изложением сути всего дела.

– Насколько я понимаю, речь идет о трастовом соглашении.

– Да, сэр.

– И это имеет отношение к вашему клиенту.

– Да, это так.

– Я уже сказал господину Миллеру, что скрывать ему здесь абсолютно нечего, и что я не возражаю против того, чтобы обсудить с вами условия, содержащиеся в том договоре. Мне показалось единственно возможным способом удовлетворить вашу любознательность, с тем, чтобы ваш клиент не заявлял бы о своих притязаниях ни на основной трастовый капитал, ни на аккумулированный доход по нему, теперь, когда мисс Миллер к сожалению больше уже нет в живых.

– Но сэръ, я еще даже и речи не веду ни о каких заявлениях.

– Знаете ли, из всего того, что мне довелось услышать, я сделал вывод, что вы уже начали потрясать пачками исковых заявлений перед моим клиентом и угрожать...

– Это только на тот случай, если мне не удастся иначе получить доступ к документу.

– Вы сможете ознакомиться с ним в любое удобное для вас время. Нам здесь нечего скрывать.

– Мистер Миллер говорил, что его дочь была назначена бенефициаром трастового вклада...

– Знаете ли, мистер Хоуп, мне не хотелось бы обсуждать это по телефону.

– Но ведь он уже сказал мне об этом, я же не пытаюсь...

– И все же мне не хотелось бы об этом говорить.

– Если предположить, что она действительно была бенефициаром...

– Мистер Хоуп, поверьте мне, это уже не телефонный разговор.

– Почему же?

– Видите ли, траст – это очень сложная штука, и я уверен, что вы понимаете...

– Конечно, мистер Хейторн. Я знаком с законодательством в области траста.

– Мне хотелось бы избежать недоразумений именно в связи с этим конкретным трастовым соглашением. Совершенно убийство, имел место факт киднэппинга, и я не хотел бы, чтобы у кого бы то ни было появилась возможность превратно интерпретировать данное соглашение как возможный... – он оборвал свою мысль на полуслове.

– Возможный что? – переспросил я.

– Я предпочел бы не распространяться по телефону на эту тему.

– Было бы лучше, сэр, если вы бы все же сочли это возможным.

– Нет, я не уверен, что подобное будет в интересах моего клиента.

– Но это избавило бы меня от необходимости предпринимать поездку в Новый Орлеан.

– Я уверен, что сюда летают рейсы из Калусы.

– Не уверен, что это происходит настолько часто.

– Очень сожалею, но ничего другого я предложить вам не могу.

– Иначе, чем мой приезд в Новый Орлеан, правильно я вас понимаю?

– Совершенно верно, мистер Хоуп.

– Вы, мистер Хейторн, почему-то пытаетесь все усложнить, и я никак не могу понять, почему.

– Как я уже сказал вам минутой раньше, нам нечего здесь скрывать. Но если вы хотите ознакомиться с оригиналом трастового соглашения, вам будет необходимо приехать сюда, ко мне в офис.

– Я буду у вас завтра же, – сказал я. – Тогда позвольте мне перезвонить вам еще несколько попозже, после того, как я узнаю расписание вылетов.

– Ну вот и хорошо, я буду ждать вашего звонка, – ответил он. – Я пробуду в офисе еще час или около того.

Повесив трубку, я тут же вспомнил, что завтра я еще буду должен встретить Джоанну из школы. Я задумался было о том, как она отнесется к тому, чтобы провести все выходные в Новом Орлеане, но прекрасно зная свою дочь, я решил, что она будет в восторге от подобной затеи. Я раскрыл свой ежедневник на странице завтрашнего дня. Завтра на десять часов утра у меня было запланировано одно мероприятие, затем деловая встреча за обедом в полдень. Джоанна освободится из школы не раньше, чем в три-пятнадцать, и это в лучшем случае, если завтра у нее не будет хора, футбола или еще чего-нибудь. Я позвонил Синтии в приемную и попросил ее узнать расписание авиарейсов на Новый Орлеан,

напомнив ей также о необходимости принять в расчет все мои запланированные на завтра встречи, и через десять минут она перезвонила мне, сообщив, что скорее всего мне подойдет рейс 127 Национальной авиакомпании, вылет из Калусы в 3:10, пересадка на рейс 25 Национальной авиакомпании в Майами, прибытие в Новый Орлеан в 6:08. Я попросил ее заказать мне на него два билета, и после чего я позвонил в школу Святого Марка и попросил пригласить к телефону классного руководителя Джоанны. Ее звали Изабель Рид. Голос ее звучал довольно устало, и видимо она была несколько раздосадована тем, что я задерживаю ее у телефона, в то время, как ей уже давно пора выходить, чтобы вовремя успеть на сегодняшнее открытие выставки в галерее. Я объяснил мисс Рид, что завтра я вместе со своей дочерью отправляюсь в Новый Орлеан на уикэнд, но для того, чтобы успеть на рейс, вылетающий из Калусы в три-десять, мне придется забрать Джоанну из школы хотя бы за час до вылета, так чтобы было можно...

– А почему бы вам не вылететь более поздним рейсом? – спросила мисс Рид.

– Это невозможно, потому что в Новом Орлеане у меня уже назначена встреча, – сказал я. Я еще не договорился о встрече с Дэвидом Хейторном, и вообще, я еще не был уверен, согласится ли он меня принять в такое довольно позднее время, но это уже были детали.

– А почему бы вам не вылететь более поздним рейсом, –

снова сказала мисс Рид, – и не перенести бы вашу встречу на следующий день?

– Это невозможно, потому что это деловая встреча, а следующий день – суббота, – ответил я.

– О, – сказала она.

– Мне бы хотелось забрать Джоанну в два часа, – продолжал я, – и даже немного пораньше, если это возможно.

– В два часа у нее будет урок английского языка, – проговорила мисс Рид.

– Я уверен, что моя дочь восполнит этот урок, – сказал я.

– Английский – ее самое слабое место, – напомнила мне мисс Рид.

– Очень сожалею, – сказал я, – но дело не терпит отлагательств.

– Ну хорошо, – согласилась наконец мисс Рид.

– Благодарю вас, – сказал я.

Затем я опять позвонил Хейторну и сообщил ему, что в Новый Орлеан я прилечу завтра вечером в начале седьмого, и что я был бы ему весьма признателен, если бы он изыскал бы возможность принять меня в своем офисе в столь позднее время. К моему большому удивлению, Хейторн оказался вполне сговорчив и согласился встретиться со мной вечером того же дня. Он пояснил, что, будучи приглашенным на ужин, ему уже так и так придется провести вечер в городе, а поэтому было бы просто замечательно, если бы мне удалось приехать к нему в офис сразу же из аэропорта. Я сказал, что

остановлюсь в отеле «Сен-Луи» – конечно же зарезервировать в нем номера я еще не удосужился – и что в случае чего, если вдруг возникнут какие-то проблемы, он сможет найти меня там. Хейторн выразил уверенность в том, что ничего не случится.

Когда я затем позвонил Сьюзен, то она, видимо, решила лишний раз доказать мне, что по натуре она самая настоящая сука. Она объявила мне, что в данный момент она просто-таки сверхзанята укладкой вещей и тому подобными приготовлениями для грандиозного уикэнда, который ей предстояло провести на Багамах в обществе Джорджи Пула, а Джоанна еще не вернулась из школы, потому что сегодня у них там занятия киноклуба, в связи с чем не могу ли я быть предельно краток. Я сказал ей, что завтра я беру Джоанну с собой в Новый Орлеан, и поэтому пусть она, Сьюзен, передаст ей, чтобы она собрала свою сумку для уикэнда уже сегодня вечером, и завтра утром захватила бы ее с собой в школу, потому что мы отправимся в аэропорт сразу же из Св. Марка.

– Да, конечно, – сказала Сьюзен, – это все?

– Пожалуйста, напомни ей, чтобы платье тоже было бы уложено, так как нам придется обедать в ресторане, и я хочу, чтобы она...

– Я скажу ей, чтобы она взяла платье.

– И плащ. В Новом Орлеане может...

– И плащ, да, Мэттью, если ты не возражаешь, я...

– И еще скажи ей, что я заеду за ней в два часа, мисс Рид

разрешила мне забрать ее с урока английского.

– Английский – это ее самое слабое место, – сказала Сьюзен.

– Это я уже слышал. В два часа, скажешь, ладно?

– Поразительная безответственность, – выпалила Сьюзен и бросила трубку.

Стоило мне только положить трубку на аппарат, как Синтия позвонила из приемной.

– Адвокат О'Брайен на третьей, – доложила она.

Я сразу же нажал на загоревшуюся кнопку на корпусе телефонного аппарата.

– Здравствуй, Дейл, – сказал я.

– Привет, – ответила она. – Я хочу пригласить тебя завтра вечером в ресторан на ужин. Ты свободен завтра?

Я, будучи в возрасте тридцати семи лет, наверное все же уже слишком стар для того, чтобы перестать поражаться поступками современных, лишенных любого рода предрассудков, женщин. Во всяком случае до этого момента на ужин в ресторан меня еще ни одна женщина не приглашала. Меня, случалось, приглашали на ужин в гости, где обычно подавался бифштекс-бургиньон, а под него красное вино, и все это происходило при свете свечей в каком-нибудь укромном уголке весьма удаленном от полулюбительской кухни... Но вот в ресторан на ужин меня еще не приглашали. Никогда.

– Мэттью? – окликнула меня Дейл. – Ты где?

– Да, я... здесь. Здесь я, – ответил я.

– Ну так как, просто скажи, да или нет.

– Завтра я вылетаю в Новый Орлеан, – выдавил из себя я.

– Как здорово! – воскликнула Дейл. – А почему бы и мне

в таком случае не составить тебе компанию?

Мое молчание теперь стало уже просто-таки осязаемым.

– Мэттью? – снова позвала она.

– Да-да, я здесь.

– Ну так как же?

– Дело в том... ну... буду вместе с дочерью, – промямлил

я.

– А она что, будет возражать?

– Нет, не думаю, но...

– А где вы там остановились?

– В «Сен-Луи».

– Замечательно, я забронирую там номер. Каким рейсом мы вылетаем?

– Ты это серьезно?

– Ну разумеется, серьезно. Я, знаешь ли, уже давно подыскивала подходящую возможность, чтобы хоть на какое-то время вырваться из этого города. Так каким же рейсом мы вылетаем?

– Я попрошу своего секретаря заказать тебе билет на тот же рейс. И комнату тоже, если ты в самом деле...

– Я на самом деле, – сказала она.

– Тогда замечательно. Ведь это же замечательно, – сказал я, улыбаясь...

– Да уж, неплохо, – ответила она.

Глава 7

Дорога от международного аэропорта Нового Орлеана до Французского квартала по сути не должна была занять более двадцати минут, но все дело в том, что движение на 61-м шоссе было чрезвычайно интенсивным, и к тому же водителю такси пришлось притормозить у отеля «Сен-Луи» на Бьенвилле, чтобы оставить там Джоанну, Дейл и весь наш багаж. Офисы юридической фирмы «Фозелгер, Хейторн, Пелесьер и Кортин» находились всего лишь в полудюжине кварталов оттуда, но тут оказалось, что отдельную трудность могут являть собой улицы с односторонним движением на подъездах к самому кварталу, в связи с чем до дома номер один на Шелл-Сквер мне удалось добраться не раньше, чем почти в семь часов вечера в пятницу.

Здание это представляло из себя огромный монстр-монолит, занимавший целый квартал от Каронделе до Святого Чарльза и от Пердидо до Пойдрас. Вход был расположен со стороны Каронделе, где такси и оставило меня. Но для того, чтобы добраться до него, мне сперва пришлось подняться вверх на несколько ступенек и оказаться на площадке футов в тридцать шириной, с внешней стороны которой был установлен оправленный в бронзу указатель «ШЕЛЛ-СКВЕР № 1», и затем я преодолел еще где-то ступенек десять, оказавшись уже на второй площадке, и потом еще де-

сять ступенек к третьей площадке, по всей ширине которой располагались внушительных размеров двери из затемненного, не дающего бликов стекла. У меня было такое ощущение, как будто только что мне довелось совершить восхождение на одну из древних пирамид в долине реки Нил. В холле за стойкой полукруглой формы, изготовленной из того же камня, что и само здание – нечто среднее между мрамором и гранитом – сидел охранник. Он спросил у меня, являюсь ли я сотрудником «Шелл», и когда я ответил ему, что нет, не являюсь, убрал назад объемистый гроссбух, который он уже было собрался придвинуть ко мне. Вместо этого мне было предложено записать свое имя в другом журнале. Мне было также напомнено о необходимости при выходе из здания сделать там же отметку, после чего он по собственной инициативе показал мне жестом, в какой стороне находятся лифты. Сначала я остановился перед вывешенным на стене указателем, нашел в нем номер помещения, занимаемого фирмой «Фоэлгер, Хейторн, Пелесьер и Кортин», а затем поднялся на лифте на седьмой этаж.

За столом секретаря в ультрасовременной приемной никого не было. Пол здесь был сплошь застелен темно-синим ковром, на котором стоял стол белого огнеупорного пластика, на стене как раз напротив входной двери был повешен эстамп Мондриана, и по всей приемной были расставлены мягкие диваны и мягкие кресла эргономического дизайна. Но тем не менее я услышал, что откуда-то из дальнего кон-

ца холла раздавался стук пишущей машинки, где я впоследствии и обнаружил усталую секретаршу, и мне показалось, что она была даже рада тому, что благодаря мне, ей удалось получить хоть короткую передышку от вконец надоевшей машинки и от всех этих разбросанных по столу бесконечных страниц. Она самолично препроводила меня к закрытой двери орехового дерева, и затем поинтересовалась, не принесли ли мне кофе. Я поблагодарил и отказался. Постучав в дверь, я услышал, как голос из-за нее ответил:

– Да, входите, пожалуйста.

Дэвиду Хейторну было наверное лет семьдесят, это был довольно хрупкий человечек с поразительно густой шевелюрой иссиня-черных волос и колючим взглядом карих глаз, а лицо его очень напоминало своим видом давно выцветший и попорченный погодой пергамент. Кабинет его, как и приемная, а также те несколько комнат, в которые мне довелось заглянуть по пути, были обставлены все в том же радикально современном стиле, что делало его похожим на какую-нибудь заблудшую душу, перенесшуюся из времен «Больших надежд» прямиком в эпоху «Звездных войн». Я представился, мы обменялись рукопожатиями, и он предложил мне кресло у стола.

– Итак, – заговорил Хейторн, – вы приехали сюда, чтобы увидеть оригинал трастового соглашения.

– Да, сэр, это так.

– Хотите кофе?

– Нет, сэр, благодарю вас.

– Вы наверное недоумеваете, почему я настоял на том, чтобы вы приехали сюда для этого.

– Я считаю, что я вполне мог вручить мистеру Миллеру запрос на предоставление...

– Да, но это в том случае, если бы вами был предъявлен иск. Но ведь вы, мистер Хоуп, не были тогда еще готовы к этому, не так ли? Не вполне, разве я не прав? Вам, возможно, и удалось напугать Двейна, но ведь мы-то с вами оба адвокаты, так что со мной вы можете быть предельно откровенны. Нам нечего от вас скрывать.

Когда кто-либо начинает без усталости говорить о подобных вещах – а Дэвид Хейторн произнес эту фразу уже раза три по телефону и четвертый раз только что – то мне почему-то хочется тут же и понадежнее припрятать вилки и ножи из серебра. Я улыбнулся ему. Он тоже улыбнулся мне в ответ.

– Вы слышали анекдот о корабле, тонущем в Тихом океане? – спросил Хейторн.

– Нет, сэр, не припоминаю.

– Ну вот, значит, после кораблекрушения плывут по океану врач, министр и юрист, а вокруг них много-много акул. И вот эти акулы очень быстро разделались с врачом и министром, но вот юриста не тронули. И вы знаете, почему?

– Почему же?

– Профессиональная обходительность, – сказал Хейторн и разразился смехом. Его смех, для такого на вид щуплого

человека, был на удивление звучным, он казался неким отголоском молодости, точно так же как и его прекрасно сохранившаяся юношеская шевелюра. Перестав наконец смеяться и посерьезнев, Хейторн сказал. – Поводом к тому, что мне хотелось, чтобы вы посмотрели документы непременно здесь, у меня в офисе, явилось то...

– Да, сэр?

– Явилось то, что мне очень не хотелось, чтобы вы его поняли превратно. Я подумал, что мы бы могли весьма тихо и спокойно обсудить его здесь, и что именно таким образом мне удастся удерживать вас от того, чтобы вы не пришли к тому заключению, которое, и я почти уверен в этом, скорее всего первым придет вам на ум.

– И какие же это, по-вашему, выводы, сэр?

– А такой вывод, что Двейн Миллер сам убил свою собственную дочь.

Я пристально глядел на Хейторна.

– Вот, – сказал он.

– Понятно.

– Конечно же, это нонсенс. И все же трастовый документ возможно способствовал бы выдвижению подобных предположений. Особенно если взять в расчет тот факт, что еще никто не получил никаких известий от похитителя девочки.

– И что же по-вашему, мистер Хейторн, это может означать?

– А то, что может быть ее тоже уже нет в живых.

– Я надеюсь, что это далеко не так.

– Ну, разумеется, конечно, но тем не менее подобная возможность, согласитесь, существует. А в случае смерти основного бенефициара по трастовому соглашению – в данной случае, им была покойная мисс Миллер, а также если смерть альтернативного бенефициара наступит до истечения срока заключенного договора, да-да, я думаю, теперь вы понимаете, почему кого-нибудь вполне может осенить предположение о том, что тут ведется грязная игра.

– Но почему же, мистер Хейторн, почему?

– Потому что в этом случае весь аккумулированный доход, равно как и основной капитал должны будут возвратиться к учредителю. А учредителем-то, как вам уже известно, и является Двейн Миллер.

– Ясно.

– Вот.

– Да уж... – Вот так.

– А теперь я могу взглянуть на сам документ?

– Конечно. Я просто хотел предостеречь вас от каких бы то ни было поспешных выводов.

Трастовое соглашение занимало двадцать восемь страниц, и примерно час ушел у меня на то, чтобы внимательно его прочитать, делая по ходу чтения заметки. За все это время Хейторн даже ни разу не взглянул на часы, хотя еще раньше при нашем с ним телефонном разговоре он говорил, что сегодня вечером его пригласили где-то здесь в городе

на ужин. Когда я наконец перевернул последнюю страницу, Хейторн посмотрел на меня через стол и спросил:

– Ну? Что вы на это скажете?

– На первый взгляд все кажется достаточно просто.

– О, да, разумеется, это обычное типовое соглашение, если можно так сказать. Конечно, за исключением реинвестированного дохода, но эта идея принадлежала Двейну. Я тогда старался переубедить его, предупреждал, что в смысле налогообложения это вовсе не выгодно, но он ответил, что ему, видите ли, хочется, чтобы доход все время накапливался, а не разбазаривался бы через некоторые промежутки времени. Миллер всегда считал, что его дочь совсем ничего не смыслит в финансовых вопросах, и он настаивал на том, чтобы ни гроша, ни цента из этого траста не попало бы к ней до того момента, пока Викки не исполнится тридцать пять лет, то есть когда она предположительно, по его мнению, сможет разумно распорядиться этими деньгами.

– И когда же это должно было произойти?

– Вот, а это как раз еще один факт, который легко может подвести к ложному умозаключению.

– Почему?

– А потому, мистер Хоуп, что мисс Виктории Миллер должно было исполниться тридцать пять лет двадцать четвертого января – это вторник следующей недели.

– Вы хотите сказать, что срок пот растовому соглашению должен истечь всего через девять дней после убийства?

– Да сэр, но только, прошу вас, не надо торопиться и приходить к очевидным на первый взгляд решениям.

– Мистер Хейторн, а кто выступает здесь доверителем?

– «Кахун-Нэшнл».

– Это здесь, в Новом Орлеане?

– Да, сэр.

– А им известна стоимость траста на сегодняшний день?

– Я уверен, что да, но сейчас я уже располагаю самыми последними сведениями и сам могу сказать вам, что в настоящее время он оценивается в двенадцать миллионов долларов.

– Двенадцать...

– Да, сэр.

– Которые Виктория Миллер получила бы на свой день рождения на следующей неделе.

– Точно так. И которые, в соответствии с условиями соглашения, ее дочь – являющаяся альтернативным бенефициаром – все же получит на следующей неделе.

– Если только, как вы предположили...

– Да, если только она доживет до того времени.

– А если нет – все это снова вернется к Двейну Миллеру.

– Боюсь, что так и будет.

Хейторн взглянул мне в лицо.

– А-а... – проговорил он. – Я точно знаю, о чем вы подумали.

– Мистер Хейторн, – проговорил я, – не смею вас более задерживать, я знаю, что у вас сегодня за ужином назначена

встреча. Спасибо, что вы изыскали возможность и уделите мне свое время, – тут я немного смутился. – Но может быть вы сочли бы возможным снять копию с этого документа и послать его мне? Или это будет для вас слишком обременительно?

– Теперь, когда мы с вами уже переговорили, я не возражаю, – затем Хейторн усмехнулся и добавил, – в конце концов, если бы я не согласился, вы бы наверняка вручили бы мне официальный запрос на предоставление документа.

– Благодарю вас, – сказал я.

Мы пожали друг другу руки. Я зашагал по длинному коридору, двери из которого вели в сверхсовременные офисы, прошел мимо той комнаты, где секретарша все еще стоически сражалась с огромным ворохом юридических документов, ее пишущая машинка клацала, словно танцор-чечеточник с Бурбон-Стрит, и я снова подумал об этом трастовом соглашении, написанном в далеком 1965 и о завещании, составленном всего пару недель назад, и я думал о маленькой Элисон Кениг, о том, что она еще даже не может представить себе того, что судьба двенадцати миллионов долларов теперь целиком зависит только от ее жизни.

В тот вечер за ужином я был явно не в ударе. Мы выбрали ресторан «У Жака» на Рью-Дофин, который был нам очень настойчиво рекомендован, но в то же время оказался чрезмерно дорогим. Для начала я заказал креветки в соусе, затем черепаховый суп, и после две порции мяса-Chateaubriand

(нам с Джоанной – одну на двоих). Для меня разговор Джоанны и Дейл отступил на второй план; на первом же плане моего сознания снова и снова звучало безжалостное: «Если Элисон умрет...»

– Джоанна, ну и как тебе мясо?

– Классно!

– Вот, а ты попробуй еще цуккини.

Если Элисон умрет, думал я, состояние в двенадцать миллионов долларов неожиданно-негаданно достанется либо Кеннигу, либо Миллеру...

– Если хочешь, потом мы сможем пойти слушать джаз.

– Конечно, хочу! Мне так нравится этот город!

– Ты здесь впервые?

– Ага, но вот папа уже как-то бывал здесь.

Если Элисон умрет доследующего вторника, когда должен будет истечь срок соглашения, тогда все снова будет возвращено ее деду, Двейну Миллеру...

– Ну раз так, то для начала мне самой придется поводить вас по городу. Сегодня вечером мы идем слушать джаз в «Презентейшн-Холл» или в «Мо'Джаз», а потом может быть и сами что-нибудь споем в заведении у О'Брайена.

– Вот здорово!

– А завтра утром позавтракаем в ресторане у Бреннана, и сразу же после него пойдём на Французский рынок. А после обеда, если хочешь, мы можем взять напрокат машину и поедем все вместе куда-нибудь на старые плантации, что

вдоль...

Если Элисон удастся все-таки дожить до следующего вторника, тогда все те деньги станут официально принадлежать ей, и тогда если с ней что-нибудь случится, все это состояние, разумеется, достанется ее отцу – Энтони Кенигу...

В соответствии с Разделом 732.103 законодательства штата Флорида, имущество лица, умершего и не оставившего после своей смерти завещания (шестилетние дети не могут составлять завещания, так как не являются дееспособными гражданами) подлежит передаче в первую очередь здравствующему супругу (или супруге) умершего (Элисон, разумеется, не была замужем), и затем потомку по прямой линии (у Элисон детей не было), или же, в случае отсутствия потомков по прямой линии, то все отходит к отцу и матери данного лица – или кому-нибудь одному из них, в случае если он пережил другого. Энтони Кениг пережил Викторию Миллер. Теперь же, если его дочь умрет по прошествии следующего вторника, то он сам унаследует от нее все двенадцать миллионов.

Каждый из них, рассуждал я, мог иметь чертовски заманчивую перспективу, связанную с кровавым преступлением. В зависимости от времени, каждый из них имел шанс с легкостью завладеть всеми двенадцатью миллионами долларов – в случае, если Элисон умрет.

От десерта я отказался. Счет за нас троих составил сто пятьдесят пять долларов плюс чаевые. Я не позволил Дейл

оплатить его, хотя она и настаивала на этом, повторяя, что именно сегодня вечером она собиралась пригласить меня в ресторан. Но я сказал, что она сможет угостить нас завтра утром у Бреннана, после чего мы поблагодарили метрдотеля за прекрасный ужин и покинули ресторан.

Пришло время объяснить кое-что. Во-первых, это отношение моей дочери Джоанны к тем женщинам, с которыми я знакомился и общался с тех пор, как мы с женой развелись. Все они Джоанне не нравятся. Сказать точнее, она люто ненавидит их. Она уже давно оставила надежды на то, что ее мать и я когда-нибудь снова поженимся; она даже не надеется на то, что хоть когда-либо в будущем мы с моей бывшей женой станем несколько более любезны в отношениях друг с другом – но это вовсе не означает, что Джоанна считает необходимым для себя непременно благожелательно относиться ко всевозможным претенденткам на руку и сердце ее отца, или хотя бы по крайней мере вести себя с ними более или менее любезно. Один раз Джоанна угрюмо промолчала целых три дня во время морской прогулки в обществе довольно милой (и совершенно смущенной, а в конце концов потерпевшей окончательное поражение) молоденькой разведенной женщиной из Тампы, художницей по роду занятий, с которой я познакомился на ее персональной выставке в Калусе. Со времени своего развода я знакомился с очень многими женщинами на открытии выставок в картинной галерее; все-таки творческое окружение очень способствует та-

ким как будто случайным встречаю. Но Джоанне все эти дамы были крайне неприятны, и она не скрывала своего неудовольствия. Ее реакция всегда оставалась неизменной. Джоанна презирает их всех, и с самого начала дает недвусмысленно понять, что трофеем, из-за которого идет весь этот спор является никто иной, как сам Мэттью Хоуп, ее папочка, и что у этого сокровища уже есть хозяин, и он же заботливый его хранитель – любящая дочка. Так что, отвали, подруга.

И теперь я хочу объяснить, что на самом деле представляет из себя город Новый Орлеан.

Если человек живет на Восточном побережье, или, скажем, где-нибудь к югу от города Мемфис, штат Теннесси, то в этом случае он наверняка ездит за покупками в Атланту, а для того, чтобы выпить и развлечься – в Новый Орлеан. Если же проехать еще подальше на север, в штаты Северная Каролина и Южная Каролина, Кентукки, то в девяти случаях из десяти среди туристов из южных штатов, томимых жгучим желанием хотя бы на выходные вырваться из благочинного занудства, Ричмонд, штат Вирджиния, по праву считается самым наиболее посещаемым местом. А если отправиться еще дальше на север, а затем повернуть к западу, в штаты Огайо, Индиана, Миссури, Айова и Висконсин, то безусловно, своего рода Меккой этих мест можно по праву назвать Чикаго – это мой город, мой родной город, и пускай мой компаньон Фрэнк неустанно твердит, что Чикаго был и всегда останется лишь вторым городов Штатов. Ес-

ли послушать Фрэнка, то получается, что Нью-Йорк это сам город городов, и не имеет абсолютно никакого значения, где вы живете, какой у вас цвет кожи, какую религию вы исповедываете, равно как и ваши политические убеждения тоже не берутся в расчет. Фрэнк твердо убежден в том, что и вообще Соединенные Штаты Америки заканчиваются аккуратно на западном берегу реки Гудзон. Но тем не менее, факт остается фактом: многие жители южных штатов успели уже раз по сто побывать в Новом Орлеане, но очень многие из них так ни разу за всю свою жизнь так и не ступили на остров Манхэттэн.

Новый Орлеан – это просто замечательно.

Сам Фрэнк никогда здесь не бывал, потому что, по его словам, если, усевшись в самолет, он даже меньше чем через три часа может оказаться в Нью-Йорке, то зачем же тратить целых два с половиной часа – да еще с пересадкой в Тампе – чтобы добраться до городишки, находящегося лишь на двенадцатом месте среди наиболее благополучных городов Америки? (Он никогда не распространялся на тот счет, какие же еще города внесены в этот список между двенадцатым и первым местом; но зато всем нам, каждому сотруднику юридической фирмы «Саммервиль и Хоуп» (еще бы!) было по крайней мере уже известно, какой город является номером первым). Ну как можно объяснить, что такое Новый Орлеан подобному фанатичному нью-йоркцу типа нашего Фрэнка? Каким образом его можно заставить поверить в то, что

этот город является средоточием всех самых лучших черт, какие только могут быть присущи в том числе и тому городу, который он сам так боготворит, да еще в сочетании с тем самым-самым лучшим, что может быть в Сан-Франциско и – о да! – даже в Чикаго, этого прекрасного во всех отношениях города? Как? С чего здесь начинать?

Какое определение можно дать городу, в котором французские названия улиц произносятся на характерный южный манер, из-за чего «Шартэ» превращается в «Чартерс» и словно в силу некой метаморфозы «Бьенвиль» вдруг неожиданно превращается в «Би-ЭН-виль». Разве можно как-то объяснить, что Французский квартал состоит всего-навсего из нескольких рядов строений: шесть в ширину и четырнадцать в длину, не считая нескольких улочек на берегу Миссисиппи, но как раз на этом маленьком «пяточке» в центре города умещается больше музыки, больше неприкрытого секса, больше лавок, торгующих разного рода сувенирами, больше шикарных ресторанов, больше отелей, больше цветочниц с их тележками, больше неоновых огней, больше китайских ресторанчиков, больше мальчишек-чистильщиков ботинок и уличных артистов, и хорошеньких женщин, чем в любом взятом для сравнения и равноценном по площади уголке Соединенных Штатов?

Музыка выплескивается прямо на Бурбон-Стрит из открытых дверей боров и клубов. Это место закрыто для въезда любого транспорта, и просто создано для прогулок, джаза,

диксилендов и кантри. На бордюре сидят чернокожие подростки, они торопливо шнуруют туфли для степа, а затем поднимаются с земли, чтобы броситься в водоворот музыки, они танцуют, они парят, и подковки их ботинок звонко цокают об асфальт. Танцоры лукаво усмеваются, поглядывая на перевернутую шляпу, лежащую посреди улицы, а иногда могут и настойчиво кивнуть в ее сторону, если сочтут, что двадцатипятицентовики и долларовые бумажки слишком редко ложатся на ее дно. Многочисленные стриптиз-шоу зазывают взглянуть на девиц разной степени обнаженности, на лениво играющих мышцами молодых людей, а также на девиц вместе с молодыми людьми, чтобы увидеть в их исполнении извечный, неподвластный времени номер, обозначенный в афишах как «настоящее» секс-шоу. Уличные зазывалы изредка приоткрывают двери, и на какую-то секунду в образовавшемся проеме мелькает обнаженная плоть, извивающаяся на расположенной внутри заведения сцене или за стойкой бара – «Да вызовите же полицию, – что есть мочи орут зазывалу, – там внутри совершенно голая женщина!»

Магазинчики сувениров на Бурбон-Стрит – это огромный базар, на котором можно купить что угодно: футболку с рисунком, который может быть нанесен на нее непосредственно в вашем присутствии, широко распространенные особого вида наклейки для автомобилей, а также вибраторы всех цветов и размеров («Ух ты! – воскликнула Джоанна, узрев один из них в витрине магазина. – А это для

чего?»), электрические шарики любви, надувные резиновые куклы в натуральную величину, разные снадобья для усиления потенции и влечения, пивные кружки в форме женской груди, с ручкой и огромным соском. Есть также магазины, торгующие всевозможными штучками, начиная от открытых женских трусиков, до таки, которые просто напросто можно съесть, если в пылу сладострастия вас вдруг одолеет голод, а рядом с ними проклепанные кожаные ошейники и такие же широкие браслеты, а также устройство под название «Со-кулятор», которое, будучи включенным в автомобильную розетку для зажигалки, сделает путешествие обратное более приятным и разнообразным. Магазины на Роял-Стрит продают шоколад и конфеты, таблички с названиями судов и оловянных солдатиков, книги в кожаных переплетах и индонезийских кукол, разные антикварные вещи времен испанского и французского колониальных периодов, элегантные чемоданы и дамское белье, столовое серебро и часы.

Есть здесь и галереи, выставляющие образцы современного абстракционизма, есть и дешевые копии, и замечательные эстампы, и картины местных художников, облюбовавших для своих творений чугунные балконы, тележки цветочниц и джазовых музыкантов. На территории, прилегающей к Парку Джексона, на самом берегу несущей свои мутные воды Миссисиппи, сидит намного больше художников-портретистов, чем их ежегодно выпускается Институтом изящ-

ных искусств в Чикаго. Все они сидят за складными мольбертами, чиркая по бумаге пастелью или углем, в то время, как объекты их творчества сидят напротив них, затаив дыхание, не мигая (и с довольно глупым видом), стараясь не обращать внимания на слоняющихся вокруг зевак. На Французский рынок свозятся свежие овощи и фрукты из близлежащих хозяйств: апельсины, яблоки, бананы, морковь, белый и красный картофель, лук, бобы зеленые и желтые, – а уж буйство красок здесь может посоперничать с палитрами художников в парке.

И музыка, везде музыка. Повсюду в городе. Завернешь за угол, а там всюду трудится ансамбль из пяти музыкантов – труба и тенор-саксофон, пианино, ударные и бас. Сойдешь с тротуара – а там трое ребят поют мелодию собственного сочинения, сопровождая себя на гитаре, банджо и стиральной доске, открытый футляр от гитары стоит тут же на земле, в ожидании добровольных взносов. Здесь есть замечательные музыканты и не очень, но вы можете видеть их везде: например, на островке безопасности посередине центральной улицы одного из прибрежных районов. Потоки машин обтекают их с двух сторон, в то время, как они играют свой «Бэзин Стрит Блюз». Или же кто-нибудь играет на флейте у дверей магазина на Кенэл-Стрит, или же еще один музыкант бренчит на укулеле у магазина, где занимаются тем, что набивают на майки фальшивые газетные заголовки; мелодии накладываются друг на друга и переплетаются, музыка не замолкает

ни на минуту и подстерегает на каждом шагу. Во всем мире нет второго такого места, как Новый Орлеан, и мой компаньон Фрэнк даже не может себе представить, как же чертовски много в этой жизни он теряет.

Вечером той же пятницы магия города вкупе с очарованием и шармом Дейл О'Брайен привели мою бедную дочку Джоанну в трепетный и иступленный восторг. Поначалу, когда я представил ее Дейл в аэропорту Калусы («Ага, привет»), Джоанна по своей восхитительной привычке замолчала, и так продолжалось всю дорогу до самой Тампы, а после пересадки там, до самого Нового Орлеана. Когда я высадил их обеих у отеля, Джоанна метнула в мою сторону испуганный взгляд – я что, и вправду решил оставить ее наедине с этой женщиной, с этой еще одной, этой угрозой ее прежним правам? В ресторане «У Жака» в то время, как наше проголодавшееся трио поглощало закуски в ожидании заветных девяти часов, когда должны были принести ужин, Джоанна стала несколько дружелюбней, но я подозревал, что это только из-за того, что я сам единолично узурпировал ее привилегию на роль глухонемой.

Но потом, между рыбой и жарким Джоанна и Дейл были уже увлечены оживленным обсуждением просчетов и недостатков в системе школьного образования Калусы, и Джоанна принялась рассказывать Дейл о том, как она рада, что ей довелось учиться в школе Св. Марка. Я был чрезвычайно изумлен, когда услышал, как моя Джоанна рассказывает

ей все об Эде, инструкторе по физкультуре из Бедлоу, известному тем, что зачеты учащимся женского пола он ставил только в том случае, если только те посещали его дополнительные внеклассные занятия, не предусмотренные никакими программами, и проводимые им в кладовке, где хранились всякие там баскетбольные мячи, и где как раз во время этих занятий находился и спортивный снаряд иного рода. Своевременное прибытие Chateaubriand избавило меня от дальнейшей необходимости вникать в самые разнообразные познания моей умудренной жизнью тринадцатилетней доченьки. Дейл перевела разговор на то, какой маршрут и порядок осмотра города нам, по ее мнению, следует избрать, и моя Джоанна слушала ее, затаив дыхание и широко распахнув глаза. И еще до того, как мы покинули ресторан, я был уверен, что она уже была влюблена в Дейл.

По Бурбон-Стрит я шел между ними, обе они были так милы, что ни один мужчина в мире не мог бы никогда в жизни рассчитывать на то, чтобы вот так идти по улице при подобном сопровождении. Моя дочь – высокая шикарная блондинка с карими глазами; Дейл – повыше ростом, зеленоглазая девушка с волосами цвета опавшей листвы. Но ощущал я себя так, словно я и есть тот самый человек, который играет решающую роль в широко известной поговорке «Двое – еще компания; трое – уже толпа». Захваченный царившими вокруг запахами и звуками, доносившейся из-за приоткрытых дверей, изредка открывающейся взору на-

готовой, видом повсеместно готовящихся хот-догов, гамбургеров и яичных рулетов, мерцанием неоновых огней, разноголосым весельем и доносившимися песнями, я шел между Дейл и Джоанной, держась с ними под руки, и при этом меня не покидало странное чувство одиночества. Все это время Джоанна трещала, как сорока, обращая внимание Дейл (а не мое) буквально на все, что ей только попадалось на глаза, и реакция Дейл на это была такой, словно она тоже видела все это лишь впервые, так что обе они очень увлеченно пытались узнать друг друга как можно лучше, а я в этот план совсем не вписывался. Например, увидев в витрине секс-шопа искусственный член телесного цвета длиной почти в фут, Джоанна тут же указала на него Дейл, а не мне. Точно так же как Дейл (а не мне) была адресована история (немного раньше Джоанна сама прочитала ее на салфетке в «Мо'Джаз») об изобретении коктейля, о том, что произошло это как раз здесь, в Новом Орлеане, сто шестьдесят пять лет назад, и что изобретение это принадлежало местному аптекарю по имени Антуан А. Пешо, и что он называл это *coquetier*, но с тех пор название это переродилось в то слово, которое мы употребляем и по сей день. И именно с Дейл Джоанна присоединилась к общему нестройному хору, распеваящему «У О'Брайена», в то время как я молча сидел, потягивая коньяк, потому что я никогда, ну никогда, не являлся сторонником коллективно-хорового пения, даже если все это и происходило под аккомпанемент пианиста, чье отражение в зеркале,

висящем под некоторым углом к стене, было видно всем из присутствовавших в этом забитом до отказа людьми помещении. А по дороге обратно в отель в три часа ночи, а точнее, уже утра следующего дня, субботы, когда все мы устали, а веки у Джоанны уже стали сами собой закрываться, то она склонила голову на плечо к Дейл, а та обняла ее за талию. С одной стороны, я был рад установлению подобных взаимоотношений, но в то же время я ощущал себя всеми и навсегда покинутым.

В холле я взял со стойки утренний номер «Таймс-Пикаю», и по пути к лифту, следуя за Джоанной и Дейл, увидел, что вся первая полоса выпуска посвящена Элисон Кениг. Там рассказывалось о том, что вечером 18 января, в пятницу, в 8:30 вечера она была найдена мертвой в сточной канаве на Белфаст Авеню и Эспин Роуд в городе Калуса, штат Флорида. Горло у девочки было перерезано.

В восемь часов утра я попробовал дозвониться Блуму в его офис, так как мне казалось – особенно теперь, после смерти Элисон – что в данный момент я располагаю жизненно важной для следствия информацией. Дежурный полицейский, снявший трубку на том конце провода, сообщил мне, что детектив Блум еще не появлялся сегодня на работе, и в свою очередь поинтересовался у меня, не желаю ли я оставить ему записку. Я ответил, что это чрезвычайно срочное дело, и поэтому не мог ли он любезно позвонить Блуму домой, чтобы тот сейчас же перезвонил мне сюда, в Новый

Орлеан. Я оставил для связи свой номер телефона в «Сен-Луи», но тут же сильно усомнился, что Блум когда-либо получит эту записку. Человек на том конце провода обладал голосом одного из тех назойливых и сволочных по характеру личностей, имеющих склонность самолично принимать за всех решения, основанные на их собственной концепции относительного того, как, по их мнению, должна функционировать та или иная организация или фирма; и очевидно, междугородние телефонные звонки как раз претили принципам этого сторожа, беззаветно выполняющего свои функции по охране содержимого карманов и кошельков граждан города Калусы. Я не преминул лишний раз подчеркнуть (специально для него) всю важность ситуации, и он заверил меня, что обязательно передаст мою записку детективу Блуму. Но я все равно ни на грош не поверил ему.

Телефонная справочная служба выдала мне координаты Морриса Блума, проживающего в материковой части Калусы, по адресу 631 Авенида-дель-Сол. Я тут же набрал его номер, но на том конце провода на мой звонок никто не отвечал. Я не мог поверить в то, что Блум мог собраться и спокойно отправиться куда-нибудь на уикэнд, после того как был найдено тело Элисон. Я снова набрал номер. Телефон на том конце провода позвонил наверное уже раз десять или даже больше. Снова никакого ответа. Я положил трубку. Позвонив в агентство Национальных авиалиний, я узнал, что в 2:35 пополудни из Нового Орлеана вылетает прямой рейс

на Тампу, прибывающий туда в 4:51. Ближайший самолет из Тампы в Калусу вылетает только в 7:53, но я все равно смогу оказаться дома еще раньше, если найму в Тампе машину. Я спросил у Дейл и Джоанны, не хотелось бы им задержать-ся здесь без меня еще на один день; казалось, для Джоанны это было искушением, на которое было очень трудно не поддаться. Но все же во второй половине дня мы все втроем заняли места в самолете Национальной авиакомпания, а затем я взял в Тампе машину, водитель которой сначала высадил у моего дома нас с Джоанной, а затем доставила и Дейл к ее дому на рифе Виспер. Без четверти семь вечера того же дня я снова попробовал дозвониться Блуму домой. На мой звонок ответила женщина.

– Алло, – заговорил я, – это адвокат Хоуп, мне хотелось бы поговорить с мистером Блумом. Он сейчас дома?

– Нет, он на работе, – был ответ.

– А вы миссис Блум?

– Да.

– Я постараюсь еще дозвониться ему на работу, но если вдруг все-таки случится так, что я не застану его там, то не могли бы вы передать ему, чтобы он непременно перезвонил ко мне домой? Я составлю вам свой номер телефона.

– Да, подождите немного.

Я подождал, пока она предположительно искала ручку и блокнот, а затем снова вернулась к телефону, и я смог продиктовать свой домашний номер телефона. Затем, сразу же

после того, как жена Блума положила трубку, я немедленно набрал телефон полицейского участка, и был немедленно соединен с Блумом.

– А я все названивал тебе в Новый Орлеан, – сказал он. – Мне совсем недавно передали твое послание. А ты где сейчас?

– Дома.

– Я думаю, ты уже слышал.

– Слышал.

– Во дела, да? Ты знаешь, где находится эта сточная яма? Что за «Спортивной Ареной», там, на Белфаст и Эспин. Так вот, вчера вечером ее там и нашли. Она лежала лицом вниз, прямо в воде. Получилось так, что парень с девицей по-своему развлекались в припаркованной недалеко от того места машине, ну и по ходу дела парню приспичило отлить, вот он и направился прямиком к той канаве, и там-то он ее первым и обнаружил. На ней была длинная ночная рубашка, вся в крови. Ну, а он тут же бросился нам звонить. Вот так. А ты чем занимался в Новом Орлеане?

– Изучал оригинал.

– Вот как? – И мне нужно поговорить с тобой. Ты еще будешь у себя?

– Разумеется, приезжай прямо сейчас, – сказал Блум.

Блум слушал очень внимательно. Сначала я вновь сделал для него краткий обзор распоряжений, отданных Викки в заведении, а затем подробно остановился на каждом из усло-

вий трастового соглашения. Время от времени Блум понимающе кивал. Когда я сказал, что срок траста истечет через три дня, он лишь удивленно поднял свои густые брови. Когда же в продолжение своего рассказа я объяснил, что двенадцать миллионов долларов – теперь, когда Элисон больше нет в живых – снова возвратятся к Двейну Миллеру, Блум только хмыкнул и снова кивнул. Я ждал. Он начал прохаживаться по своему кабинету взад-вперед. Наконец он обернулся ко мне и заговорил:

– Из всего, что ты мне только что рассказал, я сделал вывод, что если Элисон дожила бы до вторника, то Энтони Кенигу досталась бы четвертая часть этих денег, правильно?

– Принимая во внимание завещание Викки, да, это так.

– А теперь скажи мне, а на деле является ли это ее завещание официальным и обязательным для исполнения документом?

– Да, данное завещание является таковым.

– А вот если бы Элисон умерла после вторника, то выходит, что тогда Кениг отхватил бы себе весь этот кусок целиком?

– Да.

– Итак, ты предполагаешь, что так как кто-то тихо прирезал девчонку, не дожидаясь вторника, и в связи с тем, что Двейн Миллер теперь должен будет получить всю эту сумму сполна назад, то, значит, по-твоему, выходить, что убийцей Элисон по идее должен быть Миллер? Ты это имеешь в виду?

– По крайней мере, я не исключаю такую возможность.

– Гм. Ну что ж, ладно, Мэттью, тогда разреши мне в свою очередь задать тебе несколько вопросов. Вопрос номер один. Доводилось ли тебе слышать о статье 732.802 законодательства штата Флорида?

– Нет, еще не довелось.

– А вот я знаю ее наизусть, это одна из первых статей, которые я усвоил после того как перевелся сюда. Вот она: 732.802. Убийца. Лицо, осужденное за убийство своего потомка не имеет права на наследование принадлежащего тому имущества.

Блум посмотрел на меня.

– Ну и что? – спросил я.

– А то, что если старик Миллер в самом деле убил Викки и свою внучку, то в соответствии с 732.802 ему с того имущества все равно ни хрена ни удастся унаследовать. Вот так.

– Нет, не так, – возразил я.

– Нет так? А как тогда?

– Ты не прав. Траст это не завещание. И в этом случае ни о каком наследовании и речи не идет. Миллер ничего и ни от кого не наследует. Эти деньги всего-навсего будут возвращены ему.

– Хм, – задумался Блум. – Ладно, давай не будем его исключать, оставим как одного из подозреваемых. Но почему из этого числа должен быть исключен Кениг?

– Потому что, если бы его дочь только дожила бы до втор-

ника и пережила бы его, то все деньги траста...

– Ну да, но вот только он сам-то об этом знает?

– Что ты имеешь в виду?

– Давай теперь обо всем по порядку, хорошо? Итак, первое: предположим, что Кениг знал, что его имя упоминается в завещании Викки.

– Тогда вернемся совсем немного назад, – сказал я. – В таком случае нам следует выдвинуть еще одно предположение, что разговор об этом состоялся у них после того, как Кениг получил то ее письмо.

– Почему?

– Потому что в том письме она просит его стать опекуном Элисон. Я думаю, что тогда для Кенига это стало неожиданностью.

– Ладно. Итак, он получает письмо, и в субботу он уже здесь, чтобы обо всем с ней проговорить. И вот Кениг говорит: «Послушай, Викки, конечно, я очень польщен, что ты хочешь, чтобы именно я взял на себя заботу о нашей дочери, но ты-то сама со своей стороны предприняла хоть какие-нибудь официальные действия, которые могли бы гарантировать, что Элли останется именно со мной?» И вот Викки уже рассказывает ему о своем завещании, по которому он должен стать опекуном над личностью и имуществом Элисон и говорит ему, что, о да, кстати, тебе также достанется одна четвертая часть денег по трасту. Ну как, Мэттью, а это звучит убедительно, а?

– Отлично, давай дальше.

– Итак, второе: Кенигу могло быть известно о существовании трастового соглашения. Все-таки некоторое время он был мужем Викки, и должны же они были, в конце концов, обсуждать это между собой. И, в чем я наверняка уверен, он даже мог знать, что срок по тому соглашению истечет, когда Викки исполнится тридцать пять лет. И уж я в чем уверен больше всего, так это в том, что ему также было известно, что день рождения у нее двадцать второго января. Так же с большой долей уверенности смею утверждать, что он заранее знал, что в трасте этом заложена весьма приличная сумма. Но – и это очень большое «но», Мэттью – мы не знаем, было ли ему известно о том, что в случае смерти малышки-Элисон, все это состояние должно будет снова возвратиться к Миллеру? Здается мне, что нет.

– Позволь узнать, почему?

– Ты мне тут как-то на днях говорил, что Миллер считал свою дочь крайне непрактичной и ничего не смыслившей в финансовых делах. А раз так, то чего ради ему бы вдруг понадобилось начать разьяснять ей подобные тонкости? Абсолютно незачем. Мне лично кажется, что сам он по сути своей обыкновенный деревенщина, при этом глубоко убежденный, что удел женщины – это краски, тряпки и ужимки, и что нечего им забивать свои пустые маленькие головки теми вещами, с которыми, как ему казалось, лучше всего могут справиться исключительно мужчины. Все эти говнюки с Юга

такие же как он, понимаешь?

– А это-то здесь еще при чем?

– А все при том же. Если Кениг не знал, что если друг что-нибудь случится с малышкой, то все эти двенадцать «лимонов» снова будут возвращены Миллеру. Он, возможно, мог считать, что все должно будет достаться единолично ему, Кенигу, как родному отцу Элисон. Ведь так говорит закон, не так ли?

– Да, таков закон.

– Так что, возможно он рассчитывал на то, что сначала деньги станут частью собственности Викки, а потом – Элисон, и вот тогда он оказывался следующим во всей этой цепочки, естественно, уже с мешком наготове.

– Может быть.

– А отсюда и вывод – он все еще представляет для нас определенный интерес.

– Вполне может быть.

– Но у нас на данный момент имеется лишь одна возможность побольше разузнать об обоих чудилах, – сказал Блум. – Теперь нам остается вызвать сюда и одного, и другого, и посмотреть, как каждый из них примется перетягивать одеяло на себя.

За Кенигом Блуму никого посылать не пришлось, потому что в это время сам Кениг уже нетерпеливо дожидался Блума в приемной. Он сразу же объявил Блуму (и я не был уверен, что Блум ему тотчас же поверил; да и сам я, надо

сказать, усомнился в этом), что утром он не удосужился купить газету, а также не включал ни радио, ни телевизора, и что всего час назад он как-то случайно повернул ручку радио у себя в машине, и после этого сразу же без малейшего промедления примчался сюда, но Блум тогда был занят, и его, Кенига, попросили немного подождать. Поскольку сам Кениг уже не один раз высказывал при мне свое отношение к личности детектива Морриса Блума, то мне, в принципе, совсем не трудно было догадаться, что обыкновенное предложение подождать за дверью кабинета – в то время, как он, Кениг, собственной персоной приехал сюда, и причем дело касалось его дочери, его убитой дочери – наверняка показалось ему невероятно оскорбительным, и это привело Кенига в ярость.

– Где она теперь? – продолжал возмущаться Кениг. – Почему мне до сих пор ничего не сообщили?

– Вчера вечером мы пытались разыскать вас в отеле «Брейквотер», – сказал Блум, – но вас там, к сожалению не оказалось. Сегодня мы тоже весь день пытались дозвониться до вас, но телефон в вашем номере не отвечал. Так где же вы были, мистер Кениг?

Было заметно, что Энтони Кениг смущен этим вопросом.

– Давайте пройдем сейчас куда-нибудь в более тихое место и там поговорим обо всем, – продолжал Блум, недовольно взглянув на трещащую в приемной со скоростью шестидесяти слов в минуту пишущую машинку. – Я думаю, что в

кабинете капитана сейчас как раз никого нет, – с этими словами он подвел нас к небольшой нише с установленным в ней американским флагом, по обеим сторонам от которого располагались две двери. Блум открыл левую из них, и мы вошли в комнату. Мне уже приходилось и раньше бывать в этом кабинете, когда сын моего клиента Джеми Печиса соznался сразу в трех убийствах, которых в действительности он не совершал. У стены напротив двери стоял письменный стол, за ним – вращающееся кресло, обтянутое зеленым кожзаменителем. Над столом, на отделанной панелями стене были развешаны дипломы в рамках под стеклом. Книжные полки располагались рядом со столом, на самой верхней из них стоял кальян. Еще там были фотографии женщин, вставленные в рамки. Я решил, что это, должно быть, жена и дочери капитана. Кениг озирался по сторонам, словно ожидая подвоха.

– Присаживайтесь, мистер Кениг, – предложил Блум. – Устраивайтесь поудобнее, – сам же он в это время зашел за стол и сел в зеленое кресло. Мы с Кенигом расположились напротив него. – У меня есть к вам несколько вопросов, – снова заговорил Блум, – так что я думаю, что лучше всего нам будет обставить нашу беседу сугубо официально и надлежащим образом, – он глубоко вздохнул. – В соответствии с решением Верховного Суда, принятого в 1966 году по делу Миранда против Аризона, мы не имеем права задавать вам какие бы то ни было вопросы, пока...

– Постоите-постоите, – воскликнул Кениг, и лицо его залилось краской, – что все это означает?

– То, о чем я сейчас собираюсь вас спросить, имеет непосредственное отношение к смерти вашей бывшей жены и дочери, мистер Кениг. И я должен объяснить вам...

– Я что, уже арестован?

– Нет, сэр.

– Ну тогда...

– Мистер Кениг, – решительно сказал Блум, – я вам советую поговорить со своим адвокатом.

– Вы не обязаны отвечать на вопросы, если только вы сами этого не пожелаете, – вступил в разговор я. – Мистер Блум хотел всего-навсего рассказать вам о ваших же правах. Кстати, это как раз одно из них.

– Да... но мне обязательно отвечать на его вопросы?

– Это ваше дело, как хотите. Но почему бы вам для начала не узнать о своих правах?

– Ну ладно, продолжайте, – согласился Кениг.

– Хорошо, – проговорил Блум и начал все заново. Кениг слушал внимательно, постоянно повторяя, что ему понятно, о чем идет речь.

– ... право советоваться с адвокатом до или во время допроса.

– Понимаю. – Если вы решите воспользоваться этим правом, но в то же время окажется, что вы не располагаете достаточными средствами на оплату услуг адвоката, в таком

случае вам будет назначен защитник, услуги которого для вас будут абсолютно бесплатными, с тем, чтобы вы имели возможность советоваться с ним до или во время допроса. Все это вам понятно?

– Да. И да хранит Господь Америку.

– Что, сэр?

– Могу себе представить, как подобное должно происходить в России, – сказал Кениг.

– Ах это... Итак, желаете ли вы, чтобы при нашей с вами беседе здесь присутствовал бы ваш адвокат?

– Мой адвокат уже здесь.

– Вы желаете, чтобы мистер Хоуп присутствовал бы здесь в качестве вашего адвоката?

– Да.

– Хорошо. Мистер Кениг, вы можете мне сейчас подробно рассказать, где вы были вчера между половиной пятого вечера и двенадцатью часами ночи?

– А почему именно в это время? – задал Кениг встречный вопрос.

– Потому что судмедэксперт установил, что смерть вашей дочери наступила приблизительно в шесть часов вечера, и потому что один из наших людей был у вас в отеле ровно в полночь, после того, как мы многократно и безуспешно пытались вам дозвониться. Он попросил представителя службы безопасности отеля открыть ваш номер, и в номере вас не было.

– Да, это так. Меня в отеле не было. – А где вы были, мистер Кениг?

– У знакомых.

– У кого конкретно?

– У женщины.

– Ее имя можете назвать?

– Я не знаю.

– Вы не знаете...

– Я не знаю ее полного имени. Могу назвать только имя без фамилии.

– О'кей, и как же ее зовут?

– Дженни.

– Но фамилии вы не знаете.

– Нет.

– А вы знаете, где она живет?

– Да.

– И где же?

– Я могу проводить вас к ее дому, но адреса назвать не могу.

– Вы были у нее минувшей ночью, мистер Кениг?

– Да.

– С которого часа до которого?

– Мы приехали туда около шести вечера вчера.

– И когда вы ушли оттуда?

Кениг замялся.

– Мистер Кениг. Когда вы..?

– Сегодня вечером. Я возвращался в отель, когда услышал, что... как в новостях по радио рассказали о смерти Элиссон.

– Итак, вы пробыли с этой женщиной примерно с шести часов вчерашнего дня и до... во сколько вы ушли сегодня?

– Около шести.

– Выходит, двадцать четыре часа.

– Да, около двадцати четырех часов.

– Вы покидали ее дом в течение этих двадцати четырех часов?

– Нет.

– И никто из вас никуда не отлучался все это время?

– Мы оба были все это время вместе.

– Так значит, никто из вас не отлучался из дома, чтобы оказаться на Белфаст Авеню и Эспин Роуд, у сточной ямы позади...

– Мистер Блум, – вмешался я.

Блум повернулся ко мне.

– В связи с тем, что я нахожусь здесь в качестве адвоката мистера Кенига, я заявляю протест против вашего последнего вопроса.

– Да, правильно, – сказал Блум, – извините. Мистер Кениг, мне бы хотелось услышать от вас, как мы сможем впоследствии найти эту таинственную незнакомку. Не исключено, что мы даже попросим вас проводить нас туда, с тем, чтобы переговорить и с ней тоже, если, конечно, вы сможете за-

ново отыскать ее дом. Где это хоть?

– Недалеко от торгового центра «Пляжный пейзаж». Я уверен, что смогу отыскать это место.

– Хорошо, отложим это на некоторое время. Да, кстати, вы ведь постараетесь поднапрячь память и вспомнить ее фамилию, ладно? Это могло бы избавить нас от очень многих проблем.

– Я никогда не знал и даже не пытался узнать ее фамилию, а уж потребности запоминать ее у меня и вовсе не возникало.

– Мистер Кениг, а где вы познакомились с этой женщиной?

– В своем отеле, в баре. Бар «У пяти буйков».

– И было это... когда вы сказали, это было?

– Примерно в четверть шестого или около того.

– Сначала вы просто решили спуститься в бар и выпить.

Та ведь?

– Да.

– И один.

– Да.

– И там вы познакомились с женщиной по имени Дженни.

– Совершенно верно.

– А потом вы отправились к ней домой и последующие двадцать четыре часа были проведены вами вместе.

– Да.

– В постели?

– По большей части, да.

– Мистер Кениг, она проститутка?

– Да, скорее всего, да.

– Так... А вы платили ей за услуги, или же она занималась с вами этим бесплатно?

– Я ей заплатил. Но она сама не требовала с меня денег.

– Понимаю, ладно. Мистер Кениг, а скажите мне, когда вы получили письмо от своей бывшей жены? Я имею в виду то, где она просит вас позаботиться о дочери, если с ней самой вдруг что-нибудь случится?

– На прошлой неделе.

– Уточните, пожалуйста, когда именно на прошлой неделе?

– В четверг или в пятницу. Точнее не могу сказать.

– Так... само письмо было написано седьмого числа, это был понедельник...

– Я не знаю, когда оно там было написано.

– Эта дата была указана в самом письме, мистер Кениг.

– Что ж, пусть будет так.

– И если предположить, что письмо до Нового Орлеана идет два, самое большее, три дня...

– Мистер Блум, – снова вмешался я.

– Да-да, конечно, мистер Хоуп, извините. Так значит, мистер Кениг, вы не помните, когда вы получили это письмо, я правильно вас понял?

– Я уже все сказал вам. В четверг или в пятницу.

– Значит десятого или одиннадцатого числа.

– Если вы имеете в виду даты, то да.

– Я имею в виду даты.

– Тогда, да.

– Вам доводилось разговаривать с вашей бывшей женой после того, как вы получили письмо от нее? С того дня и до вечера тринадцатого января?

– Да, мы разговаривали.

– Когда?

– Вечером в субботу.

– В «Зимнем саду»?

– Да.

– И письмо к тому времени было уже у вас.

– Да.

– И к тому времени вы уже знали, что она хочет сделать вас опекуном над дочерью, если с ней вдруг что-нибудь случиться?

– Да, знал.

– И что, вы это обсуждали с ней вечером в субботу?

– Нет.

– В таком случае, о чем же вы говорили?

– Вообще обо всем: о ее выступлении, о негативной рецензии в утренней газете. И Элисон... она должна была приехать ко мне на выходные в конце февраля, на празднование дня рождения Вашингтона, какое-то время мы говорили об этом. И... ах, да, кажется, что мы все же говорили про опеку. Ведь она написала мне об этом в письме, так я, зна-

чит, поблагодарил ее и сказал, что я весьма польщен оказанным мне доверием.

– А в тот вечер вы затрагивали в разговоре вопрос ее завещания?

– Ее завещания? Нет, сэр.

– Из этого следует, что Викки не обсуждала с вами своего завещания, датированного четвертым января, то есть тремя днями раньше того момента, когда она написала и отослала вам письмо, в котором шла речь об вашей опеке над Элисон?

Кениг взглянул в мою сторону.

– Значит, есть завещание? – спросил он. – Вы нашли ее завещание?

– Да, ответил я.

– Ну и что там?

– Извините, мистер Кениг, – снова заговорил Блум, – но вы не ответили на мой вопрос. Скажите мне, пожалуйста, а накануне убийства, обсуждала ли ваша бывшая жена с вами составленное ею завещание?

– Нет уж, это вы меня извините, мистер Блум, – раздраженно заговорил Кениг, – но я уже ответил вам на ваш вопрос. Я уже сказал вам, что ни о каком завещании у нас и разговора не было, вообще ни о каком, ни о ее, ни о еще чем-либо.

– А вам было известно о существовании подобного завещания?

– Нет, не было.

– И вы что, совсем не проявляли любопытства на сей счет?

– Нет, я не любопытен.

– Выходит, что ваша бывшая жена пишет вам письмо, в котором просит вас позаботиться о дочери, если с ней вдруг что-нибудь случится, а вы со своей стороны даже не поинтересовались относительно того, а предприняты ли необходимые юридические действия, с тем чтобы ее подобное желание осуществилось?

– Я посчитал, что для этого вполне достаточно того письма. Ведь там были четко изложены намерения Викки, я был уверен, что большего от меня никто требовать не станет. Я знал, что мистер Хоуп был здесь исполнителем ее последней воли, и поэтому я и решил, что мне остается лишь только...

– Как вам стало известно об этом?

– Что? – не понял Кениг.

– Что мистер Хоуп назван в завещании исполнителем?

– Ну это... об этом было сказано в письме.

– Нет, мистер Кениг, там ничего подобного не было. Я уже раз сто перечитал это письмо, и точно знаю, что там нет ни слова о том, что мистер Хоуп был выбран ее в качестве своего душеприказчика. Единственное, что там сказано, так это что в случае чего вам необходимо лишь обращаться к...

– А я как раз это и имел в виду. Ведь если мне следовало обратиться к юристу по имени Мэттью Хоуп, то, очевидно, он и должен быть исполнителем по...

Кениг замолк на полуслове. Он посмотрел вначале на Блу-

ма, потом перевел взгляд на меня. Я промолчал.

– Исполнителем чего? – терпеливо переспросил Блум.

– Ее завещания.

– Так вы же сами только что сказали, что вам ничего не было известно о существовании завещания.

– Это так.

– Но вы тем не менее предполагали, что мистер Хоуп был исполнителем по завещанию, в существовании которого вы сами вовсе не были уверены, так вас следует понимать?

– Вы знаете, что я имею в виду.

– Нет, не знаю. Так что же вы имеете в виду? Скажите, вы знали, что завещание существует или вы не знали о нем?

– Понимаете, теперь, когда я начинаю размышлять над этим, мне иногда кажется, что я и раньше догадывался, что у нее было завещание.

– И как вам стало известно о нем?

– Ну... по-моему, я сам спросил Викки об этом. Когда мы разговаривали после ее шоу вечером в субботу.

– И она сказала, что у нее действительно есть завещание.

– Да.

– А она не рассказывала вам, о чем конкретно там шла речь?

– Только о том, что по нему я должен буду стать опекуном над личностью и имуществом своей дочери.

– И это все.

– Да. Хотя, постойте-ка. Она еще сказала, что их дом и

все, что в нем находится, завещаны Элисон, и что я должен надлежащим образом заботиться обо всей собственности Элисон.

– Ага. А как же траст?

– Какой еще траст?

– Траст, учрежденный Двейном Миллером в 1965 году.

– А почему вы считаете, что я должен был спрашивать у нее еще и об этом трасте?

– Мистер Кениг, а вы вообще знали что-либо о существовании подобного траста?

– В принципе... да, знал.

– А вам было известно о том, что срок по трастовому соглашению истекает во вторник на будущей неделе?

– Мне было известно, что срок по трасту истекал по достижении Викки возраста тридцати пяти лет.

– А это как раз вторник, двадцать второе января.

– Как вам будет угодно.

– Но вы же знали, когда у нее день рождения, не так ли?

– Мне кажется...

– Вы сколько лет были с ней женаты?

– Семь.

– Ну так должно же вам быть известно о дате ее рождения?

– Да, я знал, когда у Викки день рождения.

– Значит, вам все же было известно, что день двадцать второе января был днем ее рождения.

– Да, я об этом знал.

– И выходит, что вам также было известно, что в этот же день истекает срок по трастовому соглашению.

– Да.

– А теперь, мистер Кениг, ответьте мне, пожалуйста, было ли вам известно заранее, что по тому ее завещанию вы должны были получить одну четвертую часть от суммы основного капитала и аккумулированного дохода по нему? Викки рассказывала вам что-нибудь о том, что подобное условие было включено ею в завещание?

Кениг взглянул в мою сторону и глубоко вздохнул.

– Да, я об этом знал, – признался он, – Викки говорила мне об этом. Но данный факт вовсе не означает...

– Мистер Кениг, а теперь я прошу вас хорошенько подумать, прежде чем вы ответите на мой следующий вопрос. Как вы считаете, как вам кажется, что теперь будет со всеми этими деньгами, учитывая тот факт, что Викки умерла еще до того, как истек срок трастового соглашения?

– Я не знаю. Я этот документ в глаза никогда не видел.

– Вы имеете в виду само трастовое соглашение?

– Да, я его ни разу в руках не держал. И Викки, кстати, тоже. Мы с ней знали только, что этот ополоумевший старый... что ее отец рассказывал ей.

– И что же он ей говорил?

– Что по достижении тридцати пяти лет ей причитаются кое-какие деньги.

– А он ни разу не говорил, сколько это должно быть в циф-

ровом выражении?

– Нет.

– Но вам все же наверняка было известно, что это должна быть довольно внушительная сумма, ведь доходы звезды той величины...

– Я не знал, сколько. И вообще, у меня сложилось такое впечатление, что большую часть доходов Викки он просто-напросто перекачивал на свой собственный банковский счет. Я уже говорил вам, что никогда не видел этого траста, трастового соглашения, и мне вообще не было ничего известно о том, что с него должна была поиметь Викки. Я знал лишь то, что она сможет наконец получить свои денежки, когда ей исполнится тридцать пять лет.

– И выходит, что вы не имели абсолютно никакого понятия о том, что станется с этими деньгами, если получится так, что ваша бывшая жена умрет, так и не дожив до своего тридцатипятилетия.

– Мне и в голову не приходило, что она может умереть.

– Но ведь тем не менее, это все-таки произошло.

– Да, Викки больше нет.

– И все же, как по-вашему, что теперь будет с этими деньгами?

– Викки говорила, что 75 % она завещает Элли и 25 % – мне.

– Это то, что Викки говорила. Ну а сами-то вы как думаете, что в том соглашении может быть сказано на сей счет?

– Понятия не имею.

– А вы не задумывались еще над тем, что будет с деньгами, если и Элисон тоже вдруг умрет?

– Я не знаю.

– Вы думали том, что все это может достаться Двейну Миллеру?

– Я не знаю.

– Или может быть, мистер Кениг, вы считаете, что все это теперь должно достаться вам?

– Я вижу, сэр, к чему вы клоните.

– И к чему же, по-вашему?

– Что это я убил свою собственную... – он внезапно замолчал. – Мистер Хоуп, как я понял из того, о чем здесь говорилось в самом начале, я не обязан отвечать на вопросы, если только я сам этого не захочу?

– Да, это так.

– И я могу прекратить допрос прямо сейчас, если захочу?

– Да, можете.

– Тогда я уже захотел. Мне хотелось бы прекратить все это.

– Хорошо, – сказал я. – Мистер Блум, вы сами все слышали.

– О'кей, – отозвался Блум. – Благодарю вас, мистер Кениг.

– Я уже могу идти?

– Но сначала мне бы хотелось, чтобы вы постарались отыскать для нас тот дом, где живет эта ваша дама, Дженни.

– Да, хорошо, я отведу вас туда.

– Я сейчас вызову машину, – сказал Блум и взялся за трубку телефона.

– Где сейчас моя дочь? – спросил Кениг.

– В морге, – ответил ему Блум, по телефону же он сказал, – Гарри, мне срочно нужна машина. Сможешь быть внизу минут через десять? Спасибо, – поблагодарил он собеседника и положил трубку.

– А морг этот где? – продолжал Кениг.

– Это «Калуса-Дженерал».

– А то ведь мне еще надо к похоронам кое-что подго... – Кениг замолчал на полуслове. – А что с ней там делают? Вскрытие, да?

– Да, вскрытие.

– И у них что, есть на это право? – этот вопрос Кениг обратил уже ко мне. – Чтобы изрезать ее и...

– Да, сэр, – ответил я. – В соответствии со статьей 406.11 в случае, если смерть наступила вследствие преступного насилия, вскрытие должно быть произведено в обязательном порядке.

Кениг глубоко вздохнул и понимающе кивнул.

– Тогда давайте уж поскорее закончим со всем этим, – проговорил он и тяжело поднялся со стула.

Дженни жила на Авокадо-Уей, в черном районе Калусы, что находился по другую сторону от беговых дорожек стадиона и как раз за торговым центром «Пляжный пейзаж».

Очевидно застройщик обладал очень сильным воображением или же страдал галлюцинациями, так как до ближайшего пляжа отсюда было никак не меньше пятнадцати миль. Дом, на который указал Кениг, оказался обыкновенной постройкой из шлакоблоков под крышей из серой дранки и с ярко-красными ставнями на окнах. Свет от уличного фонаря падал на почтовый ящик, выкрашенный одной краской со ставнями. Имени на ящике указано не было, только цифры – 479. Мы все вместе подошли к входной двери (все того же красного цвета), увитой по обеим сторонам плющом. Жалюзи на окнах со стороны улицы были наглухо опущены. Света в доме не было. Блум позвонил в дверь. Немного погодя, он опять позвонил. Потом еще. Все это время сидевший на ступеньках крыльца соседнего дома пожилой негр с интересом наблюдал за нами. Блум в очередной раз нажал кнопку звонка.

– Кажется, дома ее нет, – сказал он и взглянул на часы. – Так во сколько, вы говорите, она была в баре в пятницу?

– Примерно в пять пятнадцать, – ответил Кениг.

– Сейчас половина девятого, – проговорил Блум и пожал плечами. – Должно быть она развлекается где-нибудь в городе с другим хахалем. Что ж, давайте поглядим, что нам имеет сообщить вон тот парень на соседнем крыльце.

Мы пересекли лужайку и подошли к негру, все так же сидевшем на своем крыльце и точно под фонарем. Представившись, Блум показал ему жетон и удостоверение полицейско-

го. Негр сидел с таким невозмутимым видом, что можно было подумать, что общение с полицейскими было для него самым привычным делом. С нами он был даже более чем почителен, но в то же время карие глаза его смотрели насто-роженно-выжидающе.

– Вы знаете того, кто живет в том доме по соседству с вами? – спросил у него Блум.

– Да, сэр, знаю. Там живет Дженни, – сказал негр.

– Дженни... А вам случайно не известна ее фамилия?

– Дженни Мастерс.

– А не знаете, где она сейчас может быть?

– А что? Она что-нибудь натворила?

– Нет, еще совсем ничего, – сказал Блум.

– Полицейские всегда так говорят: «Совсем ничего», – глубокомысленно заметил негр, – а потом приходят и забирают...

– Я не собираюсь никого здесь арестовывать, – возразил Блум. – А вы все-таки случайно не знаете, где ее можно сейчас разыскать?

– Откуда мне знать-то?..

– А где она работает?

– В центре. Клуб «Элис».

– Это тот, что на 301-м?

– Угу...

– Спасибо, – сказал Блум.

– Только смотрите, не обдурите меня. Вы уж ее не заби-

райте.

– Нет-нет, не беспокойтесь, – поспешил его заверить Блум и зашагал к стоявшему на обочине седану.

– Куда теперь? – спросил патрульный полицейский, дождавшийся за рулем.

– Клуб «Элис» на 301-м, – ответил Блум.

– Что, сэр, на сиськи решил поглазеть?

– Решил, решил, поехали, давай, – огрызнулся Блум.

Клуб «Элис» был одним из немногих имевшихся в Калусе стриптиз-клубов. Он считался ведущим в области и прочих пошлых развлечений подобного рода. Стоит заметить, что в черте города было всего три – по пальцам можно пересчитать, три – кинотеатра, в которых показывали порнографические фильмы (известные здесь как фильмы категории ***), а так же некоторое время тому назад был здесь у нас на Саут-трейл открыт магазинчик, торговавший разными контрацептивами и тому подобными принадлежностями, но в прошлом августе и не без помощи полиции лавка эта была прикрыта, после того, как выяснилось, что хозяин заодно с товаром, относившимся к основному профилю магазина, приторговывал здесь еще кое-чем насчет покурить. Затем у этого заведения появился другой хозяин, делавший свой бизнес на кулинарных изысках китайской кухни, и возможно тоже сбывающий опиум где-нибудь на стороне, но полиции во всяком случае об это еще ничего не известно. Я час в принципе в этом не уверен, но вот моя дочь Джоанна утвер-

ждает, что парень, торгующий наркотиками из школы Бедлоу, берет свой товар в этом самом «Гонконге», а у моей дочери нет привычки к лжесвидетельствованию.

Неоновая вывеска над входом в клуб «Элис» гласила «ОБНАЖЕННЫЕ ТАНЦОВЩИЦЫ», а текст помещенного ниже объявления ставил потенциальных посетителей в известность, что заведение открыто с семи часов вечера до двух ночи. На близлежащей стоянке в самом конце длинной черед автомашин был припаркован грузовичок-пикап, за рулем которого сидела молоденькая блондинка с копной мелких кудряшек на голове. Она зазывающе улыбалась нам, пока наш седан выруливал на автостоянку и пристраивался рядом. Патрульный полицейский взглянул на юную прелестницу, а затем, посмеиваясь, спросил:

– Ну как, никто не желает расслабиться?

– Желаем, желаем, – отозвался Блум. – А ты останешься здесь.

– Ну сэр, почему же?

– Я сказал, ты остаешься и ждешь нас здесь. Я не хочу, чтобы лишь только едва завидев твою форму, все тотчас бросились бы к выходу.

– Ну вот, – разочарованно протянул патрульный.

Мы вышли из машины, оставив полицейского скучать за рулем, и подошли к двери, ведущей в помещение самого клуба. Входная дверь была выкрашена в голубой «электрик» и вела в полутемный вестибюль, в самом конце которого на

высоком стуле у стола сидела девица. На ней были черные чулки с подвязками, черное трико и черные же туфли на высоких шпильках. Перед ней на столе стоял открытый ящичек для денег. Откуда-то сверху, поверх ее головы, свет от зеленой лампы лился прямо на лежащие в том ящичке банкноты, отчего последние выглядели еще более зелеными, чем это было задумано Казначейством Соединенных Штатов. Завидев, что мы направляемся в ее сторону, девица тут же одарила всю нашу компанию дежурной улыбкой.

– Привет, джентльмены, – обратилась она к нам, – добро пожаловать в клуб «Элис».

Позади нее на стене висела табличка, предупреждавшая, что вход в клуб разрешен только гражданам не моложе восемнадцати лет, и что тем лицам, чьи чувства могут быть оскорблены созерцанием обнаженного тела, лучше воздержаться от посещения данного заведения.

– Надеюсь, джентльмены, всем вам уже исполнилось восемнадцать? – игриво спросила она.

Блум показал ей жетон.

– Полиция, – грубо объявил Блум, и улыбка тут же исчезла с лица девицы. – Мы ищем женщину по имени Джени Мастерс. Она здесь?

– А зачем она вам? – прозвучал встречный вопрос. – Что она такого сделала?

– Ну почему, почему всем тут же хочется узнать, кто и что натворил? – заговорил Блум. – Ведь возможно, она была

свидетелем автокатастрофы, разве такое не случается? А может быть ей досталось наследство в миллион долларов. Так здесь она или нет?

– А ей что, в самом деле, должно достаться наследство в целый миллион? – снова любопытствовала девица.

– В два миллиона, – огрызнулся Блум. – Где она?

– Вы просто смеетесь надо мной.

– Она здесь?

– Да, сэр. Плата за вход – по пять баксов с каждого.

– Не смешите меня, – сказал Блум и отдернул портьеру из черного велюра, отделявшую внутреннее помещение от вестибюля. Мы последовали за ним. В самом клубе было даже еще темней, чем в холле. Только одно место в этом помещении являло собой островок ослепительно яркого света – это круглая сцена в центре зала. Когда мы вошли, сцена эта была занята танцовщицей, весь наряд которой состоял из одной блестящей резинки от чулка и пары красных туфель на высоченных шпильках. Над сценой носился рок-н-рольный мотивчик, извергаемый двумя колонками. Сцена была окружена по крайней мере тремя дюжинами высоких стульев, какие обычно стоят у стойки бара, и большинство этих стульев пустовали. Когда мы вошли в зал, эта танцовщица неистово трясла грудью перед группкой посетителей, сидевших к нам спиной. Со всех сторон от сцены были расставлены штук пятьдесят-шестьдесят маленьких столиков. В отличие от стульев у сцены, большая часть мест за столиками

была занята. И на то имелись свои причины.

Столы были погружены в приятную полутьму. У каждого из них для индивидуального увеселения клиента сидящего здесь клиента, танцевала практически полностью обнаженная девушка. На некоторых девушках были маленькие трусики-бикини. На других – купальники с глубокими вырезами со всех сторон, верхняя часть их постоянно сползала вниз, обнажая под собой упругие груди. Были там и девушки в коротеньких ночных рубашках, которые они задирали еще выше, до самой груди. На всех танцовщицах были туфли на высоких, во всяком случае не ниже, чем четыре дюйма, шпильках. Мужчины же сидели неподвижно с выпученными глазами, на лицах у многих застыли идиотские улыбки, а руки были безвольно опущены; огромная вывеска на стене уведомляла, что лапать танцовщиц руками категорически запрещается. Некоторые из девиц были довольно не дурны собой. Молоденькая блондинка, выглядевшая лет на шестнадцать, не более, одиноко сидела за одним из свободных столиков, сжимая в руках большую плюшевую панду. На девушке были трусики, усыпанные блестками и резинка для чулок – за нее были засунуты свернутые долларовые банкноты. Она сидела, закинув ногу на ногу, и мысок туфли на свободной ноге покачивался в воздухе в такт музыки.

– Полиция, – представился ей Блум, и показал значок. – Кто из них Дженни Мастерс?

Девушка аж подпрыгнула на своем стуле. Она прижала к

себе панду и быстро ответила.

– Я здесь совсем недавно.

– И я тоже, – заметил Блум. – Итак, Дженни Мастерс. Которая?

– Вон там, – ответила она. – Танцует для моряка.

Моряк сидел за столиком в углу, развалившись на стуле и вытянув перед собой ноги. Высокая темнокожая девушка, обращенная к нам спиной, извивалась перед ним в танце. На ней была белая короткая ночная рубашка, белая подвязка и все те же туфли на шпильках. Она задирала край рубашки, обнажая из-под нее грудь. Моряк смотрел на все это уже вконец остекленевшим взглядом. В связи с тем, что танцовщица была повернута к нам спиной, то ее клиент намного раньше заметил наше приближение, и должно быть уже с расстояния в добрую сотню шагов он распознал в Блуме полицейского. Моряк что-то прошептал девушке. И развлекавшая его до этого танцовщица немедленно обернулась, выпустив из рук край рубашки, полупрозрачная ткань которой едва прикрывала ее наготу. Скорее всего, она не сразу поняла, что Блум полицейский, а я адвокат, но зато она должно быть просто наверняка узнала в Кениге того своего ухажера, с которым ей довелось провести целые сутки в одной постели. Уперев руки в боки, она ждала, пока мы подойдем поближе. В это время загнанный в угол моряк, казалось, отчаянно пытался найти пути к отступлению.

– Вы Дженни Мастерс? – задал вопрос Блум.

– Это я, – ответила она.

– Вы знаете этого человека? – продолжал задавать вопросы Блум.

– Его-то я знаю, – сказала Дженни, – а вот вы кто такой?

– Детектив Блум, полиция Калусы.

– Оно и видно, – заметила она вслух и кивнула.

– Как и когда вы познакомились с этим человеком?

– Мы с ним друзья, – сказала Дженни и заулыбалась. Зубы ее казались ослепительно белыми по сравнению с кофейного цвета кожей. – По крайней мере я так думала. А в чем дело-то?

– Скажите, когда вы виделись с ним в последний раз? – продолжал Блум – У него что, часы, что ль, пропали или еще что-нибудь?

– Ничего подобного.

– Значит, никаких претензий?

– Никаких претензий.

– Раз жалоб нет, то, что ж, хорошо...

– Итак, когда вы виделись с ним в последний раз?

– Несколько часов назад.

– В какое время?

– Милый, ты во сколько уехал? – обратилась она к Кенигу. – По-моему, часов около шести. Разве нет? По-моему, та.

– А где вы с ним были? – настаивал Блум.

– У меня дома.

– На Авокадо?

– А вы что, были уже там, да?

– Да, были.

– А вообще-то, кто сказал вам, где меня искать?

– Не имеет значения, – сказал Блум. – А когда вы и мистер Кениг приехали туда?

– Милый, это тебя так зовут? – спросила Дженни Кенига и снова улыбнулась. – Вы имеете в виду, ко мне домой? – переспросила она у Блума.

– Да, к вам домой.

– Вчера вечером.

– А когда вчера вечером?

– Примерно в то же время, что ты ушел сегодня, правильно, дорогой? Примерно часов в шесть мы с тобой пришли ко мне, да?

– Значит, вы были у вас дома вместе с вечера вчерашнего дня до вечера сегодня?

– Около того.

– И что, никто из вас так и не покидал дома за все это время?

– У нас, знаете ли, было занятие поинтереснее.

– И этот господин тоже все это время был вместе с вами, так? Не выходя из дома?

– Ни на минуту. И нет такого закона, который запрещал бы двум людям наслаждаться обществом друг друга, разве не так?

Блум смотрел на девушку. Его холодный взгляд мог, на-

верное, заморозить даже вечно горячие пески пустыни Сахара. Дженни пожала плечами. Кениг разглядывал свои ботинки. Моряк был озабочен тем, чтобы сидеть и не поворачиваться к нам лицом.

– Все о'кей? – спросила Дженни.

– Да, о'кей, – угрюмо отозвался Блум.

Мы подвезли Кенига до его отеля «Брейквотер Инн» на Тайдел Стрит, а затем все на той же патрульной машине направились обратно в участок. По пути назад полицейский за рулем не проронил ни слова, обидевшись на Блума, что тот не разрешил ему войти вместе со всеми в «Элис». Все таким же угрюмым он продолжал оставаться и тогда, когда мы с Блумом вышли из его машины у входа в участок. В лифте, пока мы поднимались на третий этаж, Блум сказал мне:

– Если предположить, что экспертиза точно установила время смерти, то выходит, Кениг здесь не при чем. Ведь нельзя же трахать черную шлюху и в это же самое время перерезать горло ребенку.

– И когда ты теперь собираешься привезти сюда Миллера? – поинтересовался я.

– У меня тут уже кое-кто прямо сейчас пытается его разыскать, – ответил Блум.

Этим «кое-кем», пытавшимся разыскать отца Викки, оказался детектив по имени Пит Кенион, невысокий (для полицейского), плотного телосложения молодой человек лет около тридцати (по крайней мере, мне так показалось), с яр-

ко-рыжими волосами, которые казались практически одного цвета с почтовым ящиком Двейна Миллера, и лицо его было густо усеяно веснушками. Две верхних передних зуба у детектива Кениона были заметно больше остальных, и короткая верхняя губа не прикрывала их до конца, что делало его очень похожим то ли на бурундука, то ли на бобра, не могу сказать, на кого из них больше. Я еще подумал о том, какое место было бы ему отведено с точки зрения моего компаньона Фрэнка в созданной им же самой классификации с условным названием «Лицо лисы/лицо свиньи». В правой руке Кенион держал целый ворох каких-то бумаг, и первое, что он сказал, обратившись к нам, было то, что все это время он безуспешно пытался дозвониться до Миллера, а также заодно поинтересовался у Блума, а не лучше ли будет отправить кого-либо к этому Миллеру и доставить его непосредственно сюда. Блум на мгновение задумался, и ответил, что все-таки будет лучше, если Миллер явится сюда добровольно, в случае, если конечно, до него удастся дозвониться.

– А ты куда ему звонишь: на плантации или домой?

– И туда, и туда, – ответил Кенион. – Трубку не берут нигде.

– А держишь ты что? – спросил Блум.

– Только что пришло экспресс-почтой из Иллинойса. Полный список радиостанций Джорджии. Страницы 243–259, ксерокопии сделаны для нас той милой леди из Скоки – черт его знает, где это такое. Четыре страницы по сети радиостан-

ций вообще и потом еще десять страниц алфавитного указателя. Знаешь, Морри, в том списке больше сотни городов, и столько радиостанций! Взять хотя бы город масштаба Саванны, только в одном таком городишке насчитывается штук семнадцать-восемнадцать радиостанций. И если даже мы все вместе сию же минуту усядемся на телефоны, то такими темпами нам и до следующего рождества не управиться.

– А списка персонала? – спросил Блум.

– Они публикуют такие списки, но вот только диск-жоккеи туда не входят. Там лишь управляющие, коммерческие директора и так далее.

– Мать твою, – выругался Блум.

– Но у меня все же есть кое-какие соображения на этот счет.

– И что же это?

– Если Маршалл где-то там работает, то ведь ему все-таки приходится платить налоги, не так ли? Почему бы нам не связаться с налоговой инспекцией в Джексонвиле? Может быть они помогут нам выйти на их региональное отделение в Джорджии. И тогда нам может быть удастся заполучить адрес этого педрилы?

– Да не скажут они тебе ничего, – махнул рукой Блум, – во всяком случае, не после той забавной истории с Никсоном.

– Но Морри, ведь совершено убийство.

– Их это не волнует, им без разницы. Попытаться можно, но все равно ведь отлуп дадут, уж я-то знаю. А что тебе во-

обще удалось получить на него?

– Ничего. За прошлый год – ни одного задержания. Я ведь все правильно зарядил? Вот, Эдвард Маршалл, год рождения примерно 1941 или 1942, рост шесть футов, 180, черные волосы, голубые глаза?

– Все верно.

– Ничего, – проговорил Кенион, – и у федералов на него тоже ничего нет. А почему, собственно, тебе так не терпится его поскорей разыскать?

– Потому что, во-первых, возможно от него удастся больше узнать о Садовски, их барабанщике, о котором ничего не известно даже Департаменту Полиции в Нью-Йорке, и, во-вторых, он сможет наконец-то рассказать нам, кто же в самом деле этот его вонючий приятель, якобы одолживший господину Маршаллу свою яхту, чтобы тот смог комфортно расслабляться на море, в то время, когда убивали Викки Миллер. Ну как, кажется, это довольно убедительные причины, чтобы ради них стоило бы так надрывать задницу?

– Хотелось бы верить, – сказал Кенион и пожал плечами. – Плохо, конечно, что нет такого союза, что ли, где бы эти ребята...

– А ну постой-ка, – перебил его Блум. – Он ведь должен состоять в профсоюзе, не так ли? Я имею в виду, если он работает на радио? Ведь должно же такое быть? Типа «Эквити»⁷ или еще чего-нибудь наподобие того? Как они там еще

⁷ Профсоюз актеров.

могут называться? «Эквити» или еще как?

– «Эквити» – это для актеров, – сказал Кенион.

– Ну и что из того? Должно же у них быть что-то типа «Эквити», и я знаю, что такое есть. Узнай, как оно называется, – сказал Блум, – это такой союз, куда входят все эти ребята с радио.

– В Джорджии все так же как и у нас во Флориде, – заметил Кенион, – он не обязан состоять в профсоюзе, если сам этого не захочет.

– Все равно поробуй выяснить, – сказал Блум.

Глава 8

Даже сам Господь Бог отдыхал воскресенье.

А вот моей дочери Джоанне, между прочим, захотелось узнать, после всех этих перелетов из Нового Орлеана в Тампу, а также после того, как я вчера вечером попросту сбежал из дома, бросив ее там одну, из-за чего ей и не оставалось ничего иного, как сидеть в одиночестве перед телевизором, так вот, ей захотелось узнать, отправимся ли мы сегодня куда-нибудь, взамен вчерашних неосуществившихся надежд. Дочь моя имела обыкновение часто и без обиняков требовать повышенного внимания к своей персоне. В этом она преуспела даже в большей степени, чем Сюзен, в то время, когда я еще был женат на ней. Но с тех пор, как мы со Сюзен развелись, Джоанна стала просто неподражаема в своих запросах, взяв себе за правило тот факт, что разведенные родители всегда необычайно восприимчивы к малейшим капризам и прихотям своих отпрысков. И ей на самом деле не приходится слишком долго упрашивать меня; ради нее я готов броситься в бездну раскаленной лавы.

В ответ на поступивший запрос мной было предпринято следующее: в поисках подходящего развлечения я начал просматривать «Воскресный раздел» в «Геральд-Трибюн». И таким образом, мной одно за другим были выдвинуты следующие предложения, и каждое из перечисленных мною по-

тенциальных увеселений были так же по очереди отвергнуты Джоанной: 1) Ежегодная уличная выставка искусств и ремесел на Бейвью Авеню; 2) открытие скульптурной экспозиции в «Галерее Векслера» на Мейн-Стрит; 3) ежегодная распродажа саженцев и аукцион орхидей; 4) окружная ярмарка (про которую Джоанна сказала, что она, слава Богу, уже вышла из этого возраста) и 5) выставка драгоценных камней и индийских ювелирных украшений в Пьерпонт-Холл. В конце концов мне удалось заинтересовать Джоанну объявлениями о Чемпионате штата Флорида по родео, проходившем в Энанбурге. Она туту же спросила у меня, можно ли позвонить Дейл, чтобы она тоже смогла отправиться туда вместе с нами. Я набрал номер телефона Дейл в ее доме на рифе Виспер, и, надо сказать, почувствовал некоторое облегчение, когда в трубке все раздавались и раздавались длинные гудки, но на звонок никто не отвечал; мне действительно очень хотелось побыть хоть какое-то время наедине со своей собственной дочерью. И нет моей вины в том, что, как позднее выяснилось, что какая-то часть этого времени у меня все равно будет отнята работой – даже в Энанбурге, почти за сорок миль от того места, где было совершено теперь уже два убийства.

Для того, чтобы попасть в Энанбург, входящий в состав округа Де-Сото, необходимо сначала ехать по 41-му шоссе на юг, а затем сделать левый поворот на восток, и уже дальше продолжать путь по Тимукуан Пойнт Роуд, мимо расположенного там птичьего питомника Сограс Ривер, и затем ока-

заться среди раскинувшихся на многие акры кругом пастбищ и выгонов. В конце апреля и начале мая воздух здесь кишит спаривающимися на лету жучками, которые наверное от своего брачного восторга, постоянно шлепаются и разбиваются о ветровое стекло. Последствия подобной романтической кутерьмы оказываются весьма липкими и кровавыми, из-за чего почти каждые три мили приходится останавливаться, выходить из машины и отскрести их от стекла, или же всю оставшуюся дорогу ехать с включенными дворниками. Но теперь был январь, и нигде не было да и не могло быть видно никаких насекомых, занимающихся инцестом прямо в воздухе, и казалось, что холодный воздушный фронт отступил в море, оставив за собой прекрасный и безоблачный денек, с температурой воздуха в семьдесят три градуса, что и было нам обещано всеми прогнозами погоды.

Не обязательно отъезжать куда-нибудь очень далеко от Калусы, чтобы понять, что штат Флорида в самом деле является неотъемлемой частью так называемого Глубокого Юга. Региональные диалекты в том городке, что я вот уже четыре последние года называю своим, были по большей части такие же, как и на Среднем Западе, с редкими северо-восточными интонациями, и иногда встречался – еще более редкий – канадский вариант произношения. Но стоит остановиться на автозаправке где-нибудь здесь, в глубокой провинции – что мы и сделали – отъехав от города всего-навсего каких-нибудь шестнадцать миль, то южный акцент здесь мо-

жет показаться настолько осязаемо-густым, словно его даже можно рубить на куски при помощи мачете. Мужчины здесь носят характерные открытые комбинезоны, башмаки к ним и большие шляпы, и еще они жуют табак и могут плевать-ся им с непогрешимой точностью; женщины же одеваются в тот тип одежды из хлопчатобумажного полотна, который моя мать обычно звала платьем для дома; встречающиеся по пути во всех этих городках многочисленные ресторанчики и закусочные, все как один предлагают «блюда домашней кухни», что означает неизменно собственного приготовления ветчину и горох, зеленые бобы, мамалыгу, овощи, зелень, кукурузный хлеб – и именно в этих краях – подаваемую здесь жареную рыбу. Пока мы ехали по прямой, словно стрела дороге, окруженной по сторонам пастбищами, я поймал себя на мысли, что мне просто не терпится узнать, а что мой компаньон Фрэнк сказал бы по поводу расстилавшегося вокруг пейзажа, а также о людях его населяющими.

Дочь моя что-то задумала.

Я всегда могу с большой долей вероятности сказать, когда она должна вот-вот признаться мне в чем-то таком чрезвычайно важном, судя по тому, как сперва она будет сидеть в молчании примерно с полчаса или больше, закусив губу и мучаясь размышлениями по какому-либо поводу, пока наконец проблема та сама не выплеснется наружу. В такие моменты следует быть терпеливым. После тринадцати лет отцовства я уже убедился в том, что никакими расспросами от

Джоанны все равно ничего добиться не удастся; но она и сама расскажет мне обо всем, когда это все будет уже ею обдумано, и она уже готова для этого, и только тогда. И тут наконец-то наступает долгожданный миг откровения, как это случилось и в это воскресенье, по дороге в Энанборг. Я болтал что-то о том родео, которое нам предстояло увидеть и о родео вообще, и еще я сказал – и самому мне это показалось крайне остроумным замечанием – что в мои жизненные планы как раз входит появляться на родео хотя бы один раз каждые двадцать семь лет. И при этом мне почему-то не подумалось о том, что прежде всего следовало бы, пожалуй, пояснить дочери, что сейчас мне тридцать семь лет, а в последний раз я видел родео, когда мне было всего десять, но тут дочь моя безо всякого на то предупреждения глубокомысленно изрекла:

– А вот как бы ты поступил, если бы один парень захотел с тобой переспать?

Я на секунду призадумался, и потом ответил вопросом на вопрос, да еще таким образом, что, случись такое в суде, подобное наверняка вызвало бы протест у адвоката другой стороны. В ответ я спросил:

– А кто парень?

– Ну... просто парень, вообще.

– Ты разве не имеешь в виду кого-то определенно?

– Да, я имею в виду кое-кого.

– И я его знаю?

– Ты его знаешь, и он тебе не нравится, – ответила Джоанна.

– Эндрю Жестокий, – догадался я.

Эндрю Жестокий был пятнадцатилетним оболтусом. Вообще-то звали его Эндрю Краувел, а Жестоким окрестил его я, когда ему было четырнадцать, и он пообещал как-то моей тогда еще двенадцатилетней Джоанне пригласить ее в школу Бедлоу, на праздник с многообещающим названием «Весенние шалости», после чего в самый последний момент он ей позвонил, чтобы поставить в известность, что отец поручил ему одно дельце, и поэтому на танцы он не придет. Те выходные Джоанна проводила у меня. Она проплакала с пяти часов вечера в пятницу, когда малолетний сукин сын позвонил ей – за два с половиной часа до того, как заехать за ней – и до шести часов вечера в воскресенье, когда мне наконец-таки удалось уговорить Джоанну выйти и поужинать со мной, перед тем как я отвезу ее обратно к матери. И я не могу так запросто взять и простить малолетнего ублюдка, который подобным образом обошелся с моей дочкой. Джоанна же, со своей стороны, простила его практически сразу же. Через две недели, когда она снова приехала ко мне на выходные, она проболтала с ним по телефону почти столько же времени, сколько ушло у нее на рыдания в своей комнате в день той неудавшейся вечеринки. И вот теперь Джоанне хотелось узнать, что ей делать, если и когда, если не уже, Эндрю Жестокий пожелает с ней переспать.

– Его зовут Эндрю Краувел, папа, – поправила меня Джоанна. Она может хоть еще сто раз повторить мне, что его зовут Эндрю Краувел; для меня же он навсегда останется маленьким засранцем Эндрю Жестокий. И мнение мое о нем ни чуть не изменилось, даже когда совсем случайно мне довелось услышать от одной из подружек Джоанны, которая некоторое время назад приезжала вместе с ней на выходные, что скорее всего этот Эндрю приторговывает марихуаной и что то «дельце», что заставило его пропустить танцы, вне всякого сомнения заключалось в том, что скорее всего он должен был отправиться на какой-нибудь пустынный пляж и забрать доставленную туда «травку». Но моя дочь упорно отвергает подобные обвинения. Хотя, впрочем, она и не отрицает только то, что Эндрю Жестокий держит дома змей. Как-то раз он предложил принести ко мне в дом своего питомца – удава-боа. Я ответил ему на это, что старик-Фрейд многое мог бы порассказать о подобном увлечении. Эндрю в свою очередь поинтересовался, кто такой Фред. И это любимый моей дочери: продавец наркотиков, содержатель зверинца и еще к тому же дремучий невежда.

– И когда это у вас произошло? – спросил я.

– Когда что произошло?

– То, о чем ты мне говорила. – Я не говорила, что это уже случилось.

– Ну хорошо, тогда когда это ожидается?

– Наверное, уже скоро.

– Он что, уже предупредил тебя об этом?

– Не совсем так.

– Тогда как?

– Это было не предупреждение, вот что я имею в виду.

Скорее обещание, вот, что это было.

– А-а... ясно.

– Пап, ты только не волнуйся, ладно? Я просто хочу знать, как мне поступить. Разобраться во всем этом. Я думаю, что ведь все равно чему быть, того не миновать.

– И он уже пообещал, что у вас с ним это будет, так?

– Да. Более или менее...

– Как это, более или менее?

– Ну, он сказал, что иногда... ну, знаешь... что вдруг иногда ему начинает нравиться то, что... ну... это, что раньше вовсе даже и не вызывало у него чувства. Вот. Он сказал, что когда-нибудь он может – как это? – ага, что когда-нибудь он «не сможет удержаться от соблазна». Вот, он так сказал.

– Ему хочется вкусить запретного плода с Древа Познания, так ведь?

– Что? – переспросила Джоанна.

– Сопливый хозяин Библейского зверинца, вот он кто.

– Знаешь, пап, если тебе не нравятся змеи, то это уже твои трудности, а не Эндрю.

– Мне определенно не нравятся змеи, это уж точно. Но вот этот Эндрю раздражает меня даже в большей степени.

– Это я знаю.

– В таком случае, зачем ты у меня спрашиваешь о том, как тебе поступить?

– Потому что я уже спрашивала об этом у мамы, и она намекнула, чтобы я ходила к доктору Бееру за рецептом на таблетки.

– Таблетки!

– Ага.

– Боже праведный!

– Вот так.

– Твоя мать что, из ума уже окончательно выжила? Тебе же всего тринадцать!

– В сентябре будет уже четырнадцать.

– Так до сентября-то еще целый год!

– Наверное, она думает обо всем заранее.

– Даже чересчур, ты спрашиваешь... Но я надеюсь, что ты не согласишься.

– Я сказала ей, что подумаю над этим. И все же, что мне делать с этим Эндрю?

– А как другие девочки твоего возраста поступают в таких случаях?

– Единственная другая девочка, которая постоянно гуляла с Эндрю...

– А ты, значит, гуляешь с ним постоянно?

– Ну да, похоже на то.

– Что значит это «похоже»?

– Мы встречаемся только друг с другом. И ни с кем боль-

ше.

– Джоанна, ты еще слишком мала, чтобы...

– Ну, началось...

– ...чтобы связывать себя чем-то с каким-либо мальчишеским.

– Почти все девочки у нас в Святом Марке встречаются с парнями.

– И Роксана тоже?

Роксана была той самой девочкой, которая как-то раз сказала мне – я тогда как раз поливал составом «Чарко-лайт» подготовленные для костра брикеты, в предвкушении вечеринки с гамбургерами и хот-догами – что Эндрю Краувел скорее всего занимается перепродажей наркотиков. Джоанна в это время плавала в бассейне, ныряя и уходя под воду, словно акула. Я благоразумно не упоминал об этом разговоре, пока отец Роксаны не приехал в воскресенье за ней. Оставшись наедине с дочкой, я выдвинул перед ней довольно неординарное предположение, что Эндрю может оказаться замешан в махинациях с наркотиками, на что она весьма раздраженно заявила мне, что все это лишь досужие домыслы Роксаны. Перед самым Рождеством Роксане исполнилось четырнадцать, что делало ее на целых девять месяцев старше Джоанны. Роксана была невысокой и несколько полновазой девочкой, у нее были выющиеся черные волосы и умные карие глаза. Ее мать в свое время была выпускницей Вассара, и теперь сама Роксана уже тоже когда-нибудь собиралась

отправиться туда, о чем она постоянно рассказывала всем, кому только можно. А пока под видом приготовлений к этому событию, она старалась придать себе ученый вид, постоянно нося для этого очки в черной оправе. Роксана очень обыденно рассказывала мне о махинациях, которые Эндрю проделывает с марихуаной, как уже о давно свершившемся факте, так же запросто, как все дети в Калусе – а возможно, что и по всей Америке – говорят о наркотиках.

– Роксана гуляла с ним до меня, – сказала Джоанна.

– Роксана?

– Ага.

– С Эндрю?

– Ага.

Это неожиданное открытие, по крайней мере, было способно служить хоть каким-то обоснованием к необычайной осведомленности Роксаны в том, что кое-кто торгует «травкой».

– Ну а когда она встречалась с ним, – не сдавался я, – она что, разрешала ему?

– Запросто, – ответила Джоанна.

– Что?

– И всегда.

– Хочешь сказать?

– Угу.

– Эта маленькая Роксана?

– Угу.

Я покачал головой.

– Тут нечему удивляться, – заметила Джоанна.

– Удивляться? Да я потрясен, ведь ей же всего четырнадцать!

– Все этим занимаются, – проговорила Джоанна.

– Все...

– Ну, почти все. По крайней мере, у нас в Святом Марке.

– Да, если все упирается только в это, то тебя наверное считают неполноценной.

– Вообще-то это так. В смысле того, что меня там именно такой и считают. Честно говоря, когда я спросила у Роксаны... ну... это... дать ли мне Эндрю... чтобы он сделал то, о чем он пока только лишь думает, она лишь посмеялась надо мной.

– Наверное ей показалось, что это очень забавно, а?

– Ага.

– Очень смешно.

– Ага. И все же, надо или нет? В смысле того, чтобы позволить ему?

– Нет.

– Нет?

– Не Эндрю.

– Почему не ему?

– Не теряй себе цену, – сказал я.

Я просто не мог представить себе, как еще можно было бы сказать об этом. Я понимал, что лишь одной такой фра-

зы здесь чертовски недостаточно, я чувствовал, что вместо этого мне следовало бы дать какой-нибудь глобальный, всеобъемлющий совет, который возможно смог бы помочь моей дочери выбрать свой, правильный путь во взрослую жизнь, и может быть даже каким-то образом подготовить ее к первому робкому прикосновению, а также дать ей понять каким должен быть ответный шаг. Но все что я мог сказать ей, так это что с таким как Эндрю она просто-напросто будет унижена, что ей придется допустить этого человека себе... в конце концов к себе в душу, если уж на то пошло.

Джоанна молчала сравнительно долго. За открытыми окнами «Гии» мелькал унылый сельский пейзаж. До Энанбурга оставалось еще минут двадцать пути, а стрелки на часах показывали уже почти половину второго. Большой Парад участников родео должен был начаться ровно в два. Я знал, что сказал совсем не то, и совсем не так, и что единственным моим утешением может быть только то, что Сьюзен дала нашей дочери еще более идиотский совет. Предложила принимать таблетки! Боже мой!

– Вообще-то, – заговорила Джоанна.

Я затаил дыхание.

– Вообще-то, я еще даже не уверена, что мне самой хочется, чтобы он это сделал. Я думаю, что ты был прав насчет него, пап. Я не знаю точно, но возможно, ты действительно прав. И я думаю, что если я позволю это ему, то значит я позволю ему отнять у меня что-то такое очень личное, что-

то такое, что мне вовсе не хочется ему отдавать. Да уж... это было бы просто пошло, – заключила Джоанна и согласно кивнула.

Я промолчал. Я внимательно следил за дорогой.

– Спасибо, пап, – проговорила Джоанна, будучи весьма довольна собой.

А очень скоро она начала напевать какую-то мелодию из Элтона Джона, которую знал даже я.

На Большой парад участников мы опоздали, но тем не менее мы все же заняли места на теневой стороне арены как раз во время исполнения национального гимна. Первое состязание проводилось по выездке без седла, и сидевший рядом с нами мужчина сообщил, что с одним необъезженным жеребцом по кличке Гроза-Деннис и участвующего в жеребьевке под номером 18, никто из ковбоев не хотел иметь дело. «Сами увидите, когда кому-нибудь наконец достанется этот восемнадцатый, – повторял он. – Этот конь сбрасывает с себя любого седока всего через несколько секунд». И третьим из стойла был выведен именно Гроза-Деннис, и конечно же ковбой смог удержаться у него на спине не больше трех секунд, полностью подтвердив тем самым прогноз нашего соседа по трибуне. Потом мы еще посмотрели, как ковбои арканили и связывали телят, а также стали свидетелями скачек на необъезженных лошадях. Потом я поинтересовался у Джоанны, а не хотелось бы ей съесть хот-дог или еще чего-нибудь, и она призналась, что ей действительно хочет-

ся есть, и вообще, она уже проголодалась – чувство голода – это обычное состояние Джоанны – но ей все же не хочется, чтобы я пропустил шоу с быками, о котором наш всезнающий сосед по трибуне сказал, что после скачек на быках – это самый захватывающий и к тому же последний номер программы. Я сказал Джоанне, что скоро вернусь, и начал пробираться к выходу с трибуны мимо сидевших в нашем ряду зрителей, обратив внимание на то, что почти все они, как мужчины, так и женщины были в больших шляпах, и я пожалел о том, что это не я являюсь владельцем того одного-единственного на весь Энанбург галантерейного магазина. В то время, как я наконец выбрался с трибуны и направился к расположенным примерно на расстоянии пятидесяти ярдов лоткам, которые торговали едой, церемониймейстер объявил через микрофон и мощные динамики, что как раз в этот момент ковбои работали в паре, и «хейзер» направляет бег молодого бычка, а сам «булдоггер» в это время свешивается на скаку со своей лошади, стараясь крепко ухватить быка за рога и повергнуть его на землю. На вывеске, прибитой над маленькой деревянной постройкой значилось «ХОТ-ДОГИ, ГАМБУРГЕРЫ, ПРОХЛАДИТЕЛЬНЫЕ НАПИТКИ». Среди примерно десятка или поболее стоявших в очереди мужчин и женщин был и Джим Шерман.

Я не сразу сумел узнать его, потому что поначалу он стоял спиной ко мне, да и по одежде Джим ничем не отличался от большинства зрителей – джинсы и ботинки, рубашка-ков-

бойка с перламутровыми пуговицами, шляпа. Все же более обычными для меня было созерцать его в костюме в качестве одного из хозяев «Зимнего сада», или же в сильно облегających плавках, прогуливающимся по пляжу, выставляя на всеобщее обозрение свой великолепный загар. Делая заказ, Джим повернулся ко мне в профиль, и я тут же узнал его по аккуратному лисьему носу и по совершенным линиям покрытого бронзовым загаром подбородка. Как раз в это время он говорил девушке за прилавком, чтобы она завернула ему пару гамбургеров и что еще он возьмет две Кока-колы. Должно быть он краем глаза увидел меня; Джим Шерман обернулся в ту сторону, где я стоял на несколько человек позади него, и – каким-то отрешенным голосом – сказал: «Привет, Мэттью». Взяв свой заказ и расплатившись, он пристроился рядом со мной, прошептав мне при этом:

– Мне нужно с тобой поговорить.

– О чем? – спросил я.

– Об этом не здесь, – ответил Шерман, – давай лучше встретимся с тобой минут через десять. Я как раз за это время успею отнести все это Брэду.

– О'кей. А где?

– Здесь, у билетных касс.

– Конечно, – согласился я и посмотрел ему вслед, в то время как он направился обратно к трибуне.

Когда я принялся объяснять Джоанне, что мне нужно кое с кем поговорить, она заявила, что я могу идти, но только

в том случае, если позволю ей принять участие в скачках на телятах, которые должны были начаться непосредственно после шоу с быками, большую часть которого я все равно уже пропустил. Скачки на телятах, как объяснил нам наш сосед по трибуне, представляли из себя такой номер родео, когда любая девочка или мальчик, пришедшие на родео, могли спуститься вниз, на поле, куда предварительно выпускалось где-нибудь около десятка или поболее телят, и там нужно было отловить одного теленка, влезть ему на спину и уже таким образом добраться до финиша. Победителя ожидал денежный приз. «Но обычно в такого рода состязаниях победителями оказываются мальчишки,» – завершил он свой рассказ, и Джоанна недовольно надулась. Я оставил на ее попечение два хот-дога, упаковку картофельных чипсов и апельсиновый напиток, а сам отправился на поиски Джима Шермана.

Он стоял, прислонившись к прилавку и билетной кассы и попыхивая сигаретой. Увидев, что я направляюсь в его сторону, Джим вытащил сигарету изо рта и бросив ее на землю, растер каблуком ботинка. После этого он снял с головы шляпу и протер пришитую к ней изнутри кожаную тесьму, точно так же, как это делал Миллер во время нашей с ним встречи в его апельсиновых зарослях. Шерман снова водрузил шляпу на прежнее место.

– Ну и в чем же дело? – поинтересовался я.

– Я рад, что мне удалось случайно встретиться с тобой

здесь, – заговорил Шерман. – Я все равно собирался завтра утром зайти к тебе в контору. А теперь не придется лишний раз куда-то выбираться, – с этими словами он вытащил еще одну сигарету из нагрудного кармана своей ковбойки, вытянув лишь сигарету, не вынимая все пачки, а затем он зажег спичку о собственную задницу, обтянутую голубыми джинсами, и прикурил, выпустив изо рта струйку дыма и прищурив глаз, совсем как Гарри Купер или какой-нибудь другой герой-ковбой, какого Джим Шерман сегодня изо всех сил старался сегодня изобразить из себя здесь, в Энанбурге, штат Флорида. – Ко мне наведывались из полиции.

– По поводу?

– Они допытывались, не угрожал ли я Викки расправой?

– А ты что сказал?

– Естественно, что не угрожал.

– Ну и в чем же дело?

– А в том, что по-моему они мне не поверили.

– Ты с кем говорил? С детективом Блумом?

– Нет, с полицейским по фамилии Кенион. Рыжий парень похожий на ирландца, с веснушками по всей физиономии.

– А почему он считает, что ты ей угрожал?

– Мне кажется, что тебе-то это, как ни кому, известно, – проговорил Джим, глядя на меня в упор.

– Да, известно, – не стал отрицать я.

– И ведь это ты настучал на меня в полиции, не так ли?

– Я передал им информацию, которая возможно имела от-

ношение к преступлению. Да, в этом ты прав.

– Тебе не следовало бы так поступать.

– Это был мой долг. За сокрытие аналогичной информации Никсон чуть было не подвергся импичменту.

– Никсон был президентом Штатов. А ты пока что...

– Я адвокат. И я тоже давал клятву, что буду оказывать всемерное содействие закону.

– И ты, значит, подхватил служи...

– Если ты сказал Викки, что ей не жить...

– Но, черт возьми, ты же знал, что я имел в виду! Я говорил ей, что если из-за нее ресторан разорится, то я попру ее оттуда в шею! Коротко и ясно!

– Это было сказано тобой в порыве гнева, и поэтому могло быть расценено, как настоящая угроза жизни. Будь ты на моем месте, Джим, я думаю, ты бы поступил так же.

– Нет уж, Мэттью. Ты меня, конечно, извини, но мне кажется, что настоящие друзья не бросаются со всех ног к легавым, когда...

– Но ведь Викки тоже была другом.

– Ты доставил мне массу неприятностей.

– Не думаю. Блум сам говорил мне, что ты скорее всего грозился просто уволить ее.

– А тогда зачем он отправил ко мне своего фараона?

– Ему нужно было убедиться. Ведь никто же не арестовал тебя, ведь так?

– Но это еще вовсе не означает, что они не сделают этого

в дальнейшем, – заметил Джим. – Кто на меня донес тебе? Мэттью, скажи мне: кому так не терпелось рассказать о том, что я угрожал Викки расправой?

– Я не могу.

– Кто-нибудь из наших прошмандовок-официанток?

– Джимми, это бесполезно, я все равно...

– Это Мелани Симмс? Ну да, эта фрейлина королевы!

Та, что при каждом удобном случае старалась расцеловать всю задницу великой рок-звезды. Это она была у тебя, да, Мэттью?

– А что? Ей теперь тоже уже не жить?

– Почти, – сказать Джим и улыбнулся.

Я привез Джоанну в дом ее матери, где и сам я когда-то жил, не раньше семи часов вечера. Машина Сьюзен была припаркована рядом с домом, но это еще вовсе не означало того, что она уже вернулась домой; перед отбытием на Багамы Джорджи Пул заехал за ней не своим «Мерседесе Бенц» 450 SL. Я попросил Джоанну пойти и посмотреть, дома ли ее мать, а сам тем временем направился туда, где Реджинальд Соамс, бывший некогда моим соседом, поливал в темноте кусты азалий. Старик-Регги был немного туговат на ухо; он не слышал, как я подошел к нему. И лишь только когда я находился уже всего в трех футах от него, он совершенно случайно взглянул в мою сторону, и вздрогнув от неожиданности, сказал:

– Фу ты! Ты же меня до смерти напугал, сынок. Чего это

ты рыскаешь здесь в потемках?

– Хочу узнать, дома ли Сьюзен.

– Собираешься помириться?

– Я всего лишь дочку с выходных привез.

– А почему бы тебе не войти в дом, как это принято у цивилизованных людей?

– Ты это лучше у Сьюзен спроси.

– Обязательно, при первой же возможности, – пообещал Регги. – Я слышал, ты имеешь какое-то отношение к убийству, а?

– Не совсем.

– По телевизору сказали, что ты последний видел ее живой.

– Это так.

– Если тебя упрячут за решетку, – продолжал Регги, – я пошлю тебе туда сигарет, – она рассмеялся, но почти тут же снова посерьезнел, а затем вдруг ни с того ни с сего добавил, – Вообще-то говорят, что ночью не следует поливать. А я тебе скажу, если поливать днем, тогда на солнце все испарится. А вон и твоя дочь, – проговорил он, взглянув через мое плечо.

– Она дома, – сообщила Джоанна. – В ванной. Она сказала передать тебе спасибо. – Скажи ей, что не стоит благодарности, – ответил я, и обнял Джоанну за плечи.

– И еще, пап...

Джоанна отстранилась от меня и заглянула мне прямо в

глаза.

– Огромное спасибо, – сказала она. – По-настоящему огромное.

– О'кей.

– Понимаешь, о чем я?

– Понимаю, – ответил я.

Я смешал себе мартини, и подойдя к столу, включил автоответчик. В доме, где мы раньше жили все вместе, со Сьюзен и Джоанной, у меня был (и он все еще есть там) свой кабинет, где раньше и стоял этот самый автоответчик. Больше у меня нет кабинета. В доме, что я снял на материке, есть две спальни, гостиная, она же столовая и все. Ну и бассейн еще. Правда, маленький, но все же и его достаточно для того, чтобы освежиться в конце душного августовского дня, хуже которого мог быть только знойный день в сентябре. Первым в мое отсутствие позвонил Марк Голдман, который хотел услышать от меня, будем ли мы как и прежде играть с ним утром по четвергам в теннис. Второй звонок был от моего клиента по имени Артур Кинкаид, сказавший, что он раздумывает над тем, как можно получить льготы в налоге на угольную шахту, и поэтому он хочет, чтобы я просмотрел бы самую брошюру. Следом за ним звонила Дейл О'Брайен и попросила меня перезвонить ей, как только я вернусь домой. Я выключил автоответчик, так и не выяснив, звонил ли еще кто-нибудь после Дейл. Я набрал номер ее телефона в доме на рифе Виспер (я уже почти запомнил его наизусть) и после

третьего гудка Дейл сняла трубку.

– Привет, – сказала она, – а где ты был сегодня целый день?

– Мы с Джоанной ездили на родео. Тебе мы тоже попробовали дозвониться, я думал, что ты могла бы поехать туда вместе с нами.

– И с превеликим удовольствием, – заметила Дейл. – А когда ты звонил?

– Около полудня.

– Я тогда на пляже была.

– Значит, теперь доследующего раза, – сказал я. – А следующий раз ожидается ровно через двадцать семь лет, считая с сегодняшнего дня.

Дейл рассмеялась в ответ, хотя она и не могла понять смысла подобного объяснения.

– А что ты сейчас делаешь? – спросила она.

– Я только что вошел. В руке у меня бокал с мартини, который я собираюсь неспешно потягивать, пока буду дослушивать записи звонков на автоответчике. Если там вообще что-нибудь еще есть.

– А почему бы тебе вместо этого не приехать сюда? – спросила у меня Дейл. – У меня здесь тоже имеется мартини.

– Но ведь у меня мартини с «Бифитером».

– Может быть все же согласишься на «Тэнкерей»?

– Я скоро буду, – ответил я.

Дом Дейл стоял почти в самом конце рифа Виспер, где уз-

кий пролив вел к Стим-боат пасс, где и находился мост, соединявший Виспер с Фэтбаком. В результате недавнего голосования городским советом Калусы было принято решение, что все мосты будут подниматься для прохода под ними судов только один раз в полчаса, а не как это было раньше, когда от капитана требовалось лишь дать гудок, служившим одновременно и уведомлением о его приближении, и требованием немедленно поднять мост; сейчас было около половины девятого, и суда, скопившиеся к этому времени в проливе, готовились к проходу под мостами. На столбике ограждения, обозначавшего границу собственности Дейл и начало пляжа, восседал, словно утонувший в собственном оперении пеликан. Все небо было усыпано звездами.

Дейл уже подготовила мартини, а также подогрела целый противень слоек с сыром, и мы с ней сидели в уютном внутреннем дворике, а неподалеку шумел прибой. Из дома доносилась музыка – финал Второй Симфонии Эльгара. Кот Сассафрас, огромный кот, по величине ничуть не уступающий тому коту, что когда-то жил у меня, дремал, растянувшись у горшка с кактусом, и ему вовсе не было дела до прибоя, до нашего с Дейл разговора или до разных там кларнетов, арф и вторых скрипок.

– Мне было очень хорошо с тобой в Новом Орлеане, – проговорила Дейл.

– Боюсь, что на этот раз из меня получился не слишком удачный собеседник.

– Дочка твоя тоже мне очень понравилась.

– Спасибо.

Еще какое-то время мы сидели молча. Из колонок проигрывателя звучала вторая тема произведения Эльгара, плавно переходившая во вновь повторяемую первую тему. Я слушал, как с прибой с оглушительным грохотом разбивается о камни и ждал величественно-кульминационного отголоска третьей темы этого сочинения.

– Знаешь, ты меня тогда почти сразил наповал, – сказала Дейл.

– Кто? Я?

– Ну, почти. Когда ты так неожиданно пригласил меня в ресторан. Большинство мужчин... я конечно не хочу произвести впечатление умудренной жизнью женщины, когда кто-нибудь говорит «большинство мужчин», или «большинство политиков» или вообще «большинство кого-нибудь», то на деле это означает, что такие люди рассказывают о своих собственных впечатлениях, о том, что известно им самим. С тех пор, как я обосновалась в Калусе, мне мало доводилось общаться здесь с окружающими меня людьми. Но все же большинство мужчин, – она улыбнулась, – возможно в подобной ситуации вели бы себя несколько более сдержанно.

– А тебя это что, шокирует? То, что я...

– Нет, нет, конечно же, нет. Мне это тогда весьма польстило. И... это было здорово, Мэттью. Ты мне определенно приглянулся. Это было потрясающе.

– Знаешь, а ты очень красивая женщина, – сказал я.

– И ты. То есть в смысле того, что мужчина, – Дейл смущенно замолчала, а потом предложила, – Пойдем, погуляем по пляжу?

Перед тем как уехать к Дейл, я переоделся. Теперь на мне были джинсы, футболка и сандалии. Дейл была босиком, одетая в просторный легкий халат из белой хлопчато-бумажной ткани. Я снял свои сандалии, закатал джинсы и пошел вслед за ней, мимо пеликана, все еще спящего на ограде – на пляж. Песок под ногами был довольно прохладным. Парусные шлюпки уже полным ходом двинулись к проливу; в половине девятого – мосты были подняты.

– Касательно сражения наповал, – заметил я.

– Что такое?

– Ты ведь тоже. В том смысле, что и ты поразила меня. Я не ожидал того, что ты станешь приглашать меня в ресторан. А потом ты все же сама напросилась с нами в Новый Орлеан.

– Ты себе даже представить не можешь, как я волновалась тогда.

– Ты о чем?

– Когда звонила тебе. Хотела пригласить тебя на ужин. Я ведь никогда в жизни не делала ничего подобного.

– Да? Но говорила ты тогда очень обдуманно и самоуверенно.

– Это была только видимость, – она на секунду замолчала. – Я была в ужасе от нашего первого свидания – ты навер-

ное тоже терпеть не можешь слово «свидание»?

– Точно, – улыбнувшись, ответил я.

– Для людей нашего возраста оно уже неуместно. На свидания бегают подростки, а взрослые... – она повела плечами. – Так или иначе, но тогда я здорово перепугалась.

– Почему?

– Потому что все это у нас было так быстро, так стремительно. Я ненавижу пустую болтовню. А ты почти сразу же открылся мне, Мэттью, я была... мне кажется, что это было проявлением оказанного мне доверия. И мне это льстило, – она помолчала. – Ты единственный, кому я когда-либо рассказывала о том своем художнике из Сан-Франциско, – продолжала Дейл. – До тех пор эти воспоминания были чем-то сугубо личным и оттого крайне болезненным. Я не знаю, отчего я вдруг решила поделиться ими именно с тобой, возможно потому что я вдруг как-то сразу поверила тебе, – она снова сделала небольшую паузу. – Ведь к этому же все идет, правда, Мэттью? В конце концов-то, а? Два человека, доверяющие друг другу настолько, чтобы полностью излить свою душу? Друг перед другом, да? – проговорила Дейл, и неожиданно повернувшись ко мне, она обняла и поцеловала меня.

Мы стояли, обнявшись, на самом краю океана. Я потянулся к ней, она прижалась ко мне всем телом; под халатом у нее ничего больше не было, я сразу понял это. Мы нежно поцеловались, как будто подобное случалось с нами уже много-много раз, а также это же ожидает нас и в будущем, и поэтому

мы можем позволить себе никуда не спешить. После мы шли обратно к дому, взявшись за руки, слева от нас прибой разбивался о берег, вода обегала наши босые ноги, последние парусники входили под поднятым мостом в залив. Оказавшись в спальне у Дейл, мы неторопливо разделись и снова поцеловались, наши языки, наши руки еще только осторожно разведывали, изучали, наши обнаженные тела привыкали друг к другу. Мы не торопились. Простыни и наволочки на подушках были нежно-зеленого цвета, прохладные и слегка влажные на ощупь. Дейл сняла очки, положила их осторожно на ночной столик у кровати, и затем она откинулась на подушки. Ее рыжие волосы разметались по нежной зелени белья, соски на ее груди были нежнейшего розового цвета. Ее волосы на лобке показались мне поразительно светлыми, они почти ничем не напоминали по цвету значительно более яркие волосы Дейл, к которым я уже так привык. На какой-то момент я приподнялся над ней, а затем наши губы снова слились в поцелуе.

Теперь мы были уже более нетерпеливы, наши поцелуи становились все более требовательными, и вот Дейл развела ноги в стороны, и я немного приподнявшись сначала над ней, вошел в нее. Она была очень теплой и влажной, это я ощутил, при первом же движении. Дейл что-то тихо промурлыкала. Одной рукой она обняла меня за шею, а другая ее ладонь покоилась на моем плече. Я приподнял ее за бедра, чтобы она стала еще ближе ко мне, она открывалась мне

навстречу, она была согласна на все. Сперва движения наши были спонтанными, мы двигались довольно разрозненно, несколько раз жестко ударившись друг об друга, пока наконец-то нам не открылся новый яростный ритм. «Да», – шептала Дейл, «Да», – вторил ей я, ее губы были у самого моего уха, я же уткнулся лицом в ее разметавшиеся рыжие волосы. «Да, еще», – стонала она, и «Еще, еще», – вторил ей я, слова и тела вторили друг другу, пока мы наконец не достигли той единственной точки во времени и пространстве, где мы слились воедино. «О Боже!» – стонала Дейл, извиваясь подо мной в поисках избавления, прогибаясь под охватившими меня спазмами. Мы откинулись на сбившиеся простыни, и теперь уже просто лежали, крепко обнявшись, полностью обессиленные перед лицом той маленькой смерти, что нам только что удалось пережить.

– Уф! – сказала Дейл, немного отдышавшись.

– Дейл, – стонал я, – Дейл...

– О, боже ты мой, было здорово.

– Дейл, Дейл...

– Уф!..

Позже я объяснил ей, как меня поразили светлые волосы у нее там, и тут же шутливо поинтересовался, какой же она была на самом деле: натуральная блондинка или же все-таки рыжая, – предположив, что скорее всего в одном из этих мест она все же наверняка подкрашивается для того, чтобы произвести особое впечатление. Дейл же ответила мне на это,

что она настоящая в обоих местах, и что сначала, когда она еще только-только начинала взрослеть, то тогда охватившему ее ужасу не было предела, когда стало уже очевидным, что там у нее растут волосы светлого пшеничного цвета, а вовсе не рыжего.

Позднее – в возрасте семнадцати лет – она смогла убедиться, что подобный диссонанс в цвете волос впоследствии сумел шокировать не только ее, а еще по крайней мере одного представителя мужской породы, или лучше сказать единственного из мужчин, которому довелось увидеть ее нагишом, и который по сути изнасиловал ее, до такой степени возбудила его эта многоцветность. В то время Дейл училась в выпускном классе школы. Она была очень прилежной ученицей, уже в десять лет решившей для себя, что ей хочется быть или врачом, или юристом. Впрочем, в скором времени, после того, как Дейл потеряла сознание при виде червяка, которого в ходе игры ее одиннадцатилетний знакомый разрезал на две половинки, выбор был сделан однозначно в пользу юридического образования. Будучи твердой отличницей (по всем предметам, за исключением музыкального воспитания, по которому у нее единственной в классе была лишь посредственная оценка, и все из-за полного отсутствия музыкального слуха, которое сохранилось у нее и по сей день, в независимости от того, сколько уже раз она вновь и вновь слушала Вторую симфонию Эльгара), Дейл и сама не знала, как получилось так, что она связалась с одним из самых крутых

школьных атлетов, который в одну из ночей и стянул с нее трусы на одном из калифорнийский пляжей, и при лунном свете он увидел, что волосы под трусами никак не вяжутся по цвету с волосами на голове, после чего он уже озверел окончательно и быстро начал стягивать с себя футболку, джинсы, кеды и пропитанные потом носки, бросая все это как придется на песок, в то время как она дрожала всем телом в девичьем предвкушении, что сейчас внутрь нее должен будет войти инструмент, про который рассказывали (три девчонки из группы поддержки), что величине и всем прочим достоинствам равным ему нет. Там же на пляже он и трахнул ее («Я вся потом была в песке», – вспомнила Дейл), а затем совершил небольшую пробежку, типа той, что он обычно делал на футбольном поле, когда ему удавался тач-даун, а потом он вдруг стал выть на луну, словно оборотень. Дейл уже начала было опасаться, что он свихнулся окончательно, и только позднее до нее наконец дошло, что он к тому времени уже порядком обкурился «травкой», которую ему привез из Мексики один его приятель, и которую он даже не предложил ей попробовать.

Но после того, как нападающий их школьной футбольной команды подошел к ней в школьном буфете и спросил, правда ли это все, что говорят о ее «перманенте», Дейл убедилась, что и язык у ее футболиста оказался таким же длинным, как и все остальное. Как только до нее дошло, что имеется в виду ее необычная пигментация, она тут же приложи-

ла его прямо в нос подвернувшемуся под руку учебником истории, а затем сразу же уехала домой в машине, которую отец подарил ей на семнадцатилетие («Мустанг» 1966 года, пронзительно – красного цвета, который подходил по крайней мере под цвет ее прически). Дома Дейл закрылась в спальне и стала рыдать, жалея о своей утраченной девственности, и о том, что самым первым ее любовником оказался такой идиот, но затем рыдания сами собой превратились в смех, когда она поняла, что у него хватило ума хвастаться перед своими товарищами по команде ее «персанентом» – так значит, этот идиот на самом деле решил, что она специально для него подкрашивалась в парикмахерской!

После подобного случая Дейл стала с большой осторожностью относиться к акту раздевания, предшествующему непосредственно занятиям любовью, возможности для которых в ее родном городе были резко ограничены, если не принимать во внимание остальных игроков футбольной команды их школы. И ничего подобного не случалось с ней до тех пор, пока она не поступила в Калифорнийский университет в Санта-Круз. Дейл было тогда уже восемнадцать, и она всерьез думала над тем, чтобы получить где-нибудь лет через семь диплом юриста, когда на ее жизненном пути встретился еще один парень, («Вообще-то ему был тридцать один год, и он преподавал химию»), который наконец сумел дать правильное обоснование подобной несопоставимости окраски волос в разных местах. Как обычно, (к тому времени сексу-

альный опыт Дейл включал в себя ее одного знакомого) она оставалась полностью одетой до тех пор, пока в маленькой квартирке, где и жил ее преподаватель, разом не был выключен весь свет, и – после того как они один раз уже отзанимались любовью – она лежала, натянув на себя простынь до самого подбородка, когда вдруг он включил бра над кроватью и начал шарить в ящике стола в поисках пачки сигарет. Крепко вцепившись в край простыни, как будто это был ее спасательный плотик в кишасщем акулами океане, она с беспокойством ждала, когда же наконец свет снова будет выключен. Но вместо этого он лишь неторопливо попыхивал сигаретой, и провел свободной рукой по всему ее телу (все еще надежно накрытому простыней), а затем запустил ее под простыню и начал гладить ее живот и грудь, провел рукой по ребрам, а потом наконец добрался до скрытого треугольника жестких золотистых волос между ног, все еще влажному от ее собственных соков и его стекающей спермы; он поглаживал ее там до тех пор, пока в ответ она снова слегка не раздвинула ноги, а он все гладил и гладил ее, не вынимая руки из-под простыни, пока Дейл под ней уже вся не затрепетала от переполнявшего ее возбуждения, а потом он вдруг резко дернул за край простыни, стягивая ее в сторону, с ее тела, с ее заветного золотистого островка, и он уже было склонился к нему, а затем быстро отпрянул назад, выговорив изумленно только одно слово: «Невероятно».

Он начал самым внимательным образом изучать ее лоно,

равно как и окружавшую его золотистую поросль, как это может делать только такой одержимый ученый, как он, трогая и разглядывая, бормоча себе что-то под нос, и в конце концов он выдал целую с научной точки зрения обоснованную лекцию о том, что пигментация волос человека во многом определяется его или ее генами, или точнее сказать, количеством содержания «меланина» в клетках волос. Если меланина много, то несомненно, у того человека будут черные волосы и «скорее всего темно-карие глаза», – изрек ее ученый муж, – «это обычное соответствие». Если же содержание это не столь значительно, то в результате мы получаем темно – или светло-русые волосы, и так далее, пока минимальное содержание меланина не станет причиной появления светлых волос. «Но волосы с рыжим оттенком, – проговорил он, – ага, рыжие волосы!»

Причиной появления рыжих волос, как это принято считать, является совсем другой ген, который мог быть полностью подавлен более сильным геном меланина, окрашивающего волосы человека в черный или русский цвет. Но все же, если, в наличии имеется такой «ген рыжих волос», а содержание меланина при этом очень незначительно, то цвет волос будет наверняка рыжим. В случае Дейл, он был готов держать пари, что содержание меланина не было таким уж незначительным, в противном случае, волосы на ее голове должны были бы быть совершенно ярко-рыжего оттенка, словно апельсин, как это иногда встречается у многих ир-

ландцев. Рыжевато-каштановый оттенок волос указывал скорее всего на его умеренное содержание («Должен добавить, что смотрится это очень даже мило», – сказал он). Затем он перешел к обоснованию разницы в оттенках волос, и не смог удержаться от того, чтобы вновь не погладить ее там, а также запечатлеть все на том же месте свой ученый поцелуй.

«Можно с относительной уверенностью утверждать, что если у человека рыжие волосы, то он несет в себе один или два таких гена в дополнение к коричневому или белому генам, – говорил он. – В твоём случае, я бы предположил, что у тебя один рыжий ген, один белый и один коричневый, которым ты и обязана темно-рыжим цветом волос на голове („Я предпочитаю считать их золотисто-каштановыми,“ – заметила робко Дейл, на что он ответил: „Ну, ладно, рыжевато-каштановыми, если тебе так больше нравится) и пшеничным оттенком волос там. Даже среди шотландцев, среди которых встречается наиболее в процентном отношении число рыжеволосых людей, иногда можно встретить человека с рыжими усами, в то время как волосы на голове у него растут черные как воронье крыло. И возвращаясь к твоей киске, вполне можно предположить, что здесь нашел свое выражение скрытый белый ген, проявившийся только при неожиданной поддержке со стороны расположенных в данной части твоего тела желез. Все это абсолютно в порядке вещей, и ничего сверхъестественного здесь нет“.»

Нельзя было утверждать, что Дейл тут же поверила тому,

что он ей только что наговорил, но тем не менее, она почувствовала некоторое облегчение от того, что эта ее «меланиновая мутация», как он сам только что окрестил ее, не сподвигла его на крайнее проявление безрассудного умпомешательства, хотя в то же время Дейл очень сомневалась, что преподаватели химии, взятые как вид, имели обыкновенные совершать в подобных случаях небольшие победоносные пробежки. Но одновременно с этим она все же заметила, что во второй раз он достиг оргазма несколько быстрее. Отнеся это возбуждение за счет своего сокровенного знания, Дейл решила, что в конце концов несколько странная разница в цвете ее волос была вполне нормальной (пусть даже и не совсем обычной), и если от нее также... скажем так, возбуждаются некоторым образом мужчины, то ну и черт с ней. Она больше ни за что не станет сбривать там волосы, как она решила делать, когда ей исполнилось двенадцать, и там, внизу, у нее начали пробиваться первые светлые (светлые!) волосики; и подкрашивать в основной цвет волос она тоже их не будет. На деле же она наоборот будет выставлять их напоказ – точно так же, как женщина с татуировкой Морьяка Папайи на одной из ягодиц может пикантно и весьма привлекательно продемонстрировать ее любовнику, заметив вместе с тем, что теперь он посвящен в святая святых ее наиболее интимных женских секретов.

– И вот теперь я щеголяю этим, – сказала Дейл и слегка приподняла бедра, таким образом, что свет от бра упал на

островок совсем почти белых волос между ног, а потом она резко наклонила голову вперед так, что контрастирующие рыжевато-каштановые волосы упали и рассыпались у нее по лицу. Так она и лежала в ожидании, притихшая, словно окутанная сверху осенней листвой.

Я раздвинул занавес волос и поцеловал ее в губы.

Глава 9

– Это Афтра, – заявил мне Блум по телефону.

На часах было начало десятого, и я уже начинал опаздывать. Я только что вышел из душа и стоял, обвязав вокруг бедер полотенце, причем вода с меня капала прямо на белый ворсистый ковер, лежавший на полу спальни и обошедшийся должно быть моему домовладельцу, у которого я в настоящее время снимал жилье, по крайней мере в двадцать долларов за один квадратный ярд.

– По-моему, все это должно писаться заглавными буквами, – предположил Блум. – Заглавная А, заглавная Ф, заглавная Т...

– Это что? – поинтересовался я. – Страна в Африке, что ли?

– Афтра-то? Нет, это название профсоюза. Американская федерация Теле – и Радиоактеров. В этом профсоюзе состоит и Эдди Маршалл. Или – как он у них там значится – Эдвард Ричард Маршалл. Не далее, чем пять минут назад я звонил в их штаб-квартиру в Атланте. Там они сверились со своими записями и выдали мне его адрес, по которому он сейчас по идее и должен проживать в городе Валдоста, население около 35 тысяч, округ Лаундес. Это совсем недалеко от границы с Флоридой. Мы уже позвонили ему туда, но ответа пока нет. Кенион только что закончил с теми списками,

которые нам прислала та милая леди из Скоки. Он разыскал в них семь радиостанций, находящихся в Валдосте. Теперь мы обзваниваем их все, стараемся разыскать Маршалла.

– Хорошо, – одобрил я.

– Я сначала позвонил тебе в офис, – сказал Блум. – Но мне сказала, что ты там сегодня еще не появлялся.

Это звучало упреком. Я промолчал. От Дейл я ушел примерно часа в два ночи, и поспать мне удалось – периодически засыпая и вновь просыпаясь – меньше шести часов; и даже после душа я не ощущал себя бодрее.

– Мы наконец-то дозвонились до Миллера. Он будет у нас в одиннадцать, сразу же после похорон девочки. Кстати, который сейчас час?

– Я еще не надел часы, – ответил я.

– Вот, десять минут десятого – ответил Блум сам себе. – Мне бы очень хотелось, чтобы ты услышал, что он будет там говорить, но если ты придешь, то он просто наверняка начнет визжать, что мы нарушаем его права. Может быть мне удастся убедить его, чтобы она разрешил нам записать весь разговор на магнитофон. Как ты думаешь, он на это согласится?

– А почему бы тебе его самого об этом не спросить?

– Еще успею. У меня на этот случай заготовлен беспроигрышный прием, называется «Если-вам-все-равно-ничего-скрывать». Где ты будешь примерно часов в одиннадцать – в половине двенадцатого?

– У себя в конторе. По крайней мере, надеюсь на это.

– Я позвоню тебе туда. Ты ведь не идешь на похороны, да?

– Нет, я не могу.

– Ну и ладно. Мы с тобой еще потом успеем поговорить.

– А я вчера случайно встретил Джимми Шермана, – ска-

зал я.

– Вот как? И где же?

– На родео. В Энанбурге. И знаешь, он был очень недоволен, что я поставил в известность полицию.

– Можешь ему передать, чтобы он может расслабиться.

Мы сейчас щупаем более крупную рыбку.

– Я ему то же самое сказал. А рыбка-то кто?

– Тот, кто убил Викки и ее малышку. Во всяком случае, я уверен, что он тут не при чем. Но мы с тобой после еще поговорим.

– Ладно, – согласился я, и положив трубку на аппарат, вновь вернулся в ванну, собираясь побриться. Все мое лицо было в пене для бритья, когда снова раздался телефонный звонок. Это был Артур Кинкейд, который звонил мне еще вчера в мое отсутствие, и желающий узнать, как можно защитить угольную шахту от налога.

– Ты что, никогда не отвечаешь на звонки? – спросил он у меня.

– Арти, я вчера очень поздно вернулся домой. Извини.

– Я только что звонил тебе в офис, – продолжал он, – ты знаешь, сколько сейчас времени?

– Девять часов двадцать минут, – ответил я, взглянув на часы у кровати.

– Правильно. А работать ты во сколько начинаешь?

– Арти, – снова заговорил я, – сегодня утром я опаздываю.

Пришли мне брошюру, я просмотрю ее и верну тебе.

– Когда?

– Когда сделаю для себя необходимые выводы?

– И когда же это случится?

– Я позвоню тебе в конце недели, – пообещал я.

– Я пошлю к тебе рассыльного.

– Отлично.

– Ты сможешь заняться моим вопросом сегодня же?

– Вряд ли.

– И когда же в таком случае?

– Арти...

– Ну ладно, ладно, – сказал он. – Как только появится возможность тогда, ладно?

– Да, – уверил я его.

– Спасибо, Мэттью, – поблагодарил он и повесил трубку.

Я быстро закончил с бритьем, ополоснул после него лицо холодной водой, почистил зубы, а также уже успел причесться, когда телефон снова зазвонил. Я выскочил голый из ванной комнаты и сорвал трубку с рычага:

– Алло!

– Вот это дал, – сказала Дейл.

– Ой, привет, – ответил я. – Извини, но этот телефон про-

сто не замолкает.

– Я знаю. Вот уже минут десять прошло, как я пытаюсь дозвониться до тебя.

– Ты где?

– Дома, – ответила она. – Еще в постели.

– Я и сам не так давно проснулся.

– А я не выспалась, – пожаловалась Дейл.

– И я тоже.

– А у меня в офисе в половине одиннадцатого назначена встреча с клиентом, а который час?

– Половина десятого.

– Наверное, мне и впрямь уже пора вставать, да?

– Я тоже так думаю.

– Жаль, что тебя сейчас нет со мной, – прошептала она.

– М-м, мне тоже.

– Когда мы снова увидимся?

– Как насчет сегодняшнего вечера?

– Тогда во сколько?

– Я еще не знаю, что меня ожидает сегодня в конторе. Знаешь, давай я тогда тебе попозже перезвоню.

– О'кей, в таком случае я не стану планировать на сегодняшний вечер ничего другого, – Дейл немного поколебалась. – Мэттью... – начала было она.

– Да?

– Нет, ничего. Мы с тобой потом поговорим.

– И все же, ты что-то хотела мне сказать?

– Нет, ничего.

– Ну тогда ладно.

Мы распрощались, и я начал одеваться. Но едва я только успел надеть трусы, как вновь раздался телефонный звонок. Я скептически уставился на телефон. Пусть себе звонит. Я продолжал глядеть на него. Наконец я первым сдался и снял трубку.

– Алло? – устало сказал я.

– Мэттью, это опять я, – заговорил Блум. – Мы нашли Маршалла, по крайней мере, нам теперь известна радиостанция, где он работает. Это маленькая станция в Валдосте, транслирует в основном рок-музыку. Я разговаривал с тамошним менеджером, его зовут Ральф Слейтер, так вот, он рассказал мне, что Маршалл в прошлую пятницу взял себе недельный отпуск, и сразу же после своей передачи – он у них там ведет утреннюю программу с 9 до 12 часов – так вот, сразу же, лишь только окончив работу в эфире, он уехал. Сказал, правда, что отправляется на рыбалку, на Рифы. И он все еще не вернулся.

– Но возможно...

– Но ведь уж утром-то сегодня он должен был уже вернуться, – перебил меня Блум. – И отсюда вытекает вопрос: где же, черт возьми, он до сих пор шляется?

Я не смог вырваться к Блуму раньше, чем в два часа дня, потому что к тому времени, как я появился у себя в офисе, там для меня набралось уже около трех дюжин звонков, и

кроме того, двое клиентов ждали меня в приемной. Потом еще позвонил Эйб Поллок и пригласил отобедать с ним в виде компенсации за то, что он до сих пор еще не представил мне тех винных цифр, а также пообещал, что самое позднее завтра они у меня будут, и он приложит все усилия к тому, чтобы вытрясти их наконец из своего клиента. После обеда мне позвонила Джоанна, которая сообщила, что сегодня утром она случайно ушла в школу без денег, и что именно сегодня ей нужно заплатить за ежегодник, так как сегодня уже крайний срок, в связи с чем не мог ли я передать ей с кем-нибудь чек на двенадцать долларов пятьдесят центов. Я выписал чек и попросил Синтию отвезти его; после чего я связался с Фрэнком по селектору и сказал ему, что сегодня во второй половине дня я никак не смогу встретиться с ним и с Карлом, потому что мне позвонил Блум и он хочет, чтобы я прослушал магнитофонную запись допроса Двейна Миллера. Фрэнк же в свою очередь поинтересовался у меня, с каких это пор я начал работать на полицейский департамент Калусы.

Мы слушали кассету с записью, сидя у Блума в кабинете.

Блум рассказал мне, что Миллер явился к ним добровольно, после того, как им наконец удалось дозвониться к нему домой в Манакаву. Миллер заявил, что он вместе с друзьями был на рыбалке, уехав туда на рассвете в субботу, и приехал домой только вчера поздно-поздно вечером. Он ничего не знал о смерти внучки, до тех пор, пока детектив Кенион не

сказал ему об этом во время телефонного разговора. Кажется, что он был раздражен, что Кениг – а не он – занимался всей организацией похорон. Но к моему удивлению, не смотря на свой обычно достаточно сварливый характер и на то, что он был чрезмерно недоволен тем, что Кениг сосредоточил все в своих руках, в то время как сам Миллео считал, что все это было его дедовским долгом, он все же сказал Блуму, что не станет возражать против того, чтобы весь разговор с ним был бы записан на магнитофон; на данном этапе его заботило только одно – чтобы поскорее нашли того негодяя, виновного в смерти Викки и Элисон. Запись начиналась с того, что кто-то, предположительно Блум, подув в микрофон монотонно произнес: «Проба раз, два, три, четыре», после чего раздался щелчок, наступила пауза, затем снова послышался щелчок и голос Блума сказал: «Производится запись вопросов, задаваемых мистеру Двейну Миллеру и его ответов на вышеуказанные вопросы, запись сделана двадцать первого января, в десять часов пятнадцать минут утра в Отделе общественной безопасности Департамента полиции города Калуса штат Флорида. Вопросы мистеру Миллеру задает детектив Моррис Блум в присутствии детектива Питера Кениона». Наступила вторая пауза, после которой Блум вновь по полной программе завел свое извечное «Миранда-Эскобедо» и вытянул из Миллера подтверждение тому, что, да, она желает отвечать на задаваемые полицией вопросы в отсутствие своего адвоката. Начался сам допрос:

– Мистер Миллер, до того как я включил магнитофон вы сказали мне о том, что вы с раннего утра в субботу до позднего вечера вчера, то есть до ночи с воскресенья на понедельник, находились на рыбалке. Вы можете сказать мне, во сколько вы ушли из дома в субботу?

– За мной заехали без четверти пять утра.

– Значит, в четыре часа сорок пять минут утра в субботу, девятнадцатого января, правильно?

– Да.

– И когда вы возвратились домой?

– Примерно в два часа ночи.

– В два часа утра сегодня? В понедельник двадцать первого числа?

– Да.

– Было ли вам известно во время вашей поездки, что ваша внучка Элисон Кениг...

– Нет, я не знал об этом.

– Что она была найдена мертвой вечером в пятницу?

– Нет, я об этом ничего не знал. Если бы я об этом знал, то никуда бы тогда не поехал. Я лишь просто поехал немного развеяться после смерти Викки.

– Вы были в лодке все это время?

– Да.

– А радио у вас в лодке было?

– Да, радио у нас было, но мы его не включали за ненадобностью. Погода и так была замечательной, и нам не было

нужды слушать прогноз погоды или еще что-нибудь.

– А кто еще был там вместе с вами?

– Стен Хоппер, хозяин лодки, и еще Дик Олдхэм.

– Значит, вас было только трое.

– Да, это так.

– А кому-нибудь из ваших знакомых было известно о смерти вашей внучки?

– Нет, сэр, они ничего не знали.

– Мне бы хотелось связаться с ними позднее, если вы не возражаете...

– Совсем не возражаю.

– С тем, чтобы удостовериться в том, что указанное вами время соответствует действительности.

– Да, хорошо.

– Мистер Миллер, мне бы хотелось услышать от вас о трасте, который вы учредили для своей дочери в 1965 году.

– Что именно?

– Я уверен, что вам известны условия трастового соглашения.

– Я сам учреждал тот траст, и естественно я знаю его условия.

– Как например, вам известно и то, что ваша дочь Викки была основным бенефициаром...

– Да, мне это было известно.

– А ваша внучка была альтернативным бенефициаром.

– Тогда еще нет.

– Что вы имеете в виду?

– Когда я учреждал тот траст, у меня еще не было внучки. Викки тогда еще даже замуж не вышла. Это был 1965 год, ей было только двадцать лет.

– Но из того, что я понял...

– Да, там есть условие, касающееся детей, чтобы в случае рождения у нее детей, они стали бы альтернативными бенефициарами, да. И так получилось, что у нее была только одна Элисон. Викки не смогла доносить первого ребенка.

– Мистер Миллер, а вам было известно о том, что в случае смерти вашей дочери и внучки до того, как истечет срок трастового соглашения, весь аккумулированный доход и основной капитал должен быть возвращен вам как учредителю траста?

– Да, мне было об этом известно.

– Вы знали, когда должен был истечь срок по этому соглашению?

– Да. Он истекал в день рождения моей дочери, когда ей должно было исполниться тридцать пять лет.

– Вам известна точная дата?

– Двадцать второго января.

– Значит, завтра вашей дочери должно было бы исполниться тридцать пять лет.

– Да.

– И вы знали обо всем этом.

– Я знал об этом, да.

– Мистер Миллер, вы виделись с дочерью накануне ее первого концерта в ресторане «Зимний сад»? Вечером в четверг, десятого января?

– Да, я навещал ее.

– И где происходила эта встреча?

– У нее дома. На Цитрус-Лейн, недалеко от парка.

– Зачем вы приходили к ней?

– Чтобы попытаться убедить ее воздержаться от того, что она собиралась сделать.

– Что вы имеете в виду? Поясните.

– Ту работу в «Зимнем саду». Я говорил ей, что ей все это боком выйдет. Я говорил, что еще совсем не поздно все отменить, наладить связь с Эдди Маршаллом – о том, как ей следовало прежде всего поступить, если ей уж на самом деле вздумалось снова приняться за свою карьеру.

– Вы считали, что мистер Маршалл смог бы помочь ей в этом, не так ли?

– А как же! Наверняка. Ведь это Эдди устроил так, что она стала звездой. И если вас все же интересует и мое мнение, то и замуж ей тоже следовало бы выходить за него, а не за безмозглого выжигу Тони.

– Вот как? А что, разве отношения между вашей дочерью и мистером Маршаллом в какой-то мере выходили за рамки чисто профессиональных?

– Вы что тут, сговорились поиздеваться надо мной?

– Нет, я...

– Но где же вы тогда были, когда все это вершилось? Вы что, с луны свалились? Ведь тогда, в шестидесятых невозможно было даже найти такого журнала, где не писали бы чего-нибудь о моей Викки. И об Эдди тоже.

– Вы имеете в виду их личные взаимоотношения?

– Да, об том романе, что был тогда между ними, в том числе, если вам уж так больше нравится это название. И вот что я вам скажу: я был твердо уверен, что когда-нибудь они с Эдди поженятся, и ведь все к тому и шло. Но это все Тони, это он ей голову вскружил, а вернее все эти его крутые друзья. Моя дочь была всего-навсего обыкновенной девушкой, можно даже сказать, простушкой – конечно, для всех она была великой рок-певицей, звездой, да, это так, но в душе она все же так и осталась босоногой девчонкой из Арканзаса. Может быть, то была моя вина, не знаю. Знаете, я все вложил в тот траст, и весь доход по нему возвращался в него же, а Викки я сам выдавал лишь более чем скромное содержание. Все и ничего сверх этого. И вот, значит, Викки зачастила к этому Тони в его огромный особняк, а там постоянно собирался высший свет Нового Орлеана, политики из Вашингтона, разные там знаменитости, певцы и певицы со всей страны, а также владельцы радиостанций и студий звукозаписи, и не успел я оглянуться, как она стала уже от Эдди нос воротить, не нужен он ей стал. Да и кем он был в ее глазах? Всего-то лишь какой-то там паренек-итальянец из Калифорнии. И всего-то. И не имеет значения, что это его

усилиями она стала звездой. Но с тех пор, как Тони Кениг вцепился в нее, моей дочерью такие мелочи в расчет уже не принимались.

– Итальянец? Надо же, а зовут-то его...

– Так ведь он поменял себе имя. Давно уже.

– А вы случайно не знаете его девичье имя?

– Что?

– Ну, то его имя, с которым он был рожден.

– Нет, не знаю. И не думаю, что мне вообще хоть когда-нибудь доводилось его слышать. Он изменил имя еще до своего отъезда из Калифорнии. А когда мы с ним познакомились, он был уже Эдди Маршаллом. – И как он отреагировал на то, что ваша дочь решила выйти замуж за Кенига?

– А я-то откуда знаю? Он об этом никогда и ничего не говорил. Но мне, лично, кажется, что это его должно было бы очень сильно задеть. А вы так не думаете? Ведь это только благодаря ему моей дочери удалось выпустить целых три «золотых» диска, разве нет? Они же всегда была вместе, и наверняка она с ним за все это время успела переспать, и не раз. Ведь дети всегда желают жить иначе, чем жили их мы, родители, когда и мы были в том возрасте, сколько лет было им тогда. Так что я уверен, что Эдди спал с ней, точно также как я уверен в том, что когда Викки объявила о своем решении выйти замуж за Кенига, Эдди наверняка очень расстроился. Но вот одно я могу сказать определенно: Викки совершила ошибку. А потом она уже начала работать на износ,

очевидно, пытаясь таким образом хоть как-то примириться со своим неудавшимся замужеством. Вот тогда-то она и потеряла своего первого ребенка. Они все тогда усиленно работали над альбомом, который должен был называться «Снова Викки». И тут у нее случился выкидыш. После того случая Викки и перестала записываться.

– Мистер Миллер, у вас есть какие-нибудь соображения на тот счет, почему ваша дочь решила вновь начать петь именно сейчас?

– Понятия не имею. Хотя может быть она была уверена, что деньги все равно достанутся ей, и что в любом случае все же не мешает попытаться.

– Она в тот вечер говорила что-нибудь о деньгах? Вообще, хоть слово было сказано о трасте?

– Нет, сэр, о деньгах мы не говорили. Речь шла лишь об этой треклятой затее с «Зимним садом». Я ее предупреждал, я ведь говорил, что не надо этого делать, я говорил, что все это все равно завершится провалом. И ведь так и оно и вышло, разве нет? Вы читали, что та сука понаписала о ней в газете?

– Но Викки все равно не послушалась вас, не так ли?

– Верно, не послушалась.

– Мистер Миллер, а вы угрожали своей дочери лишением наследства?

– Да.

– Тогда выходит, что вы все же обсуждали с ней в тот ве-

чер вопрос о деньгах.

– Если в этом смысле, то да.

– В том смысле, что вы возьмете, да и измените каким-либо образом условия...

– Ну, в общем-то, да, но мне кажется, что Викки знала, что это блеф чистой воды.

– Но речь о трасте все же велась.

– Ну, да, мельком.

– Ведь раньше вы сказали...

– Да, я и сам знаю, что я говорил, и я снова скажу то же самое. Мы не обсуждали собственно траст, мы не обсуждали частности по нему, или деньги, заложенные там, мы вообще не вели разговора о деньгах. За исключением того, что я пообещал лишить ее наследства, если она все же выйдет на сцену в «Зимнем саду».

– И она знала при этом, что в виду имеется траст.

– Предположительно, да. И также она знала, что я блефую.

– Каким образом?

– Скорее всего ей было известно, что траст этот был безотзывным, и что при всем желании я все равно не смог бы в нем ничего изменить.

– Вы сами сказали ей об этом?

– Нет, я никогда ничего не рассказывал ей о трасте, за исключением того, что ей было необходимо знать.

– И что же там касалось непосредственно ее?

– Что все это перейдет к ней, как только ей исполнится

тридцать пять.

– Вы когда-нибудь упоминали при Викки о сумме траста?

– Не-а.

– А говорили ли вы ей о том, что Элисон была названа в качестве альтернативного бенефициара?

– Никогда.

– А ваш адвокат никогда не вел с Викки разговоров о трасте?

– Не-а. А ему-то это зачем?

– Тогда по вашим словам выходит, что ваша дочь знала только то, что когда ей исполнится тридцать пять лет, то срок по трастовому соглашению выйдет, и все достанется ей.

– Да, это все, что она знала об этом деле.

– Мистер Миллер, перед началом нашей беседы, если вы припоминаете, я подробно рассказал вам о ваших правах, и также обратил ваше внимание на то, что вы сами в любой момент можете прекратить нашу беседу, и что вам достаточно лишь сказать мне об этом. Вы это помните.

– Да, помню.

– Теперь мне бы хотелось задать вам несколько очень специфических вопросов о том, где вы были той ночью, а точнее, между тремя часами в ночь на понедельник, тринадцатое января и девятью часами утра того же дня. Если у вас имеются возражения, то пожалуйста, дайте мне об этом знать, и мы тут же прекратим эту беседу.

– Это когда была убита моя дочь, не так ли?

– Да, сэр, она была убита именно в это время.

– Я не буду возражать против каких бы то ни было ваших вопросов. Я хочу помочь вам найти того, кто это сотворил, и большего мне не надо.

– Вы можете сказать мне, где вы были тем утром?

– Я был у женщины по имени Гретхен Хайбель. Мы были в ее доме на Вествью Роуд, это на рифе Фэтбак.

– Вы можете назвать адрес?

– Да, Вествью 642. – И вы были там вместе с ней с трех часов ночи...

– Я был с ней с восьми часов вечера в воскресенье, когда я заехал за ней, чтобы вместе отправиться куда-нибудь поужинать, и потом мы вернулись к ней домой и ночь провели вместе. Я уехал к себе на плантации рано утром.

– Во сколько это могло быть, как вы думаете?

– Что?

– Когда вы уехали на плантации?

– Примерно в половине девятого.

– Восемь-тридцать утра, утром в понедельник.

– Да, около того.

– А вы сами или мисс Хайбель – Гретхен Хайбель, вы так, кажется, сказали?

– Да, Хайбель.

– Не могли бы вы продиктовать мне ее фамилию по буквам?

– Х-А-Й-Б-Е-Л-Ь. Хайбель.

– Мисс или миссис?

– Мисс.

– А теперь ответьте мне, пожалуйста, не отлучались ли вы или мисс Хайбель из дома между тремя часами ночи и девятью часами утра того понедельника?

– Нет, сэр, мы никуда не выходили.

– Никто из вас?

– Никто из нас, это так.

– И она тоже может подтвердить это?

– Я уверен, да.

– Сколько времени вы знакомы?

– Месяца два или три; должно быть... подождите-ка минутку, мы познакомились через какое-то время после Дня Благодарения.

– Вы состоите в близких отношениях?

– Не настолько близких, чтобы она начала лгать и выгораживать меня, когда речь зашла об убийстве.

– Вы хотите сказать, что ваши отношения носят случайный характер.

– Я бы просто сказал, что это нормальные, обдуманнные отношения между женщиной пятидесяти шести лет и сорокасемилетней женщиной. Вот как бы я хотел обрисовать вам сложившуюся ситуацию.

– Мистер Миллер, я был бы вам очень признателен, если бы вы на некоторое время воздержались от звонков мисс Хайбель, до тех пор, пока мы сами с ней не поговорим.

– Если вы собираетесь к ней...

– Да.

– Дома вы ее все равно не застанете. По крайней мере в рабочее время. Она работает в фирме, торгующей недвижимостью, что в бухте Тимукуан.

– Благодарю вас, я постараюсь разыскать ее там.

– Она уходит из офиса в пять.

– Спасибо, мистер Миллер, я снова хочу напомнить, что вы имеете право закончить беседу в любой момент, если...

– Да перестаньте вы меня все время предупреждать. Я вообще еще не собираюсь заканчивать.

– Как вы уже знаете, ваша внучка...

– Мы что и про Элисон тоже будем говорить? Послушайте, ну ради Бога! Я ведь только что возвратился с ее похорон, ее ведь только что на моих глазах в землю опустили!

– Если вы не желаете, мы не станем ни о чем вас спрашивать.

– Ведь это... эх черт возьми, ладно уж, давайте ваши вопросы, чтобы уж сразу покончить со всем.

– Тело вашей внучки нашли в восемь-тридцать вечера в прошлую пятницу, это было восемнадцатого января. Экспертиза установила, что смерть наступила в районе шести часов вечера, и мистер Миллер, в связи с этим, мне хотелось бы услышать от вас, где вы находились в тот день между половиной пятого и половиной девятого вечера.

– Я был с женщиной по имени Гретель Хайбель в ее доме

на Вествью Роуд, что на рифе Фэтбак.

– Вы хотели сказать Гретхен.

– Нет, Гретель.

– Вы сказали...

– Гретель. Это сестра Гретхен.

– А-а...

– Вот так.

– И какой у нее адрес?

– Такой же, как и у Гретхен, 642, Вествью.

– Они живут в одном доме?

– Да, сэр.

– И вы были с...

– Я приехал к ним в пятницу в половине шестого, чтобы выпить и посидеть там вместе с Гретель и Гретхен. Гретхен пригласили куда-то на ужин, и поэтому она покинула нас около семи. А мы вдвоем с Гретель остались ужинать, а затем вместе провели ночь.

– Кто-нибудь из вас выходил куда-либо между...

– Нет, сэр, мы никуда не выходили. Я пробыл там с пяти вечера в пятницу до примерно часов четырех утра следующего дня, когда я встал и ушел. Я отправился к себе домой, потому что Стэн Хоппер и Дик Олдхэм должны были заехать за мной, чтобы потом нам всем вместе отправиться на рыбалку.

– А что, никто из сестер Хайбель не слышал в тот вечер о смерти вашей внучки?

– Не знаю, как Гретхен, ее той ночью дома не было. Но ни я, ни Гретель не включали ни телевизора, ни радио – у нас был заведен проигрыватель – и поэтому мы с ней вообще ничего о том не слышали. И я вам уже говорил, что я однозначно не поехал бы никуда, если бы только знал, что мою... внученьку мою маленькую... что ее убили.

– Где я могу видеть Гретель Хайбель?

– У нее дома.

– Она находится там в течение всего дня?

– Да, она работает дома. Рисует иллюстрации для детских книжек.

– Мистер Миллер, может быть вы хотите добавить что-либо к уже сказанному вами? Или разъяснить? Или изменить?

– Не-а. Не хочу.

– Хорошо. Это все.

Блум выключил магнитофон и обратился ко мне:

– Ну, что ты думаешь?

– А ты уже имел беседу с теми дамами?

– Еще нет. Я подумал, что нужно будет дождаться, пока Грэтхен – это та из них, что торгует недвижимостью – вернется домой из своей конторы. И тогда уж можно будет убить сразу двух зайцев. Да, правильно, это она работает в бухте Тимукуан. А Гретель иллюстрирует книжки. Эх, черт побери, когда же и мне наконец исполнится лет пятьдесят или шестьдесят... За прошедшие выходные Кениг с Миллером трахались намного больше, чем мне это удалось за последние

две недели у себя в доме на Авенида-дель-Сол. Ты знаешь, почему моя жена так обожает наш с ней дом там? Потому что ее отца звали Сол. Я уже говорил ей, что «Сол» в переводе с испанского означает «Солнце». Она же мне на это заявила, что ее вовсе не интересует, что «Сол» означает в переводе с испанского, потому что для нее «Сол» всегда значило только одно – это Сол Фишбейн, да упокоит Господь его душу. Вот так мы и живем на Авениде-дель-Сол, в этом доме, выстроенном в стиле гасиенды, и за последние две недели я не трахался вообще ни разу, а все потому, что я сижу все на этой, мать твою, диете, и если хочешь знать, у меня нет на это сил.

– Ты уже говорил с его приятелями по рыбалке?

– Да, она оказались заядлыми рыбаками. Как их там...

Дик Олдхэм и Стэн Купер, или наоборот. Оба они подтвердили, что Миллер был с ними с раннего утра в субботу и до позднего вечера в воскресенье. Но это еще абсолютно не означает того, что это не он перерезал горло собственной внучки в пятницу вечером. Хочешь, пойдем туда вместе? К этим сестрицам. К тому времени твой рабочий день в конторе уже закончится, так что можешь не волноваться. Ладно?

– О'кей.

– Тогда с меня пиво, – сказал Блум и усмехнулся.

Хотя риф Фэтбак и находится в округе Калуса, но все же он расположен за пределами самого города. На юге он вплотную подходит к границе с Манакавой. Фэтбак является самым необжитым изо всех находящихся в нашем округе ри-

фов. С востока и запада его окружают огромный Мексиканский залив и наш небольшой залив Калусы, иногда во время сезона штормов и ураганов, эти два водяных резервуара смыкают свои воды над Вествью Роуд, той дорогой с двухполосным движением, пересекающей риф в направлении с севера на юг. Мост, соединяющий Фэтбак с материком, устроен так, что одновременно на нем может находиться не более одной машины. А сразу за мостом поставлен большой деревянный указатель с двумя дюжинами стрелок, указывающими влево или вправо. На этих стрелках вырезаны по дереву или обведены белой краской имена обитателей рифа. Когда мы переезжали через мост, над землей уже начинали сгущаться сумерки, досчатое покрытие поскрипывало под колесами машины Блума, который уже заранее включил фары дальнего света в ожидании наступления темноты, которая здесь, у нас в Калусе, подкрадывается очень неожиданно. Блум подъехал к дорожному указателю, и оба мы начали переводить глаза с одной стрелки на другую, отыскивали среди прочих имя «ХАЙБЕЛЬ» и затем свернули влево и направились в сторону юга.

Дом сестер Хайбель стоял на самом берегу залива и был отмечен только единственной врытой в песок деревянной табличкой, на которой значилась только одна их фамилия. Через дорогу от дома на берегу Мексиканского залива стоял помеченный номером 642 ящик для корреспонденции. Должно быть сам дом был построен еще в двадцатых годах,

когда скупка и перепродажа земли помогла сколотить капиталы тем, кто оказался наиболее дальновидным, чтобы понять всю безмятежную прелесть этого самого живописного рифа во всем нашем округе. Дом сестер казался особнячком из Беверли Хиллз, где возможно в свое время проживал кто-нибудь из звезд эры немого кино. Он был построен в стиле, характерном для испанской колониальной архитектуры: с белыми оштукатуренными стенами и крышами, покрытыми яркой черепицей, с окнами в форме арок и мощеными дорожками, которые извивались под сенью пальм и вели к воде, на берег залива, который я смог разглядеть через внутренний дворик с его зарослями папоротника. Блум позвонил в дверь.

На наш звонок вышла женщина в забрызганном краской рабочем халате, надетом поверх джинсов. Она была ростом должно быть около пяти футов и восьми дюймов, а ее длинные совсем светлые волосы были зачесаны назад и на затылке они были стянуты в конский хвост, стиль не слишком-то приличествующий женщине ее возраста, относительно которого, впрочем, я мог лишь строить предположения. Скорее всего ей было лет сорок. Она очень напоминала собой изысканную тевтонскую красавицу, типичные черты которой были подмечены Хильдегардом Неффом. Она вопросительно взглядывалась в сумерки за дверью и проговорила:

– Да. Кто там? Что вам надо? – в ее речи слышался лишь очень легкий немецкий акцент.

– Я детектив Блум, Департамент полиции Калусы, – сказал Блум и показал ей свой жетон, а также оправленное в пластик удостоверение, – а это Мэттью Хоуп.

– Да?

– Вы мисс Хайбель?

– Я Гретель Хайбель, да. А в чем дело?

– Мисс Хайбель, вы позволите нам войти?

– А в чем дело?

– Мы бы хотели задать вам несколько вопросов.

– О тех убийствах, да? – спросила она. – Я знаю, что у Двейна убили дочь...

– Это так.

– А теперь вот еще и внучка... По телевизору сказали, что и внучку его тоже нашли мертвой.

– Да. Вечером в пятницу.

– Ах, – тяжело вздохнула она.

– Вот об это-то мы бы и хотели поговорить с вами, – сказал Блум.

– Ах, – снова вздохнула она, и отступив в сторону, проговорила, – Ну хорошо, заходите, пожалуйста.

Пол у входа был выложен терракотовой мексиканской плиткой, а вдоль ограждения прихожей в самом дальнем ее конце были расставлены растения в больших глиняных кадках. Над ними высилась белая колоннада, позади которой была устроена огромных размеров гостиная с арочными дверьми, ведущими к бассейну с подсветкой и к заливу.

Под арками был поставлен длинный стол, на котором были расставлены баночки с красками, кувшины с водой, рядом с которыми были разбросаны листы бумаги для рисования, кисти, карандаши, ластики и измазанные краской лоскутки ткани, и все это было залито светом, падавшим от настольной лампы.

– Я работала сейчас, – заговорила хозяйка, – поэтому прошу извинить меня за этот беспорядок. Я люблю работать там, откуда виден залив. Раньше я всегда работала в своей комнате наверху, но там окна выходят на другую сторону, хотя тоже на залив, и тот пейзаж зачастую кажется мне слишком уж диким для тех работ, какими мне приходится заниматься. Я имею дело с детскими книжками, – пояснила она.

– Да, мистер Миллер нам уже сказал об этом, – сказал Блум.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – предложила Гретель. – Может быть хотите выпить чего-нибудь?

– Нет, спасибо.

– Может быть что-нибудь не крепкое? Кока-Колы? Или чая со льдом?

– Нет, спасибо.

– Ну тогда, – проговорила она, – улыбнувшись и выжидательно глядя на Блума.

– Мы надеялись, что ваша сестра к этому времени уже вернется домой, – заговорил Блум.

– Да, конечно. Она каждую минуту может прийти. Вы с

ней тоже желаете побеседовать?

– Если можно.

– Конечно же. А что вы хотите узнать?

– Мисс Хайбель, вы можете сейчас рассказать нам, где вы были в прошлую пятницу между половиной пятого и половиной восьмого вечера?

Я отметил про себя, что Блум ни словом не обмолвился о том, что ему надо было подтвердить алиби Миллера. Гретель сидела и выжидающе смотрела на Блума, обдумывая свой ответ, пальцы ее изящных рук были переплетены, ноги скрещены, а голубые глаза нервно моргали.

– Я была здесь, – сказала она наконец. – Вечером в пятницу я была здесь.

– А днем в пятницу?

– И днем тоже. Я работала.

– Одна?

– Моя сестра вернулась домой около пяти часов. А до того времени я была здесь одна.

– И вы затем вместе с сестрой провели здесь весь вечер?

– Нет. Моя сестра была приглашена на ужин. Она ушла отсюда около семи.

– Оставив вас одну?

– нет. Здесь еще Двейн был.

– Мисс Хайбель, а когда он сюда пришел?

– Примерно в половине шестого. Мы тут успели еще и втроем посидеть и выпить.

– И затем ваша сестра ушла.

– Около семи. Да.

– А вы и мистер Миллер остались здесь.

– Да. Мы ужинали вместе.

– Он ушел от вас после ужина?

– Нет, он остался здесь на ночь. Мы с ним, знаете ли, любовники.

– А в котором часу он все-таки ушел?

– Очень рано утром. Я крепко спала, но я знаю, что он будильник ставил на три часа. Я бы сказала, Двейн ушел от меня между тремя и четырьмя часами ночи. Еще я знала, что он в тот день собирался на рыбалку.

– А вы не знаете, где ваша сестра провела эту ночь?

– Это уж вам у нее придется спросить.

Мне было не ясно, зачем Блуму понадобилось задавать последний вопрос. Но я все же знал, что согласно заключению экспертизы, смерть Элисон наступила в шесть часов вечера, но Блум же в каждом случае – сначала расспрашивая Кенига, затем Миллера, а теперь вот беседуя с Гретель – интересовался, где они находились в половине пятого дня, допуская тем самым, что минут на девяносто эксперт все-таки мог ошибиться. В тот день, когда произошло убийство Элисон, Миллер появился на Фэтбаке не раньше половины шестого вечера. И он запросто мог добраться сюда от того места за стадионом даже меньше, чем за сорок минут, все зависело лишь от интенсивности движения в тот день. Точ-

но. Так же как и Гретхен Хайбель – та из сестер, что занималась продажей недвижимости – если только она была здесь замешана, могла бы в случае чего запросто добраться с Фэтбака до Калусы еще до того, как подросток нашел Элисон в сточной яме. Я предположил, что именно потому Блуму и хотелось узнать, где Гретхен провела ту ночь. А вдруг эта парочка сначала прятала девочку где-нибудь здесь, и вот теперь Блум пытается бить в одну точку? И все же подобное предположение показалось мне сильно притянутым за уши, и неожиданно ко мне пришло опустошающее чувство, что Блум, не смотря на все свои знания и опыт, теперь же отчаянно хватался за соломинку.

– За ней сюда кто-нибудь заезжал?

– Вы имеете в виду, когда она уезжала?

– Да.

– Нет, она уехала в своей машине.

– Значит, в семь, говорите.

– Да, приблизительно в семь.

– Ну ладно, проговорил Блум и вздохнул. – А когда ваша сестра обычно возвращается домой из офиса? – спросил он у Гретель, взглянув на часы.

– Обычно в это время она уже бывает дома.

Я посмотрел на свои часы. Они показывали уже почти половину седьмого.

– Может быть мне приготовить вам чего-нибудь, ведь вам же все равно еще ее дожидаться? Может быть я все-таки сва-

рю кофе?

– Мэттью, ты как?

– От чашки кофе я бы не отказался, – сказал я.

– Я пойду поставлю его вариться, – сказала Гретель, и тут же ушла в кухню. Блум встал со своего места, потянулся и подошел к длинному рабочему столу. И бросив беглый взгляд на лежавший на нем яркий рисунок, он посмотрел на залив.

– Красиво здесь.

– Замечательно.

– Как ты думаешь, сколько это все может стоить?

– Полмиллиона.

– А по-моему, больше. И женщина сама хорошенькая, тебе так не кажется?

– Симпатичная.

– На меня Миллер не произвел впечатления пылкого любовника. А тебе как он?

– Не знаю. Наверное в нем еще что-то есть.

– М-м, – промычал Блум, и снова взглянул на рисунок, лежавший на столе. – Как по-твоему, вот это кто такое?

На рисунке размашистыми штрихами, в виде наброска, было изображено что-то походившее скорее на некое угловатое чудище, болтающееся в воздухе, обеими ногами оно оторвалось от земля, крошечные кулачки занесены над головой, лицо перекошено злобой.

– Это Румпельштильцхен, – сказала вошедшая в это вре-

мя в комнату Гретхен. Она подошла к столу и, взяв в руки рисунок, поднесла его поближе к свету. – Пока это еще всего лишь набросок, разумеется затем я доработаю его. Вы ведь знаете, о чем эта сказка?

– Да, – ответил я, смутно припоминая что-то о девушке, которая должна была угадать имя злого карлика, который что-то там такое для нее когда-то сделал.

– Это кажется о красавице, которая спускала свои длинные косы из окна башни, – предположил Блум.

– Нет, то сказка о Рапунцель. А это Румпельштильцхен. Из сказок моих соотечественников, братьев Якоба и Вильгельма Грамм. Вы слышали что-нибудь о «законе Гримма»?

– Нет, – признался я.

– Нет, – сказал Блум.

– Этот закон был открыт Якобом Гриммом, который был знаменит не только своими сказками. Это лингвистический закон – формула, описывающая изменения в системе взрывных согласных, произошедших в индо-европейских языках. Так, например, в немецком языке на определенном этапе его развития звуки «б», «д» и «г» перешли в «п», «т» и «к», и так далее. Но вы-то уж наверняка должны были слышать сказку о Румпельштильцхене. Неужели нет?

– Да-да, конечно, – неуверенно согласился я.

– Это сказка об одном германском Muller – как это? Человек, у которого есть мельница, и он там мелет зерно, знаете? Ein Muller. Ну ладно. Так вот, он сказал королю, что его

дочь может прясть из соломы золотую пряжу. Король приказал привести ее к себе в замок, закрыл в комнате и велел ей приниматься за работу, а не то он ее казнит. Это солону-то перепрясть в золотую пряжу, каково, а? Разумеется, девушка этого не умела. Но тут появился карлик и сказал, что он сам может перепрясть всю солому за нее, но не за просто так, а за что-то. И девушка отдала ему свое ожерелье, а карлик быстро перепрял всю солому в золотую пряжу. Ну, король, разумеется, был изумлен, и на следующую ночь он закрыл ту девушку в большей комнате, и соломы там было тоже больше, сказав, что если ей дорога жизнь, она также и из этой соломы спрядет золотые нити, и конечно же девушка этого сама сделать не умела. Но вот опять появился перед ней карлик, и на этот раз девушка отдала ему свое колечко, чтобы тот снова превратил солому в золотую пряжу. Ну тут опять король был конечно в крайнем удивлении, и на этот раз он снова ведет девушку в самую большую комнату в своем замке, и было там полным-полно соломы, и говорит, что если она и это сумеет перепрясть к утру, то он возьмет ее себе в жены. Оставшись одна, девушка принялась плакать от отчаяния, и тут снова появился тот карлик – но у нее больше не было ничего, что она могла бы дать ему за работу, ведь она и так уже отдала ему все, что у нее было. И вот этой девушке пришлось пообещать тому карлику, что если только она станет королевой, то в уплату за работу она отдаст ему своего первенца. И за это карлик перепрял снова всю солому

в золотую пряжу. И вот устроил король свадьбу, и так дочь мельника стала королевой.

Прошел год, и вот появляется перед королевой тот карлик и просит отдать то, что ему было ею обещано, ее первенца. Испугалась королева, начала она предлагать ему все богатства, какие только были у нее в королевстве, но карлик и слышать ничего о том не хотел, от всего он отказался, и говорил, что ему нужно лишь дитя, ее первенец. Королева вся в слезах, рыдает, упрашивает, и вот сжалился он все же над ней и сказал, что дает ей три дня сроку на то, чтобы она угадала, как его зовут. Узнает королева его имя – ребенок останется у нее. Вот пришел он на первый день, и начала она перечислять все имена, начиная с Каспара, Мельхиора и Балтазара. И так одно за другим она назвала ему все имена, какие только знала, но на каждое имя карлик отвечал, что его зовут не так. На следующий день королева стала перечислять карлику разные необычные и редкие имена, типа Риппенбист, Гаммельсваде или Шнюрбейн и им подобные, но и на этот раз ей так ничего и не удалось угадать, и довольный карлик ушел, потому что он был уверен, что ребенок очень скоро достанется ему. В это время к королеве пришел гонец и сказал, что в лесу он увидел очень странную картину – он видел, как там, на лесной поляне весело скакал карлик, напевая при этом: «Сегодня пеку, завтра пиво варю, у королевы дитя отберу; и хорошо, что никто не знает, что Румпельш-тильцхен меня называют!» И вот, значит, на следующий день

снова появляется тот карлик, и королева снова начинает его расспрашивать: «Тебя зовут Томас?» – и он говорит, что нет. Она опять спрашивает: «Может, тебя зовут Ричард?» – и он снова говорит нет. Тогда королева снова спрашивает: «А тебя случаем не Румпельштильцхен зовут?» И тут карлик начал беситься от злости – как раз этот рисунок вы здесь и видите – и в ярости он сам себя разорвал пополам. Вот таким был конец Румпельштильцхена.

– Теперь я припоминаю, – согласно кивнул Блум.

– И я тоже, – сказал я.

– Знаете, иллюстрировать книги ужасно интересно, – сказала Гретель, и затем быстро бросила взгляд на входную дверь, видимо раньше нас с Блумом услышав, что в замке поворачивается ключ.

Появившаяся в дверях женщина была одета в черные широкие брюки и розовую блузку, застегивавшуюся на пуговики бледно-розового цвета. На ней были розовые же туфли на так называемом французском каблуке, а длинные светлые волосы с одной стороны были прихвачены розовой пластмассовой заколкой. Она была одного роста с Гретель, с такими же, как у сестры чертами лица. У нее был такой же, как Гретель довольно большой рот и высокие скулы, прямой нос и голубые глаза. Миллер сказал, что Гретхен Хайбель сорок семь лет, но выглядела она не старше сестры. На лице у Гретхен появилось выражение крайнего удивления, когда, войдя в гостиную, она увидела нас стоящими у стола. Она вопро-

сительно посмотрела на сестру.

– Гретхен, обратилась к ней сестра, – к нам пришли из полиции.

– Вот как? – Гретхен прошла в комнату и первая протянула руку. – Приятно познакомиться, – сказала она, сперва пожав руку Блumu, а затем мне. – Я Гретхен Хайбель. Гретель, а разве ты не предложила джентльменам что-нибудь выпить?

– Да, я... кофе сейчас уже будет готов.

– С вашего позволения, я выпью чего-нибудь покрепче, – сказала Гретхен и улыбнувшись нам, она уселась в кресло у стола. Быстро скинув сначала один туфель, затем другой. – Ну и денек выдался сегодня, – проговорила она, закатив свои большие голубые глаза. По-английски Гретхен говорила гораздо лучше своей сестры и совсем без акцента. – Кстати, я все еще до сих пор не знаю, как вас зовут.

– Детектив Блум, – представился Блум.

– Мэттью Хоуп.

– А вы разве не детектив? – поинтересовалась она у меня.

– Нет, ответил я. – Я адвокат.

– Чей?

– Энтони Кенига.

– Бывшего мужа Викки?

– Да.

– Мм... Значит речь пойдет об убийствах. Гретель, дорогая, принеси мне, пожалуйста скотч, и только один кубик льда, не забудь.

– Да, об убийствах, – сказал Блум.

– А мы с сестрой, что, подозреваемые, да?

Блум промолчал.

– Или же вы охотитесь за Двейном?

– Мисс Хайбель, мы ни за кем не охотимся.

– Нет, ну наверняка вы кого-то ловите.

– Я хотел сказать...

– Вы имеете в виду, что вы не собираетесь шить Двейну дело – есть такое выражение, да?

– Все правильно, – улыбнулся Блум. – Мы не собираемся шить мистеру Миллеру дело.

– Ах да, большое спасибо, – это было обращено уже к сестре, принесшей ей бокал с шотландским виски. – Мне кажется, что чайник уже кипит.

Гретель снова ушла на кухню. Гретхен потягивала свой виски.

– Итак, – сказала она, – с чего начнем?

– С утра понедельника, тринадцатого января, время с трех ночи до половины девятого утра.

– Ну и что?

– Где вы были в это время?

– Даже так? Значит вы меня подозреваете?

– Ни в коем случае, просто я...

– А, в таком случае, вы хотите узнать от меня о Двейне, где он был, да, понимаю. Так вот, если вас так это интересует, в это время он был здесь у меня.

– С которого часу и до которого?

– Мы ходили в ресторан. Он заехал за мной примерно в восемь – половине девятого вечера.

– И в каком ресторане вы были.

– В «Меленке».

– Это тот, что на Сабале?

– На Сабале, да.

– А откуда вы куда направились?

– Сюда вернулись.

– И во сколько это было?

– Сразу после ужина. Я и вправду не знаю, во сколько мы были здесь. В десять? После ужина, – сказала Гретхен и пожала плечами.

– Во сколько он ушел от вас?

– На следующее утро.

– Он оставался здесь на ночь?

– Да, он часто остается на ночь.

– И во сколько он ушел утром?

– В восемь-половине девятого, я не знаю во сколько точно.

Он прямо отсюда должен был отправиться на работу.

– Ваша сестра в тот вечер была дома?

– Нет, в тот вечер она была в Нью-Йорке. У нее там была назначена встреча с редактором и автором, точнее сказать, с переводчиком. Ведь написали-то это все братья Гримм.

– И когда вернулась ваша сестра?

– Во вторник.

– А вот когда вы говорите, что мистер Миллер часто остается здесь на ночь...

– Да, на протяжении последних нескольких месяцев или около того. Со мной или с моей сестрой... – она сделала небольшую паузу. Трудно было сказать, задумала ли она последующую фразу специально для того, чтобы поразить собеседника, или же это было проявлением европейской прямоты и непосредственности, к которой мужчины здесь, в Америке, еще не успели привыкнуть в полной мере. – Или иногда с нами обеими.

– Понимаю, – кивнул Блум и кашлянул.

– Да, – сказала Гретхен. – А, вот и ваш кофе.

Гретель вошла в комнату, держа в руках серебряный поднос с двумя чашечками кофе, двумя маленькими ложечками, молочником и сахарницей.

– Я тут рассказывала детективу Блуму, что Двейн часто оставался на ночь с нами обеими, – обратилась к сестре Гретхен, и на этот раз я уже был уверен, что ей хотелось поразить нас этим.

– Да, тихо сказала Гретель, – это действительно так.

– А сахара у вас нет? – спросил Блум и снова сконфуженно кашлянул.

Когда мы наконец покинули дом сестер Хайбель, на улице уже совсем стемнело. Всю дорогу Блум молчал: и пока мы ехали обратно к ошестинившемуся своими стрелками указателю, и пока мы переезжали через мостик, и когда мы разво-

рачивались влево, чтобы выехать снова на 41-е шоссе, и когда машина наша уже снова направлялась в сторону Калусы. Еще раньше Блум пообещал угостить меня пивом, и поэтому мы остановились у одной закуской под названием «У городской черты», находившейся на самой окраине Калусы. Официантка приняла у нас заказ, и мне показалось, что она была разочарована, что мы заказали только пиво. Блум чокнулся своей кружкой с моей и со словами «Твое здоровье», – отхлебнул большой глоток пива и пены. Вытерев губы тыльной стороной ладони, она проговорила:

– Кажется, алиби его подтверждают, а? Они обе.

– Похоже на то, – заметил я.

– Хотя, конечно, за исключением тех несколько часов, когда он мог спокойно что угодно натворить. Но в таком случае времени у него было бы в обрез.

– Да.

– Вот такие вот дела, – вздохнул Блум, и пожав плечами, отпил еще один глоток. – Вот мне сейчас уже сорок шесть лет, – снова заговорил он, – а я никогда в жизни еще не был в одной постели с двумя женщинами сразу. Мэттью, а тебе сколько лет?

– Тридцать семь.

– А ты был когда-нибудь в одной постели сразу с двумя женщинами?

– Был, – ответил я.

– Ну и как, здорово, наверное?

– Слишком много рук и ног, – сказал я.

Уже где-то к восьми Блум подвез меня туда, где я оставил свою машину, и дома я оказался только почти в половине девятого. Я навел себе очень крепкое мартини и включил автоответчик. Дочь моя звонила мне, чтобы поблагодарить за чек и сообщить, что этим я спас ей жизнь. Звонила Дейл, спрашивала, не забыл ли я еще о ней и приглашала меня к себе, если, конечно, я вернусь не слишком поздно. Третий звонок был от Блума. Я тут же перезвонил ему.

– Да, привет, Мэттью, – сказал он. – Хорошие новости. Мы разыскали Садовски, их барабанщика. Полицейским из Нью-Йорка наконец удалось выйти на его мать. От нее-то они и узнали, что с самого начала сезона он играет неподалеку отсюда, в одном из отелей в Майами. Кенион занялся им самостоятельно, пока мы с тобой говорили с немками. Садовски добровольно изъявил желание приехать сюда, от Майами до нас ведь рукой подать. Так что я ожидаю его с минуты на минуту. Хочешь тоже послушать?

– Не отказался бы, – заметил я.

– Тогда, давай, приезжай, – ответил мне на это Блум и повесил трубку.

Глава 10

Перед тем как уйти из дома, я позвонил Дейл, чтобы предупредить ее, о том, что сегодня вечером мне предстояло еще одно очень важное дело.

– И когда ты освободишься?

– Часов в десять, наверное. Во всяком случае, постараюсь.

– А где ты будешь?

– В участке.

– Это еще по крайней мере сорок минут езды до моего дома.

– Что, думаешь, будет слишком поздно?

– Нет. Приходи, как закончишь с делами. Во сколько бы ты не освободился.

– В случае чего, я позвоню тебе.

– Пожалуйста, постарайся не допускать таких случаев, – сказала Дейл.

Нейл Садовски оказался кареглазым блондином лет тридцати пяти, ростом примерно пять футов и семь дюймов, и я подумал, что весил он должно быть около ста шестидесяти фунтов. Подбородок и щеки его покрывала борода, переходившая в усы над верхней губой, и все это, и борода, и усы, тоже светлые, придавали его лицу вид аристократа Викторианской эпохи, а прямой нос и глубокий взгляд еще более усиливали это впечатление. На нем были синие узкие брю-

ки, черные кожаные мокасины Гуччи и пиджак из голубой замши, из-под которого была видна темно-синяя футболка. Мы сидели в кабинете капитана. Я уже начинал сомневаться в том, что сам капитан вообще когда-нибудь появляется на работе.

– Итак, – сказал Блум, – очень любезно с вашей стороны, мистер Садовски, что вы появились здесь, я очень вам благодарен. У нас же ушла уйма времени на то, чтобы разыскать вас.

– Ах да, я еще до рождества уехал в Майами, – сказал Садовски.

– Ваша мать сказала нью-йоркским полицейским то же самое.

– Зря вы беспокоили ее. – Мне очень жаль, – Блум сделал небольшую паузу, а затем сказал. – Я думаю, что вы уже знаете о том, что Викки и ее дочь были убиты.

– Да.

– Когда вам стало об этом известно, мистер Садовски?

– О Викки – в прошлый понедельник. О ее дочери...

– Давайте все же поговорим сначала о Викки. Вы узнали обо всем в понедельник, да? На следующий день после убийства.

– Да.

– А где вы были той ночью, когда ее убили? Вы были заняты на работе?

– Нет, по воскресеньям я не работаю.

– Так где же вы были? Я не помню.

– Ну, мистер Садовски, мне все же хочется, чтобы вы постарались.

– Послушайте, я приехал сюда, потому что подумал, что смогу быть вам чем-то полезен. Если бы я знал, что это обернется всего-навсего третьесортным...

– Мистер Садовски, уверяю вас, что вы ошибаетесь.

– Нет? А что же это тогда по-вашему? Если вы думаете, что я это я убил Викки и ее дочку... да вы просто с ума сошли.

– И все же, где вы были?

– Я уже сказал вам, я не помню. Когда я вернусь обратно в Майами, я посмотрю в свой ежедневник и тогда смогу отчитаться перед вами, где я был и что делал. И какого черта вы вбили себе в голову, что я имею какое-то отношение к смерти Викки.

– Ну, разумеется, такой милый парень как вы, я правильно понял?

– Что все это означает?

– Мистер Садовски, где вы были в ночь с воскресенья на понедельник, тринадцатого января?

– Послушайте, я продолжаю повторять ему, что я не помню, – обратился Садовски ко мне, – а он продолжает спрашивать меня о том же самом. Мы с Викки были просто хорошими друзьями, это-то вам хоть понятно? – говорил он, повернувшись спиной к Блуму. – Между нами не было ни-

каких амуров, типа того, что было между ней и Эдди, но все же мы были друзьями. Вы понимаете? Друзьями. Что здесь может быть непонятного? И почему, зачем, кому бы то ни было понадобилось бы убивать друга.

– Вот здорово. Я просто теряюсь, – сказал Блум. – А почему же тогда, по-вашему, Каин убил Авеля?

– Господи ты боже мой, – страдальчески проговорил Садовски; он покачал головой, шумной выдохнул, а затем наконец снова заговорил, – Я просто ушам своим не верю. Ну скажите ради бога, неужели вы еще никак не можете понять, как все мы были близки? Ведь все что происходило тогда, это происходило со всеми нами, это было словно сон наяву. Ведь что мы тогда из себя представляли? До того, как стать группой «Уит», мы были просто горсткой оболтусов, репетировавшей по гаражам. И без Викки... нет, без Эдди, наверное... мы бы до сих пор торчали бы в той дыре. Эдди – гений. Вам когда-нибудь доводилось встречать гения? Нет ничего такого в музыке, чего бы он не знал. И если бы вы только слышали нас тогда, когда мы пришли на прослушивание в «Ригэл». Да вы бы просто-напросто в ту же минуту вышвырнули бы нас вон из студии. И даже Джорджи, который мог дать сто очков вперед любому из нас, стал играть наверное еще в несколько раз лучше, с тех пор как с нами начал работать Эдди. А что до меня, то до того момента, как судьба свела нас с Эдди, я считаю, что я был всего лишь засранцем, стучащим по кастрюлям и чайникам. Всему, что я

теперь умею, научил меня он. Черт, он научил меня вообще всему тому, что я теперь знаю о музыке. Ведь до знакомства с ним я был неспособен отличить настоящие палочки от тех, которыми едят китайцы. Он был гигантом в своей области, слышите, гигантом! Он был таким заводным, что запросто мог вынуть из тебя всю душу, взрывался по каждому поводу и без повода, но кто сказал, что гений кроме того, что он гений должен еще и обладать терпением? Я хочу сказать, что «Уит» – это целиком и полностью его заслуга и удача. И Викки Миллер – тоже.

– Как это? – спросил Блум.

– Вы знаете, после нашего прослушивания... – Садовски покачал головой. – Я хочу сказать, что кому тогда могло прийти в голову, что из всего того хоть что-нибудь выйдет?..

Прослушивание было для них полным провалом.

Вполне возможно, что голос Викки и годился для того, чтобы убажывать непритязательные аудитории пьяниц, для которых она и выступала одно время в салунах Арканзаса, но теперь же они имели дело с солидным и передовым миром звукозаписи и здесь для Викки наступали тяжелые времена, потому что – даже после усиления – ее было нелегко слышать на фоне ведущей гитары Гамильтона, звучных аккордов бас-гитары и собственно грохота, производимого самим Садовски. На счастье Викки, продюсер студии «Ригэл» проходил мимо них как раз в то время, как она и тогда еще безымянная группа завершали свой второй отрывок. Стоя за

стеклом, он слушал и смотрел. И все что ему довелось услышать тогда – по собственному признанию Садовски – было, откровенно сказать, просто ужасно, но вот глазам его предстало довольно примечательно зрелище. А увидел он то, что еще раньше уже довелось увидеть Кенигу: девятнадцатилетняя Виктория Миллер, высокая и длинноногая, с черными, как безлунная ночь, волосами и глазами цвета антрацита, и рядом – трое аккомпанировавших ей тоже довольно симпатичных молодых людей, которые волею судеб все оказались ниже ее ростом, да к тому же еще все трое были блондинами.

В музыкальном бизнесе, по крайней мере так объяснил нам это Садовски, «продюсер» на деле сочетает в себе аранжировщика, дирижера и режиссера, если монтаж записанного произведения вообще может быть сравним в какой-то степени со съемками фильма или постановкой спектакля. У Кенига на студии работал продюсером юный еще тогда Эдди Маршалл – урожденный не то Марчиано, не то Мариани, а может быть Мاستрояни или Мариэлли, Садовски уже просто не помнил этого – итальянец по происхождению, родившийся в Лос-Анджелесе, прокладывающий себе путь к вершинам музыкального бизнеса, принимаясь за работу, которая по его собственному убеждению была «недостойна его подлинных талантов», что он имел обыкновение ставить в упрек группе. В Викки и троих аккомпанировавших ей юнцах, он сумел разглядеть визуальное ядро еще одной из тех сенсаций, которые могут случаться только в рок-бизнесе –

если только из них удастся сделать зрелище. Кранц и Садовски играли гораздо лучше, чем их девятнадцатилетний лидер-гитарист, с которым Викки и ее отца свела судьба в Нэшвилле, и который, как и большинство своих сверстников выучил лишь три основных аккорда, а потом накопил наверное не меньше чем на тысячу долларов многочисленных усилителей и динамиков, чтобы его «группа» могла репетировать. Но в конце концов и он был не безнадежен. Голубоглазый красавец-блондин, обладающий к тому же еще очаровательной улыбкой, Джеф Гамильтон все же тоже впоследствии станет играть, а друзья ему в этом помогут, да и к тому же он как нельзя лучше подходил к тем двум светловолосым музыкантам, из которых Эдди рассчитывал сделать группу для будущих выступлений Викки. Название «Уит»⁸ было присвоено новорожденной группе самим Эдди и было связано с цветом волос игравших в ней музыкантов.

Однако самая главная трудность заключалась в самой Виктории Миллер и ее пробивном папаше. Двейн Миллер был до некоторой степени одержимым своей идеей. В своем лице он сумел одновременно сочетать качества религиозного фанатика, балаганного зазывалы, опытного жулика и практичного антрепренера, возомнившим себя вдруг единственным полномочным импресарио одной единственной актрисы, волею судеб оказавшейся в его распоряжении: своей дочери Виктории.

⁸ «Уит» (англ. wheat) – пшеница.

И он не желал соглашаться ни на что, как только на то, чтобы она всенепременно стала звездой, не будучи при этом наделенной сколь-нибудь заметными вокальными данными и при почти полном отсутствии музыкального слуха. Но чудеса все же иногда случаются, а Эдди Маршаллу давно не терпелось попробовать себя в качестве продюсера своей самой первой...

– Ведь даже Моисей и Иисус, – заметил Садовски, – тоже начинали с чего-то.

И вот Эдди закрылся с теми тремя музыкантами (которых он теперь уже вполне официально окрестил группой «Уит»), и целых три недели они работали над синглом, который затем вошел в альбом, ставший впоследствии хитом: Эдди сам написал у нему музыку и назвал это свое произведение «Безумием», потому что само по себе это слово повторялось в нем в различных вариациях целых двадцать шесть раз в сочетаниях со стихотворными шедеврами типа «Я весь в...» и «мы все в...» и «они все в...», оказавшимися своего рода пророчеством, потому что ко времени выхода альбома «Безумием» были охвачены действительно все.

Если лишь три недели ушло у них на то, чтобы довести до ума тот сингл, именем которого позднее и был назван весь альбом, то на запись остальных девяти песен для того же альбома ушло соответствующее число месяцев. И еще три месяца Эдди колдовал над электроникой в аппаратной («На это ушли ноябрь и декабрь 1964 и январь 1965», – сказал Са-

довски), с таким упорством, с каким ему еще никогда в жизни не приходилось работать. Его исходный материал состоял из довольно неплохого бас-гитариста, слишком громкого ударника, лидер-гитариста, репертуар которого к тому времени увеличился с трех до восьми аккордов и певицы, которая хотя и обладала внеземной красотой, но едва-едва справлялась с мелодией. И настоящим чудом из чудес было то, что несмотря на все это, он все же добился своего. Пустившись на такие эффекты и ухищрения, до которых, пожалуй больше и не сумел бы додуматься, кроме, может быть, Штейнмеца, Эдисона или Маркони, Эдди произвел на свет альбом, который заставил зазвучать «Викторию Миллер и „Уит“» – именно так они были представлены на обложке альбома, который был украшен аналогичной кроваво-красной надписью – как нечто совсем новое в рок-музыке со времен «Битлз».

– Альбом «Безумие» вышел в апреле 1965 перед самой Пасхой, – рассказывал Садовски, – Эдди и Кениг рассчитывали на то, что именно в это время толпы подростков и молодежи разъедутся по домам на каникулы, и тут же бросятся в магазины в поисках нового таланта. Всего за три недели наш альбом вырвался на первое место во всех хит-парадах, а в начале июня была продана его миллионная копия, и он стал «золотым». Сингл же лишь самую малость не дотянул до миллиона, и поэтому в этой категории «золотыми» мы не стали, но это было отнесено нами за счет того, что очень многие уже купили наш же альбом.

В ночь перед убийством Викки говорила мне, что ее Продюсер не хотел, чтобы она пела живьем, потому что «ему хотелось, чтобы все шли и покупали мой голос в записи, понимаешь?» Принимая во внимание ограниченные вокальные способности Викки, без поддержки студийных технических хитростей сами по себе ничего не значащие, принятое тогда Эдди решение казалось вполне разумным. Следующий альбом назывался «Снова Безумие», он вышел в 1966 году и тоже стал «золотым». Третий и последний их альбом назывался просто – «Викки». К тому времени стало вполне очевидно, что из всех них звездой почиталась только одна Викки; это именно Виктории Миллер «Ригэл Рекордз» был обязан своими доходами, ну а ребята с волосами цвета пшеницы на ее фоне казались не более чем обыкновенной соломой.

Отказы Викки выступать со сцены, и даже появляться в каких бы то ни было телешоу, относились целиком на счет присущей ей застенчивости. Миллионы поклонников Викки, как это утверждалось в пресс-релизах, довольствовались любыми подробностями из личной жизни звезды, освещавшимися в бесконечном потоке раздаваемых ею направо и налево интервью для газет и журналом, ни в одном из которых никто не смог бы услышать ее вполне заурядного голоса. Альбом «Викки» вышел в 1967 году и тоже стал «золотым». Это был ее последний альбом.

– А что потом? – спросил Блум.

– Потом она вышла замуж, – пожал плечами Садовски, –

за Тони Кенига, в марте шестьдесят восьмого года. И практически сразу же после этого она забеременела. Мы как раз работали тогда над четвертым альбомом, а у нее тут случился выкидыш. Если мне не изменяет память, тот альбом должен был называться «Снова Викки», он так никогда и не был завершен. Потеряв первого ребенка, Викки забросила работу на полпути. Она сочла, что все это из-за того, что ей приходилось слишком много работать и выкладываться в студии. Она объявила всем репортерам, что личная жизнь для нее теперь куда важней, чем все «золотые» диски в мире вместе взятые. Так она закончила свою карьеру, а заодно и карьеру группы «Уит», и самого Эдди Маршалла. Тот начал покуривать «травку», и наконец кончилось все это тем, что Эдди стал работать диск-жокеем на какой-то захолустной радиостанции в...

– Мистер Хоуп, – обратился ко мне Кенион, заглянув к нам в кабинет, – вас просят к телефону, если хотите, то можете снять трубку прямо здесь.

– Спасибо большое. Прошу прощения, – извинился я и вышел из-за стола. Оказавшись в приемной, я взял трубку, которую Кенион протянул мне. – Алло?

– Угадай, кто это, – сказала Дейл.

– Привет.

– Ты знаешь, который час?

– А как же.

– Уже без пяти минут десять.

– В точности так.

– А ты обещал, что в десять ты там уже все закончишь.

– И закончу.

– Я просто хотела убедиться, – сказала Дейл. – А почему бы тебе не уехать оттуда прямо сейчас?

– Прямо сейчас и уеду.

– Мэттью, я...

– Что?

– Да нет, ничего, просто поторопись, – сказала она.

В трубке раздался щелчок. Я положил трубку на рычаг, поблагодарил Кениона и снова вернулся в кабинет капитана.

– Все в порядке? – поинтересовался у меня Блум.

– Да, но только мне уже пора, – ответил я. – У меня уже была запланирована еще одна встреча на сегодняшней вечер, но когда ты позвонил...

– Я здесь еще немного задержусь, – сказал Блум. – Но если тебе надо идти – нет проблем, иди.

– Он все еще думает, что я к этому делу тоже какое-то отношение имею, – сказал Садовски, обращаясь ко мне.

– Так постарайтесь убедить меня, что это не так, – ответил ему на это Блум.

У дома Дейл на рифе Виспер я был не раньше, чем без двадцати минут одиннадцать. К этому времени я успел уже чертовски проголодаться, и когда я сказал Дейл о том, что я еще не успел поужинать, она тут же достала большой кусок жареного мяса и огромный спелый помидор, порезала

и то и другое, сделала из всего этого огромный сэндвич и достала из холодильника бутылку холодного пива. Мы расположились во внутреннем дворике ее дома, где я и набросился на еду, в то время пока она неспешно потягивала что-то из фужера. Тем вечером на улице было довольно сыро, и стоявшая здесь мебель была несколько липкой и влажной на ощупь. На Дейл был голубой нейлоновый пеньюар, а волосы ее были распущены по плечам. Она смотрела на меня, пока я с жадностью поглощал свой сэндвич, запивая его пивом и сидя так с набитым ртом, рассказывал ей о сестрах Хайбель, живущих на Фэтбаке, и о «беседе» – как иносказательно данное мероприятие называется у полицейских – с Нейлом Садовски. Но Дейл, казалось, была поглощена своими собственными мыслями. Закончив наконец свой рассказ, я открыл для нее объятия, и она подошла ко мне, устроилась у меня на коленях, и положив мне голову на плечо, вздохнула.

– У тебя что-нибудь случилось? – спросил я.

– Очень неудачный день в «Блэкстоун».

– Ну, рассказывай.

– Все плохо, – продолжала Дейл, – с начала и до конца.

Тебе будет не интересно.

– Все равно расскажи.

Помимо остальных небольших и досадных неприятностей, которые могут свести с ума любого адвоката, больше всего Дейл беспокоила встреча в самом конце ее рабочего дня, когда ей нанес визит адвокат, представлявший на бра-

коразводном процессе интересы некоего мужа. Дейл на том же процессе представляла интересы жены, и роль эта была ей не по душе с самого начала, хотя бы потому что на стороне мужа выступал мужчина, а сторону жены представляла женщина, все уже заранее было расписано, разложено по полочкам, и все роли распределены по половому признаку: мальчики с мальчиками, девочки с девочками. Пока она рассказывала мне все это, рука моя покоилась на ее прикрытой нейлоном груди, и когда я неожиданно отдернул руку, словно мне стало горячо, Дейл тут же притянула ее обратно к себе («Не дури, Мэттью», и затем сама положила ее к себе на грудь за V-образный вырез пеньюара.

Сначала Дейл решила, что адвокат противоположной стороны пришел к ней для того, чтобы обговорить детали бракоразводного договора. Вот уже несколько последних месяцев они безрезультатно торговались из-за алиментов и выплат на содержание, и поэтому-то Дейл, повинувшись логике, сделала для себя предварительный вывод о том, что он пришел к ней сегодня под самый конец рабочего дня, чтобы предложить что-нибудь более разумное, чем те цифры, на которых он так непреклонно настаивал еще во время их последней встречи перед рождеством. На этот раз первые двадцать минут своего визита он даже и словом не обмолвился ни об алиментах, ни о прочих выплатах, предпочитая вместо этого рассказывать о купленном им совсем недавно новом катере, а заодно и узнать о самой Дейл, что да, она замужем еще не была, и

что в общем-то особых привязанностей у нее нет, и что ее не слишком занимают водные виды спорта и она была бы очень признательная ему, если бы он перешел бы непосредственно к цели своего визита, если у него на самом деле была какая-нибудь цель.

– Знаешь, Мэттью, к тому времени он мне уже порядком поднадоел и даже уже начинал раздражать, – говорила она мне, – и да, милый, я знаю, я прекрасно знаю, что хуже нет, когда юрист начинает выходить из себя при встрече с представителем другой стороны, это я знаю, но ведь этот тип уже начинал намекать, что не плохо бы нам с ним было встретиться, – боже мой, и это все вместо того, чтобы перейти к действительно важным – по крайней мере для меня – вопросам, касательно развода моей клиентки, который она пытается получить в течение вот уже целых восьми недель, с тех пор как она еще задолго до рождества покинула дом мужа, забрав с собой своего семимесячного сынишку.

Я заметил, что Дейл уже во второй раз в своем рассказе упомянула о рождестве; и я вдруг подумал о том, что Викки и Эдди Маршалл каждый год посылали друг другу открытки с рождественскими поздравлениями. Я также припомнил – и это тоже очень взволновало меня еще на похоронах, когда мне довелось услышать, как Блум расспрашивал Маршалла – что Викки даже не упомянула в своем рождественском послании о скорой премьере в «Зимнем саду», которая ожидалась менее чем через две недели после рождества. Мне это

все же казалось очень странным – а Дейл все рассказывала:

– ...в течение следующих пяти минут, что на самом деле перед ним стоят две цели. Первая – это убедить меня в непорочной нравственности его клиента, а также и еще одна – хоть она и была довольно утонченной, но не настолько, чтобы не заметить ее вовсе. Представляешь, он ничего не упустил, перечисляя такие достоинства своего клиента, как честность, добродетельность, целомудрие, набожность, способность к состраданию, честность – или я уже упоминала о его честности? – а также то, что его клиент ко всему прочему еще является очень способным игроком бейсбольной команды Первой Пресвитерианской церкви. И выдавал он это все, как будто его перед этим запрограммировали – мой клиент так честен, что он однажды; мой клиент такой добродетельный, что он даже; мой клиент такой целомудренный, что он иногда; мой клиент такой набожный и так далее и тому подобное до бесконечности. И как будто бы всего того было недостаточно, он снова повторил все заново, мой клиент такой, мой клиент сякой. Короче, словно вооруженный грабитель, которого видели входящим в восемь часов вечера в винный магазин с обрезом под мышкой, но зато он точно запомнил, во сколько начинается сеанс в кинотеатре – например, в семь-тридцать, если уж на то пошло – и даже может точно рассказать тебе, кто и кого целовал ровно в восемь часов на экране в темном зале старого доброго «Биджо» на Мейн-Стрит, но который, мой дорогой, уже давно

снесен, чтобы на том месте появился бы еще один супермаркет. Мэттью, ты понимаешь, о чем я говорю? Он старался создать алиби своему клиенту, пытаясь обелить его, расписать передо мной как святого, и как будто бы это совсем и не жена его клиента впервые пришла ко мне в офис с фингалами, которые муженек поставил ей за то, что она имела наглость застукать его в постели с дешевой потаскушкой, что работает на разделке устриц в «Даунтаун Марин». В последствии бедная женщина показывала мне еще синяки на ногах и груди, нечего сказать, достойный образчик южной набожности и воспитанности. И вот это и есть ее муженек, замечательно играющий на второй базе за церковную команду. Это было его первой задачей. Алиби. Выдача рекомендаций.

Я же все еще думал о том своем разговоре с Эдди Маршаллом и о том, что как же все-таки странно, что Викки ничего не сообщила ему о своей премьере. И теперь, хотя конечно раньше до меня это не доходило, мне показалось, что слишком уж долго и чересчур навязчиво рассказывал Эдди о том, где он находился в ночь убийства. Теперь я думал о том, какое замечательное алиби могут предоставить яхта и океан. Двейн Миллер ничего не слышал о смерти внучки, потому что он был на рыбалке с двумя своими дружками, помешанными на рыбалке. Эдди Маршалл не слышал ничего об убийстве Викки, потому что он тоже был в море, а что, весьма удобно: «Я возвратился лишь вчера вечером. Я даже не знал, что Викки снова решила вернуться на сцену. Обо

всем этому я узнал из газет. Если бы я только узнал о том чуть раньше, я бы тут же, сразу же, все бросил и примчался бы сюда...»

– ... совсем другое дело. Все мы на определенном этапе попадали в подобные ситуации, когда из тебя стараются выудить, буквально выжать информацию... эй, ты вообще-то как, слушаешь меня?

– Да, продолжай.

– У тебя такой остекленевший взгляд. Может быть тебе лучше отпустить мою грудь?

– Нет-нет. Продолжай.

– Ну вот. До меня дошло, что мой ученый оппонент просто-напросто избрал очень удобный способ получения нужных ему сведений, и перечислял он все эти достоинства своего клиента только для того...

«Я взял на время яхту у своего друга, что живет в Исламораде. И в воскресенье, когда я приехал туда...»

– ... и теперь он старался выяснить все в той же своей дьявольски хитрой манере, знала ли я о том, что за дела творились у них там все эти последние восемь недель, после того, как моя клиентка ушла от мужа, взяв с собой лишь маленького сынишку. Она ушла в том, в чем был, имея при себе лишь двенадцать долларов шестьдесят шесть центов наличными.

«По пути туда я остановился в „Диснейуорлд“ – вы были когда-нибудь в „Диснейуорлде“ в Орландо? – после этого я

отправился дальше и потом уж продолжил свое путешествие по воде.»

– И знаешь, мы ведь у себя в «Блэкстоуне» и не собирались суетиться. Мы обратились в частное сыскное агентство и сразу же после рождественских праздников они у проследили за мужем Эбби... ее Эбби зовут. И теперь уже у меня в правом верхнем ящике стола лежит их отчет, который подтверждает, что Харлоу – так зовут этого ублюдка, который избивал свою жену – что он и до сего времени продолжает встречаться с той потаскушкой, в постели с которой его и застала жена, и что девица эта уже поселилась у него в доме и в настоящий момент он с ней открыто живет во грехе – как об этом наверное сказали бы лет двадцать назад. Ты же сам уже прошел через жернова развода, и несомненно тебе должно быть известно, что в соответствии со статьей 61.052 законодательства штата Флорида, положительное решение по делу о разводе может быть вынесено лишь в следующих случаях: 1) если брак безнадежен или 2) если один из супругов признан умственно неполноценным. Короче говоря, это так называемый «неразводящий» штат, и даже если старый Харлоу перед уходом жены и содержал бы хоть целый гарем, это все равно не имело бы ровным счетом никакого значения. Но – и это очень большое «но» – но в статье 61.08 оговаривается возможность того, что в случае уличения одного из супругов в супружеской неверности, суд может вынести решение о том, присуждать ли данному супругу алименты, а также уста-

навливать размер подобных выплат, в случае принятия положительного решения – конец цитаты. Должна сказать, что это самое дискриминационное по отношению к женщинам положение, которое мне когда-либо приходилось встречать, потому что решающим фактором здесь считается неверность жены, а муж при этом наверняка может перетрахать хоть всех женщин штата, до которых только сможет добраться.

Но вот обратная сторона медали в том, милый мой, что я решила, что все же я смогу настаивать на том – уж если до того дело дойдет – что если на основании все той же 61.08 при подтвержденном факте неверности жены размер выплачиваемых алиментов может быть уменьшен или даже в самой выплате алиментов ей может быть отказано, то тогда по аналогии с вышеизложенным, при доказанном факте супружеской неверности со стороны мужа, сумма выплат должна быть увеличена. Мне доподлинно известно, что старик-Харлоу до сих пор ведет очень интенсивную внебрачную жизнь – кроме шуток, агент установил за ним круглосуточное наблюдение, и в отчете очень подробно изложены все его приходы-уходы, и теперь же его адвокат пытался выяснить, насколько я осведомлена об этом. Она задавал мне вопросы, точные ответы на которые были ему уже известны, вот ведь умник выискался...

– «Зеленый уголок», так, кажется, называется то местечко?

– «Зимний сад».

– Ну и как она там звучала?

– Не слишком-то хорошо...

– ...все ходил вокруг да около, подозревая, наверное, что я предприняла частное расследование в отношении его клиента. Задавал мне самые разнообразные вопросы, типа, знаю ли я, где его клиент живет, и он знал, что я это знаю; и известно ли мне о том, что с тех пор, как от него ушла жена, он живет совсем один, а это уже просто наглая ложь, потому что он все это время жил со своей подружкой, той самой, что разделяет устрицы; и пробовала ли я когда-нибудь звонить туда, естественно подобный вопрос выходил за рамки этики, но он все же любой ценой пытался выяснить, звонила ли туда Эбби, а если да, то случилось ли такое, что та шлюха первой снимала трубку и отвечала на звонки, и рассказывала ли Эбби об этом мне, своему адвокату – но слишком уж очевидно он забрасывал свою удочку. Наконец до меня дошло, к чему он клонит, но случилось это почти уже под самый конец нашего разговора. И после этого я уже просто сидела и слушала его, и у меня было такое ощущение, что мне вдруг неожиданное довелось увидеть его без одежды, совершенно голым, и что он вот так стоит передо мной...

– Вы думаете, ее кто-нибудь запугал?

– Я не знаю.

– Ну, а она ничего не упоминала ни о каких угрозах?

– Нет.

– Или может было письмо с угрозами?

– Когда он закончил говорить, я еще несколько минут сидела неподвижно, а затем выдвинула верхний ящик стола – и должна заметить, довольно резко – вынула оттуда отчет частного агента и положила его перед ним, сказав при этом: «Я думаю, что вам все же лучше решить поскорее, какой размер алиментов и расходов на содержание вы собираетесь предложить, потому что, хотя ваш клиент может быть действительно здорово играет в бейсбол, но даже этот ваш факт не произведет должного впечатления на судью, когда мы выложим в суде вот это». Он тут же побледнел, стал белый как мел. Он понял, что мне удалось подловить его, и было уже просто очевидным, что это он оказался у меня на крючке, это он... Мэттью?

– Да, Дейл.

– Да что с тобой сегодня? Что случилось?

У меня неожиданно всплыло в памяти еще одно воспоминание, связанное с днем похорон. Я вспомнил, как Маршалл подвел меня к тому месту на автостоянке, где была припаркована моя «Карманн Гиа».

– Мне нужно позвонить Блуму, – сказал я и ссадил Дейл с коленей.

Блум все еще был в участке, но ответившая на мой звонок женщина сообщила мне, что он все еще беседует с Садовски. Я попросил передать ему, что у меня к нему есть очень срочное дело, и пусть он позвонит мне, как только освободится. Дейл все это время наблюдала за мной.

– Ты хоть слышал, что я тебе говорила? – спросила она.

– Все до единого слова.

– Ты что, думаешь, что я идиотка и не понимаю ничего из того, что происходит...

– Нет. Я думаю, что ты неотразима.

– Ну уж конечно.

Я поцеловал ее. Я притянул ее к себе. Я снова поцеловал ее. А затем мы пошли в спальню, и Дейл стянула покрывало с кровати, а сама, извинившись, ушла в ванную. Оставшись один в темноте, я разделся и лег на постель, прислушиваясь к шуму разбивающихся о берег волн. Я слышал, как из крана в ванной лилась вода. Наконец Дейл закрыла кран, и наступила тишина, нарушаемая только рокотом прибоя. Дверь в ванную приоткрылась. На какой-то момент на пол спальни легла полоска света из дверного проема. Дейл щелкнула выключателем и стала пробираться в темноте ко мне. Мы уже находились в объятиях друг друга, когда снова зазвонил телефон.

– Черт, – ругнулась Дейл, включила ночник и сняла трубку с аппарата. – Алло? – сказала она, а затем, немного послушав, ответила, – Да, подождите немного, – и протянула мне трубку. – Это Блум.

– Алло? – сказал я.

– Что у тебя, Мэттью?

– Я тут кое-что вспомнил.

– Что такое?

– Во время похорон в прошлую среду, когда ты ушел, мы с Маршаллом остались вдвоем и еще немного поговорили. Морри, я думаю, что он тогда старался прозондировать почву. Мне кажется, что он пытался разузнать, что именно мне известно о тех телефонных звонках. Тех...

– Да? И что?

– Он проводил меня до машины.

– Мэттью...

– Морри, он знал мою машину. Он остановился у нее раньше меня. На заднем номере была надпись «ХОУП-1», но ведь он никак не мог ее видеть, потому что мы подошли к ней спереди. Если он знал мою машину, которая была припаркована у дома Викки той ночью, когда ее...

– Я тебя понял, – сказал Блум. – Давай быстро приезжай сюда, я хочу, чтобы ты подробно пересказал мне, о том вашем с ним разговоре. А я тем временем попридержу Садовски. Он здесь абсолютно не причем, но я думаю, что все же кое в чем он сможет оказаться нам весьма полезен.

Глава 11

Большинство людей даже и не предполагают, что профессия полицейского – это круглосуточное занятие, и что жизнь в полицейских участках не останавливается ни на минуту в любое время суток. Удивительно еще, что здания всех полицейских участков не изнашиваются до основания уже где-нибудь на третий год после их ввода в эксплуатацию; но даже это относительно новое сооружение, возведенное у нас в Калусе, стало подавать признаки того, что здание это мало-помалу начинает приходить в упадок. В то время, когда часовая стрелка стенных часов подобралась к цифре «12», а затем к ней присоединилась и минутная стрелка, и обе они замерли в строго вертикальном положении на весьма непродолжительное время, здесь, в полицейском участке даже в полночь царило полуденное оживление. Наверное целый дивизион детективов и облаченных в форму полицейских сидела за стоявшими в комнате столами и названивали по телефонам, один из них сидел и выискивал нужные буквы на пишущей машинке, разглядывая ее клавиатуру с таким недоверием, как будто буквы на ней были написаны на санскрите. За соседним с ним столом шел допрос какого-то порядком подвыпившего мужика, которым занимался детектив в рубашке с закатанными рукавами и пистолетом.38 калибра в наплечной кобуре. В другом конце комнаты женщина в за-

брызганной кровью кофточке рассказывала что-то полицейскому в форме. Садовски сидел за одним из столов рядом с Блумом; я к тому времени уже пересказал Блуму тот разговор, который произошел между мной и Маршаллом в день похорон – и теперь Блум принимался за работу.

– Конечно, прошло уже очень много времени с тех пор, как вам довелось слышать его имя, – сказал Блум Садовски, – но ведь вы все же совсем недавно говорили мне, что это было нечто похожее на Марчиано, или Мариани, или Мастрояни, или Мариэлли, что-то типа этого, но точно вы так и могли припомнить.

– А я и сейчас не могу его вспомнить, – отозвался Садовски.

– Правильно, и вот что я собираюсь сейчас сделать. Я хочу попытаться помочь вашей памяти вспомнить, о'кей?

– Конечно, если вам так угодно, – со вздохом проговорил Садовски.

Я вдруг понял, чем были заняты полицейские на телефонах. Они обзванивали все, даже самые захолустные отели и мотели, расположенные в городе Калуса, и возможно также в граничащей с нами Манакаве, а также Хезтервилле.

– Полиция Калусы, – сказал один из полицейских, – не можете ли вы сказать мне, мэ, не останавливался ли у вас постоялец по имени Эдвард Маршалл?

– Да, Маршалл, – говорил в трубку другой полицейский, – М-А-Р-Ш-А-Л, два «л» на конце, да, сэр.

– У вас там значится Эдди Маршалл?

– Или вообще хоть какой-нибудь Маршалл? А у вас проживают постояльцы по имени Эдвард?

– Да, мэм, я подожду.

– Это довольно длительный процесс, вы должны это понять, – говорил Блум, – и мне очень жаль, что нам придется утруждать вас подобным образом, но велика вероятность того, что он мог воспользоваться именем, которое было ему уже хорошо знакомо, то имя, с которым, по существу, он был рожден. Тогда ему не понадобилось бы выдумывать себе что-нибудь новое. Большинство из тех, кто регистрируется в отелях под вымышленными именами, тем не менее некоторым образом зачастую используют при этом свои собственные инициалы. Я надеюсь, вы знаете об этом. Здесь нет ничего загадочного, просто очень многие мужчины и женщины имеют при себе вещи с монограммами, ну там, рубашки, носовые платки, чемоданы, и поэтому было бы по крайней мере очень странно, если бы парень по имени Эдди Маршалл, одетый к тому же в рубашку с вышитыми на ней инициалами, вдруг взял да и записался в книге для гостей отеля как какой-нибудь Джон Смит, понимаете, о чем я?

– Да, – ответил Садовски и снова вздохнул.

– Хорошо, – сказал Блум, – очень хорошо, – и неожиданно он усмехнулся. В тот вечер его отличала необычайная веселость, которой никогда раньше я за ним не замечал. Казалось, что даже лишь один повод для подозрений – в допол-

нение к тому, что все сотрудники были уже просто-напросто захвачены этим – послужил для Блума тем самым толчком, в котором он так нуждался.

– Если вы не возражаете, мистер Садовски, то мне хотелось бы сейчас вместе с вами просмотреть телефонный справочник Калусы, весь его раздел на букву «М», строка за строкой, и это совсем не потому, что Маршалл здесь жил, конечно же нет, даже если это и было бы так, то он все равно значился бы в нем под своим теперешним именем, а вовсе не под тем, которое он сменил уже много лет назад, еще когда жил в Калифорнии – Пит, – неожиданно окликнул он, – ты уже дозвонился до Департамента полиции Лос-Анджелеса?

– Ага, – ответил Кенион, – они перезвонят утром, когда начнется рабочий день в судах.

– А что там слышно о Сан-Диего и Фриско?

– Над этим работают Рейнолдс и Ди Лука.

– Он уже вернулся из отпуска? – спросил я.

– Кто вернулся из отпуска? – повернулся ко мне Блум.

– Ди Лука.

– Во как. А я даже не заметил, что его не было, – проговорил Блум и рассмеялся.

– Он вернулся уже, – сказал Кенион. – Приехал вчера. А вы что, знакомы с ним?

– С Сакраменто ты тоже свяжись, – посоветовал Блум. – Пусть они утром как раз и начнут свой рабочий день с этого. Если парень меняет свое имя, то должна же запись об этом

где-то сохраниться.

– Точно, – согласился Кенион и вышел из комнаты.

– Вот телефонная книга, – сказал Блум, обращаясь к Садовски, – и вот что мы сейчас сделаем: я буду опускать все фамилии, которые вовсе не похожи на итальянские, такие как, Мейсон, Мур или Мориарти, ну вообще, таких. Но вот например здесь дальше встречается фамилия с множеством гласных – на, например, вот, здесь, Макалерро, это похоже на то, как его звали?

– Нет. Я не знаю, не уверен.

– А вы подумайте немного. Макалерро. Это вам о чем-нибудь говорит?

– Нет, ничего.

– А вот еще одно, сразу за ним. Макаарро.

– Нет. Его звали длиннее.

– Ладно, еще ниже на той же странице Макиниста, похоже?

– Нет, – сказал Садовски.

– Маэгли?

– Нет.

– Маэстро?

– Нет.

– Маффето?

– Нет.

– Мфрисиано?

– Нет.

– Магалетто?

– Нет.

– Если тот парень изменял себе имя, – сказал один из детективов, которого все звали Григорио, – то он мог просто-напросто перевести его.

– Как это? – заинтересовался Блум.

– С итальянского. Один мой друг тоже изменил имя, и теперь его зовут Фрэнк Лэмб.⁹ А хочешь узнать, как его имя звучало по-итальянски?

– Как же?

– Франческо Аньелло. Тот же «ягненок», только по-итальянски.

Блум уставился на него. Мы все теперь смотрели на Григорио.

– А как будет по-итальянски «Маршал»? – спросил наконец Блум.

– А я откуда знаю? – ответил Григорио. – Возьми словарь, да и посмотри.

Где-то около полутора часов ушло на то, чтобы раздобыть наконец итало-английский/англо-итальянский словарь. Все книжные магазины в городе были закрыты, а в телефонном справочнике не было ни одного телефона, по которому можно было бы разыскать кого-нибудь из их владельцев. В конце концов Блум нашел в здании полицейского участка кого-то, кто смог наконец назвать имя человека, ведающего системой

⁹ Лэмб – (англ. lamb) – ягненок.

публичных библиотек Калусы. Блум быстро разыскал его координаты в телефонной книге, а затем, позвонив ему домой без четверти час ночи, попросил его прислать кого-нибудь с ключами в центр города к «Библиотеке Хенли», с тем чтобы ее срочно открыли, потому что ему, Блumu, прямо сейчас нужен итальянский словарь. Человек тот, кстати, звали его Роджер Малер, из-за того, что сама работа его была сопряжена с разными видами неудобств и оскорблений, которые ему приходилось зачастую претерпевать по роду службы, но вот подобное, видимо, встречалось в его практике впервые, терпеливо поинтересовался у Блума, а не мог ли тот потерпеть до утра. Блум же ответил на это, что утро практически уже наступило, и что он сам сейчас непосредственно занимается расследованием двойного убийства, и что все же он был бы весьма признателен лично ему, мистеру Роджеру Малеру, если бы сюда прямо сейчас приехал бы кто-нибудь со связкой ключей от библиотеки. В конце концов Малер согласился подъехать сам туда, где его ожидал детектив Кеион, вернувшийся затем около двух часов ночи обратно в участок. Он положил словарь Блumu на стол.

– А я уже успел заглянуть в него, – проговорил он.

Блум перелистывал страницы англо-итальянского раздела словаря. Наконец он нашел нужную страницу и принялся водить пальцем по строчкам.

– Маршал... хм, вот он, маршал, – произнес он и посмотрел на Садовски. – «Maresciallo» – прочитал он. – Грегорио,

это как произносится?

– Так какое сочетание? С-Н-І?

– Нет, просто С-І.

– Тогда это надо читать как «ш».

– Маршьялло, – сказал Блум. – Ну как, это похоже на его имя, как вам кажется, мистер Садовски?

– По-моему, это оно и есть, – ответил Садовски.

Полицейский, которому удалось разыскать тот мотель, сидел за столом рядом с Блумом.

– Маршьялло, – говорил он в телефон и затем повторил фамилию еще раз по буквам. Внезапно его глаза округлились, и он отчаянно зажестичулировал свободной рукой, стараясь обратить на себя внимание Блума. – Да, именно так, а имя у вас какое значится? Потрясающе! – произнес он вслух. – Так когда он у вас остановился? Когда-когда? – Все это время он записывал что-то на клочке бумаги, лежавшим перед ним на столе: левым локтем он прижимал бумагу к столу, в то время как ручка, зажатая в правой руке, быстро двигалась по листку. – Подождите немного, – сказал он и прикрыл трубку рукой. – Мотель «Марджо» на Саут Трейл. Остановился у них одиннадцатого числа, это пятница, за два дня до того, как ее убили.

– Он все еще у них? – спросил Блум.

– Он все еще у вас? – спросил полицейский по телефону, потом немного послушав, он снова прикрыл трубку ладонью. – Сегодня уехал.

– Ладно, тогда спроси у этого парня...

– Это женщина.

– Спроси у нее, во сколько он рассчитался с нею за номер.

– В котором часу он уехал от вас? – снова спросил полицейский на телефоне, затем он кивнул и проговорил вслух. – В половине одиннадцатого.

– А ты спроси-ка еще у нее... хотя, ладно, дай я сам поговорю, – сказал Блум и взял у него трубку. – Мэм, – заговорил он, – когда этот человек снимал у вас комнату, вы отметили, на какой машине он приехал, я имею в виду год и модель, как этого требует закон? Хорошо, тогда назовите мне их, – Блум начал записывать. – А номерной знак? Хорошо, очень хорошо. Джорджия, так, да, я записал уже, а сам номер? Благодарю вас, мэм. А в каком месте на Трейл находится ваше заведение, мэм? Ага... Когда он уезжал от вас, вы не заметили случайно, в какую сторону он повернул: на север или на юг? Так, спасибо, мэм, все равно большое спасибо вам. Спокойной ночи, – положив трубку, он обратился к нам. – Вот, синий «Олдсмобиль», зарегистрирован в Джорджии, вот под этим номером. Она не видела, в какую сторону он отправился, потому что смотрела в это время в офисе телевизор. Итак, у него четыре часа форы. Если он отправился в Джорджию, то где он может находиться сейчас? До Тампы, считай, часа два езды отсюда, и еще тогда у него остается в запасе два часа, посчитаем по пятьдесят пять в час – ведь следует все же принимать во внимание еще и то, что он ско-

рее всего не станет превышать скорость, так? Итак, до куда в таком случае он уже мог добраться? Что это может быть – Тампа и плюс еще сто десять от нее?

– Где-нибудь между Окалой и Гайнесвиллем, – предположил Кенион.

– Это в округе Мерион, да?

– Или Алачуа. Но это в случае, если он только не подался на юг. Если бы, например, я убил бы сразу двоих, то я бы наверняка ни за что не поперся бы напрямик домой.

– Как ты думаешь, мы сможем получить ордер на арест? – спросил Блум.

– У нас нет обоснования для этого, – ответил Кенион. – То, что он наврал тебе о том, когда все-таки он в самом деле приехал сюда, еще вовсе не означает, что оба убийства – его рук дело.

– Но ведь он узнал машину Мэттью, – возразил Блум. – Я знаю, что этот сукин сын и убил их обеих, я это чувствую.

– Тогда пойди к судье и скажи ему, что тебе нужен ордер на арест, на основании того, что ты это чувствуешь, – рассудительно сказал Кенион. – И к тому же ты даже не знаешь еще, где он вообще сейчас есть. И даже если случится чудо и тебе удастся заполучить ордер на его арест, который тебе, естественно, никто не даст без обоснования...

– Или хотя бы при отсутствии хотя бы разумных подозрений, – вставил Грегорио.

– Да уж, – вздохнул Блум.

– И даже если предположить, что ордер этот уже у тебя, то скажи мне на милость, где ты собираешься искать этого парня? А что если он направился через весь штат, а затем на юг, к Рифам, там, где он по идее и должен был проводить прошлый уикэнд. И очень возможно, что он мог пересечь где-нибудь там на яхту, и может статься, что сейчас он уже вышел в море и направляется куда-нибудь на Багамы или еще куда.

– Все чего я хочу и чего буду добиваться, так это заполучить его сюда, – снова заговорил Блум, – и задать ему несколько вопросов. Никто не станет лгать о том, где он был и что делал, если только у него не будет на то веских причин.

– Ты лучше судье об этом расскажи, – заметил Кенион.

– Нам известно его имя, теперь нам известно на чем он едет, мы думаем, что возможно это именно он убил двоих, но мы не можем арестовать этого ублюдка, – сказал один из находящихся в комнате детективов.

Я не был знаком с ним. Он был больше Блума, широкоплечий, с огромными и сильными руками. В тот момент он стоял и попивал кофе из бумажного стаканчика.

– Может быть он все-таки проедет где-нибудь на красный свет, – выдвинул предположение Кенион. – Полиция задержит его за это, и уж тогда мы привезем его сюда и...

– Нарушение чертовых правил дорожного движения, – сказал большой детектив, пожав плечами.

– Хотя я бы все же остановился на чем-нибудь из области

судебно-наказуемых проступков, – заметил Блум.

– А какое количество «травки» считается уже составом преступления? – спросил я.

Большой детектив, который знал, кто я такой, но никак не мог взять в толк, по какому праву и что вообще я здесь делаю, взглянул на меня так, как будто я только что задал самый глупый вопрос из тех, что ему когда-либо приходилось слышать за все то время, что ему пришлось работать в полиции. Блум тоже посмотрел на меня, провел устало рукой по лицу, а затем переспросил у Кениона:

– А, Пит? Сколько это сейчас? Двадцать грамм?

– Двадцать грамм, – утвердительно кивнул Кенион.

– Раньше было только шесть, – сказал большой детектив. – Идиотский закон в наше время всегда стоит на стороне плохих ребят.

– А сколько это в «косячках»? – снова спросил я. – В двадцати граммах-то?

Блум снова посмотрел на меня и вздохнул. На часах было начала четвертого утра, все мы здесь присутствующие за эти полночи так и не сомкнули глаз, и теперь Блум наверное подумал, что вот, я тут болтаю разную чепуху, в то время как он сам пытается найти способ, как побыстрее арестовать и упрятать Маршалла за решетку.

– Пить? – устало сказал он. – Сколько «косяков» можно наделать из двадцати граммов?

– А я откуда знаю? – вопросом на вопрос ответил Кени-

он. – Пятнадцать-шестнадцать? А что?

– Маршалл говорил мне, что в машине у него есть целая дюжина, – пояснял я.

Блум снова посмотрел на меня. На этот раз он не вздыхал.

– На похоронах он предложил мне покурить, и сказал, что у него в машине есть еще дюжина.

– Так вот оно что, – Блум повернулся к Кениону. – Пит, слушай. Разве это не может послужить обоснованием для выдачи ордера на арест?

– А когда это было? – спросил Кенион.

– В прошлую среду.

– Слишком давно, – он покачал головой.

– Но ведь попытаться все же можно, – настаивал Блум.

– Но судье все равно обязательно захочется узнать, отчего это вдруг мы гоняемся по всему штату за какими-то дурацкими двенадцатью набитыми марихуаной сигаретами, речь о которых, к тому же шла в среду на прошлой неделе. ТЫ об этом-то хоть подумал?! – возразил ему большой детектив.

– А я и скажу ему, – настаивал Блум на своем. – Я скажу ему, что арест за хранение наркотиков это всего лишь для отвода глаз, что на самом деле все намного серьезнее.

– А может быть он и дат добро, – сказал Кенион, пожав плечами.

– Ага, все может быть, – согласился большой детектив.

Синий «Олдсмобиль» был задержан по эту сторону заставы, где с водителей машин взимался подорожный сбор, со-

всем недалеко от объездной дороги, ведущей к рифам. Данные о машине были заложены в компьютер в половине десятого утра, сразу же после того, как Блум представил судье свои доводы и просил о выдаче ордера на арест на основании имеющегося нарушения статьи 893.13 законодательства Флориды, в которой речь шла о незаконном сбыте, изготовлении, транспортировке или хранении с целью последующего сбыва веществ, определенный в статье 893. Блум дал под присягой письменные показания, что он располагает достоверными сведениями о том, что примерно двадцать грамм конопли и сейчас находятся в отделении для перчаток синего «Олдсмобиля», в настоящее время принадлежащего и управляемого неким Эдвардом Ричардом Маршаллом, чье транспортное средство скорее всего еще находится на территории штата Флорида. Как и предполагалось, судье захотелось знать, почему это из-за нескольких грамм «травки» поднялся такой переполох. Блум посвятил его в свои истинные предположения. Судья обдумывал решение примерно пол-минуты и подписал ордер.

Когда полицейские вынудили Маршалла выехать на обочину, после чего у него потребовали водительские права и документы на машину, он в свою очередь поинтересовался, в чем, собственно говоря, дело. Полицейский прочел имя, указанное в обоих документах и задал очередной вопрос: «Это вы Эдвард Ричард Маршалл?» и когда Маршалл признал, что да, это он, то в ответ ему было объявлено, что в

настоящее время он разыскивается Департаментом полиции Калусы, после чего машина его была очень быстро обыскана, а из «бардачка» были извлечены сигареты с марихуаной, но только уже не двенадцать, а только восемь.

В компьютерную систему была также заложена информация о том, что Маршалл разыскивается полицией города Калусы для дачи показаний по делу о двух убийствах, и судья из округа Дейд, который должен был установить размер залога, был уже осведомлен об этом. Он также знал и о том, что задержавшие Маршалла полицейские уже позвонили в полицию Калусы, и что те просили их назначить непомерно высокий размер залога за то, несомненно являлось преступлением. Судья понял, что полицейские Калусы хотели таким образом потянуть время, чтобы затем успеть допросить этого задержанного еще и по делу о двух убийствах. И хотя при аналогичных задержаниях обычно назначался залог в пятьсот долларов и оплата поручителем всего пятидесяти долларов позволила бы Маршаллу снова оказаться на какое-то время на свободе, судья все же пошел полицейскому департаменту Калусы навстречу, и за преступление, за которое полагалось не более года тюрьмы, им был назначен залог в двадцать тысяч долларов. Кенион и большой детектив, имени которого я так и не узнал, срочно вылетели в Майами, а оттуда на машине добрались до здания суда. И там они дожидались, когда судья объявит о размерах залога, выплатить который сразу же Маршалл все равно не сможет, и уж тогда они

смогут надеть на него наручники. Блум дождался в Калусе, и вот в третьем часу дня детективы ввели Эдди Маршалла к нему в кабинет.

Я не присутствовал при том их разговоре. Вместо этого я сидел в офисе у Эйба Поллока, просматривая данные инвентаризации винного магазина, наконец предоставленные его клиентом. И уже совсем незадолго до окончания рабочего дня я отправился в полицейский участок. Протокол допроса был уже напечатан. Он представлял собой четыре отпечатанные через два интервала и скрепленные степлером страницы. Я сидел в тишине одного из пустовавших тогда кабинетов и читал его весь, начиная с оглашения Блумом право и до того момента, когда Маршалл внезапно отказался отвечать на вопросы.

В: Действительно ли вы согласны отвечать на задаваемые мною вопросы в отсутствие адвоката?

О: Давайте же покончим с этим поскорее, ладно?

В: Мистре Маршалл, верно ли то, что ваше подлинное имя Эдварда Маршьялло?

О: Мое подлинное имя? Что вы имеете в виду под подлинным именем?

В: Имя, данное вам при рождении. О: Тогда почему вы так и не сказали, что это то имя, с которым я был рожден? Мое законное имя Эдвард Маршалл, это и есть мое подлинное имя.

В: Это так, но все же тем не менее, вы изменили свое имя

с Эдварда Маршьялло на...

О: А в чем дело? Это что, считается преступлением? Что у нас в стране, если человек меняет имя, то его что, автоматически зачисляют в категорию отъявленных преступников, что ли?

В: Мистер Маршалл, я был бы вам весьма признателен, если бы вы все-таки ответили на заданный вопрос.

О: Да, я изменил имя с Эдварда Маршьялло, ну и что?

В: Мистер Маршалл, когда вы приехали в Калусу?

О: В прошлую среду. А какое это имеет отношение к тому, что вы нашли у меня в машине?

В: Под прошлой средой вы подразумеваете среду шестнадцатого января?

О: Ну, какое это там было число...

В: Среда прошлой недели – шестнадцатое января.

О: Тогда да.

В: И когда вы уехали из Валдосты?

О: В пятницу на позапрошлой неделе.

В: Это одиннадцатого января.

О: Если вам так угодно.

В: Вот, у меня здесь есть календарь. Позапрошлая пятница, это...

О: Я вам верю и так.

В: Значит, вы уехали из Валдосты, штат Джорджия, в пятницу, одиннадцатого января.

О: Да.

В: И здесь вы не появлялись раньше среды, шестнадцатого января.

О: Да, это также верно.

В: Где вы были между этими двумя датами?

О: Я провел некоторое время в «Диснейуорлде», что в Орландо, и затем я с Рифов на яхте вышел в море.

В: С которого времени до которого?

О: Имеете в виду, когда я был на яхте?

В: Да.

О: С воскресенья до вторника.

В: Значит, с тринадцатого по пятнадцатое января.

О: Если вы так считаете... ведь у вас календарь...

В: Так, а вот вы сами не желаете разве сверить даты по календарю?

О: Нет, в этом нет необходимости. Я предполагаю, что это те самые дни.

В: И вы утверждаете, что приехали в Калусу в среду.

О: Абсолютно верно.

В: Вы на машине приехали сюда с Рифов, не так ли?

О: Да.

В: А точнее, откуда вы выехали?

О: Из Исламорады.

В: А та яхта, на которой вы были. Где вы ее взяли?

О: Одолжил.

В: У кого?

О: У знакомого.

В: В Исламораде?

О: Да.

В: Как зовут вашего знакомого?

О: Джерри Купер.

В: Мы не обнаружили никого по имени Джерри Купер в Исламораде.

О: Это ваша работа, не моя.

В: Ну да. Мистер Маршалл, вам говорит что-нибудь название «Марджо»?

О: Нет.

В: А в Калусе вы где останавливались?

О: Я не помню названия.

В: А вы не припомните, это был отель или мотель?

О: Мотель.

В: Вы помните, хотя бы, где он находился?

О: Где-то на Трейл.

В: А это не мог быть мотель «Марджо»?

О: Я не желаю больше отвечать на ваши вопросы.

Вот и все. Я сложил страницы обратно в прозрачную пластиковую папку, поднял свой кейс и снова вышел в приемную. Женщина за пишущей машинкой сказала мне, что Блум с кем-то занят, и что она не знает, когда он освободится. Я попросил ее оказать мне любезность, связаться с ним по селектору и сказать, что я его жду. Она так укоризненно посмотрела на меня, и взгляд ее говорил о том, что вот, мол, сейчас уже половина шестого вечера, а она все еще здесь и

до сих пор печатает, и вообще у нее нет времени на то, чтобы отвлекаться от работы – но все же в конце концов она нажала на кнопку селектора.

– Он сейчас выйдет к вам, – сказала она мне, положила трубку и тут же снова принялась печатать. Через мгновение из своего кабинета вышел Блум.

– У меня снова проблемы, – заговорил он. – Сейчас у меня в кабинете сидит женщина, хозяйка мотеля «Марджо». Ее зовут Мэри Гибсон. Ее покойного мужа звали Джозеф Гибсон (вот так они и выбрали название для своего заведения). Я хочу расспросить ее кое о чем относительно Маршалла, но полицейский, который вез ее сюда, упомянул о том, что мы тут занимаемся расследованием убийства, и теперь я не могу ни слова из нее вытянуть. Хочешь с ней поговорить? Иди, расскажи ей там что-нибудь про закон, что ей совершенно не стоит ни о чем беспокоиться... Ладно?

– Конечно, – согласился я.

Мэри Гибсон была невысокой полной женщиной с седеющими волосами и темно-голубыми глазами. На ее круглом лице застыло выражением уверенного неповиновения. Она сидела в кожаном кресле напротив стола Блума, теребя в руках сумочку. Оглянувшись на дверь, когда я вошел, она поглядела на меня так, как будто бы я бы Великим Инквизитором, специально прибывшим для того, чтобы лично начать пытку.

– Это мистер Хоуп, – обратился к ней Блум, – он адвокат.

Мэттью, это миссис Гибсон, ей принадлежит мотель «Марджо».

– Очень приятно, – сказал я.

– А вы какой адвокат? – тут же спросила она. – Вы государственный адвокат?

– Нет, мэм, у меня частная практика, – ответил я.

– Мне не нужен никакой адвокат, – решительно заявила миссис Гибсон. – Я вообще никакого отношения не имею к разным там убийствам.

– Так ведь этого и не утверждает никто.

– Так тогда зачем же мне адвокат?

– Мистер Блум подумал, что я мог бы разъяснить вам положения законодательства.

– Я в этом не нуждаюсь. Когда полиция попросила меня приехать сюда, мне ничего не сказали о том, что здесь расследуются убийства. Я не хочу иметь с этим ничего общего. Вот так. Коротко и ясно.

– Миссис Гибсон, вас ни в чем не подозревают, вам не надо...

– Но зачем же я здесь в таком случае?

– Для нас вы свидетель, обладающей жизненно важной для следствия информацией. И в этом качестве вы обязаны отвечать на любые вопросы, которые полиция сочтет необходимым вам задать.

– Я не обязана делить что бы то ни было, если только я сама этого не пожелаю...

– Миссис Гибсон, если вы откажетесь отвечать на вопросы мистера Блума, то в его власти будет вызвать вас в суд для дачи показаний под присягой.

– И что же это означает?

– Там вам уже будет приказано отвечать. А если вы и тогда все же станете отказываться...

– Да, и что тогда?

– Вас могут привлечь к ответственности за неуважение к суду. Я уверен, что вы не хотите, чтобы подобное произошло.

– Я буду отвечать на вопросы только в присутствии адвоката.

– Миссис Гибсон, для свидетеля закон не предусматривает права на пользование услугами адвоката. Вас ни в чем не обвиняют. Мистер Блум просто...

– Скажи ей, пусть вызывает адвоката, – сказал Блум, – уж я как-нибудь и это переживу. Пусть будет так.

– У меня нет адвоката, – объявила она.

– Ну ладно. Вот мистер Хоуп тоже юрист, может быть вы согласитесь воспользоваться его услугами?

– А что вы заканчивали? – обратилась миссис Гибсон ко мне.

– Что? – не понял я.

– Мэттью, скажи ей, где ты учился.

– В Нортвестерне.

– Где это?

– В Эванстоне, штат Иллинойс.

– Значит вы не учились в Гарварде?

– Нет.

– Или в Колумбийском университете?

– Нет.

– Ну ладно, – с сомнение проговорила она, – я думаю, что вы мне все же подойдете. Но если только он спросит у меня что-нибудь не то...

– Я заявлю протест, мэм.

– Так смотрите же, – сказала она мне и обратилась к Блуму. – Так что вы хотели узнать у меня?

Он говорил с ней всего пять минут.

Этого времени ему оказалось вполне достаточно.

Глава 12

Охранник провел нас по второму этажу здания и вскоре мы оказались у стальной двери в самом конце коридора. Он взялся за висевшую у него на поясе связку ключей и вставил в замок ключ с нанесенным на нем красным цветовым кодом. Ключ повернулся, и тяжелая дверь приоткрылась.

– Сюда, пожалуйста, – сказал Блум.

Мы шли по узкому коридору между двумя рядами железных решеток, затем коридор резко заворачивал вправо и заканчивался там тупиком, в самом конце которого находились две камеры. Эдди Маршалл был в самой дальней из них. Охранник открыл дверь его камеры при помощи того же кодового ключа. Миссис Гибсон остановилась в нерешительности.

– Все в порядке, – подбодрил ее я.

Мы трое вошли в камеру, и охранник закрыл за нами дверь.

– Мистер Маршалл, – заговорил Блум, – это миссис Гибсон, это ей принадлежит мотель «Марджо» на Саут-Трейл. Мне бы хотелось, чтобы вы...

– А вы-то что здесь делаете? – спросил Маршалл у меня.

– Это ее адвокат, – ответил за меня Блум. – Мне бы хотелось, чтобы вы выслушали сейчас все, что станет нам рассказывать миссис Гибсон, но прежде всего я хочу удостове-

ряться, что вы в полной мере осознаете свои права. Ранее сегодня, до того как у нас с вами состоялся разговор, я уже объявлял вам, что вы имеете право хранить молчание, что вы не обязаны отвечать на мои вопросы и что любое ваше слово впоследствии может быть использовано против вас. Вы это помните?

– Это я помню, – подтвердит Маршалл.

– Итак, все остается в силе и в данный момент. Может быть вы желаете воспользоваться услугами адвоката?

– Здесь и одному-то адвокату делать нечего, – буркнул Маршалл.

– Означает ли это, что вы отказываетесь от услуг адвоката?

– Коль скоро я могу в любой момент замолчать, если только пожелаю того, то зачем мне здесь нужен адвокат?

– Итак, да или нет, мистер Маршалл?

– Нет.

– О'кей. Тогда сейчас в вашем присутствии я задам миссис Гибсон несколько вопросов, и она будет мне на них отвечать. Я хочу, чтобы вы очень внимательно послушали, что она будет говорить, потому что позднее я спрошу вас о том же. Вам все понятно?

– А как же, – подтвердил Маршалл.

– Миссис Гибсон, вы узнаете этого человека?

– Да, – ответила миссис Гибсон.

Казалось, что теперь от ранее охватившего ее малодушия

не осталось и следа. Она стояла перед Маршаллом, сидевшим на узкой, прикрепленной к стене койке, и смотрела на него в упор так, как будто хотела тем самым бросить ему вызов, если он вдруг только осмелится опровергнуть ту правду, что она здесь сейчас говорит.

– Является ли он одним из тех, кто останавливался в принадлежащем вам мотеле «марджо»?

– Да.

– Он снял комнату в вашем мотеле под именем Эдварда Маршьялло?

– Да, такое имя значится в моих записях.

– И вы можете подтвердить, что это тот самый человек, который записался у вас в книге для гостей под этим именем?

– Да, это он.

– Миссис Гибсон, скажите, вы просматривали книгу регистрации в последнее время?

– В последний раз я просматривала все записи вчера ночью, когда вы мне позвонили.

– Я тут...

– Когда мне позвонили из полиции.

– А вы можете сказать мне, когда мистер Маршьялло?..

– Послушайте, с меня довольно, – перебил его Маршалл.

– А с вами я пока вообще не разговариваю, – огрызнулся

Блум. – Ваша задача на данном этапе состоит в том, чтобы просто смиренно сидеть здесь и слушать, что говорят дру-

гие, ясно? – он снова обернулся к миссис Гибсон. – Вы можете сказать мне, когда этот человек остановился в вашем мотеле?

– Да. Это было вечером в пятницу, одиннадцатого января.

– Он тогда был один?

– Я здесь не намерен выслушивать...

– Заткнитесь, Маршалл, – строго приказал Блум. – В данном случае никакие ваши дурацкие права не нарушаются. Так, миссис Гибсон, он остановился у вас один?

– Да.

– А когда он уехал из вашего мотеля?

– Вчера поздно вечером.

– В котором часу это было?

– Примерно в половине одиннадцатого или около того.

– Итак, миссис Гибсон, вы можете сейчас рассказать мне вот о чем, скажите, а на протяжении всего времени проживания в вашем мотеле мистер Маршалл что, так и оставался всегда один?

– Я не желаю ничего этого больше слушать, – воскликнул Маршалл и внезапно вскочил на ноги.

– Сидеть! – скомандовал Блум.

– Еще чего! А я не желаю сидеть! Вот вы, вы же ведь юрист, – заговорил он, обернувшись ко мне, – так хоть вы-то скажите ему, что я желаю, чтобы он перестал.

– Так ведь он же не вас допрашивает. И к тому же он вас еще ни в чем не обвиняет, – принялся объяснять я, – так что

он не обязан...

– Нет? А как же это тогда называется, если он вдруг вот так притаскивает с собой кого-нибудь сюда и...

– К вам этот закон абсолютно никакого отношения не имеет, – ответил я, – так что даже думать об этом забудьте. Если он сочтет нужным, то он имеет право требовать, чтобы у вас был взят анализ крови, он также имеет право снять у вас отпечатки пальцев, сфотографировать вас, измерить ваш рост, надеть на вас шляпу или пальто, попросить вас достать пальцем до носа, собрать монеты, дать вам прочитать вслух заранее написанные им слова – и также выслушать свидетельские показания. Вот когда очередь дойдет до вас, тут вы уже сможете отказаться отвечать на вопросы. Но ведь он с вами еще не разговаривает. Я со своей стороны могу порекомендовать вам, мистер Маршалл, просто молча и спокойно все выслушать.

Маршалл снова уселся на койку, и тогда я понял, что это был конец для него. Все, он проиграл. В его покорном отчужденном взгляде, в том, как он сидел теперь, было что-то такое, что подсказывало мне, что присутствие духа покинуло его, и это был конец. Он определенно знал, что миссис Гибсон скажет в следующий момент, он знал, что Блум устроил все так, что в данной ситуации у него не было равным счетом никаких прав, и что теперь от него самого уже ничего не зависит, и что ничего больше он не сможет сказать в опровержение. Это было концом долгого пути, берущего начало

в Валдосте, штат Джорджия одиннадцать дней назад, а возможно даже и задолго до того.

– Миссис Гибсон, – сказал Блум, – он так и оставался один все время пребывания в мотеле «марджо»?

– Нет, он не всегда был один.

– Вы можете...?

– Ладно, – сказал тихо Маршалл.

– Вы можете мне сказать, кто еще был там с ним?

– Маленькая девочка.

– Когда она появилась у него?

– В воскресенье ночью, тринадцатого января.

– Вы можете описать?

– Ладно, – снова проговорил Маршалл.

– Вы можете описать, как выглядела эта девочка?

– Девочка лет шести-семи, у нее были длинные черные волосы. Она была одета в длинную ночную рубашку, я видела, как он нес ее от машины к...

– Ладно же, черт побери! – заорал Маршалл.

В камере воцарилась тишина.

– Вы желаете мне что-то об этом рассказать? – спросил

Блум.

– Да ведь вы и так уже все знаете, чтоб вас...

– А вы все равно расскажите, – на этот раз несколько мягче сказал Блум.

– Да, это я убил их, – проговорил Маршалл и перевел взгляд на свои руки. – Я убил их обеих.

– Давайте же все-таки начнем с самого начала, – предложил Блум.

А началось это давным-давно, еще в Новом Орлеане, когда Эдди Маршалл, взяв за основу обычную солому практически на деле и не существующего вокального таланта Виктории Миллер, превратил ее в чистое золото трехмиллионного тиража трех ее альбомов. А взамен за это Викки удостоила его своим вниманием (о чем, кстати, уже рассказывал ее отец). Итак, они были любовниками, и отношения их продолжались до тех пор, пока слава и настойчивые ухаживания Кенига, а также все эти знакомства с его знаменитыми приятелями, не вскружили ей голову, и тогда Викки решила, что замуж выходить ей следует именно за Кенига. За месяц до их свадьбы они с Маршаллом в последний раз (по крайней мере сам Маршалл так считал) занимались любовью (на этом эпизоде миссис Гибсон отвернулась от него и в ужасе тупо разглядывала стену в коридоре сквозь решетку камеры. Возвратившись после медового месяца, Викки позвонила Маршаллу и объявила, что беременна. От него.

– От вас? – переспросил Блум.

– От меня.

– Мистер Маршалл...

– Это был мой ребенок. Она была замужем за Тони всего неделю, а ребенок тот был моим – с того последнего раза, когда мы были с ней вместе. И она убила его. Она так упиралась над этим альбомом, нашим последним альбомом!.. а

ведь знала, что беременна, но все же работала на износ. Вот и получился выкидыш, а все из-за того, что она сама упахивалась, да и всех остальных до изнеможения. Она убила моего ребенка.

Сразу же после того, как Викки перестала записываться, а группа «Уит» распалась, он уехал из Нового Орлеана и осел в Нэшвилле на одной из небольших компаний, занимавшихся звукозаписью («Я был настоящим гигантом, работавшим на той фирме среди одних лилипутов») и после краха этой компании, ему наконец удалось устроиться на место диск-жоккея в Джорджии. В 1973 году, после пятилетнего перерыва, он снова приехал в Новый Орелан. Она все еще была замужем за Кенигом, но брак их уже давно трещал по всем швам, и когда Викки пришла проведать Маршалла в отель «Роял Сонеста», где тот остановился, она заявила, что вот уже несколько месяцев между нею и мужем нет никаких отношений. И разумеется неизбежно она снова оказалась в постели у Маршалла. И конечно же неизбежно, или это ему просто так тогда казалось, она снова забеременела. Через два месяца после той встречи она снова позвонила, чтобы рассказать ему последние новости и снова объявить о том, что и на этот раз ребенок этот, несомненно, его.

– Она обещала мне, что сделает все, чтобы не потерять его на этот раз, что она будет всегда заботиться о нем, оберегать, чтобы с ним ничего не случилось. Когда Элисон родилась, меня об этом тоже известили. Элисон Мерси Кениг, на той

открытке так было написано. Кениг. Моя дочь – с фамилией Кенига.

Потом наступило продолжительное молчание – если не брать в расчет рождественские открытки с небольшими приписками, сделанными от руки, из которых Маршалл узнавал, как растет его дочь, которую он так не раз и не видел. А потом было это, недавнее рождество, на которое он получил открытку, где Викки написала, что она собирается снова вернуться в бизнес, и что одиннадцатого января у нее состоится премьерное выступление в ресторане «Зимний сад». Он позвонил ей в новогоднюю ночь. Он был пьян. Трубку сняла маленькая Элли. Должно быть у Викки в доме были гости, потому что он слышал, что на том конце провода довольно шумно, он слышал, как его дочь кричала сквозь этот шум матери, что ей звонит «мистер Маршалл». Мистер Маршалл. Его собственная дочь называет его мистером Маршаллом. Насколько он мог судить по голосу, Викки была тоже пьяна. Он было начал выговаривать ей, что вот, дескать, она обещала всегда заботиться о малышке, чтобы ничто и никогда с ней не случилось, в ответ же на это Викки рассмеялась и сказала, что очень скоро у нее будет очень много денег и тогда уж она сможет нанять дюжину гувернанток для Элли, и вообще ему не о чем беспокоиться. Он не знал, что она имела в виду. И как она могла рассчитывать на то, чтобы вообще получить хоть что-нибудь, выступая на публике, будучи при этом абсолютно безголосой? Он сказал ей, что не стоит

этого делать. Он ее предупредил. В ответ же она послала его к черту и бросила трубку. Он так и остался сидеть за столом в снимаемой им комнате. Одним рывком он сорвал со стены телефон и запустил им в висевшее над столом зеркало, которое от удара разлетелось на множество осколков.

Одиннадцатого января, в самый день премьеры Викки, он приехал в Калусу из Валдосты, Джорджия. У него и в мыслях не было убивать ее. Он собирался просто поговорить с ней, попытаться урезонить ее. Приехав в Калусу, он тут же отправился к ней. Это было перед самым выступлением. Он умолял ее не браться за это, он упрашивал ее лучше заботиться об их ребенке, ведь она же обещала. Она же заявила ему на это, что Элли уже совсем не ребенок, ей в конце концов уже шесть лет исполнилось, и кроме того, очень скоро у них будет очень-очень много денег, и вообще ему не о чем волноваться. Тогда он поинтересовался, откуда она возьмет эти деньги, и она ответила, что получит их из траста. Раньше Эдди вообще никогда не доводилось слышать о существовании какого-либо траста, и поэтому он тут же решил, что она выдумала все это специально для него, что она еще до сих пор рассчитывает зарабатывать миллионы своим пением, как это было тогда, в шестидесятых. Он снова предупредил ее. Он приказал ей оставить эту затею, а не то он отберет у нее ребенка, на что она заявила, что будет гораздо лучше, если он поскорее уберется из ее дому, пока она еще не вызвала полицию. Он так и ушел тогда, даже не увидев в тот ве-

чер собственной дочери. В ту ночь Элли оставили ночевать у знакомых, чтобы Викки могла спокойно подготовиться к своей дурацкой премьере!

– И вот до чего дошло, – говорил Маршалл. – Она забросила Элли ради своей вонючей карьеры! – он замотал головой и неожиданно разрыдался. Миссис Гибсон оторвала взгляд от решетки и удивленно взглянула в его сторону. На лице ее появилось выражение сострадания. Она так и стояла, глядя на Маршалла, как будто ей хотелось подойти, обнять его, успокоить. Блум ждал. Маршалл вытащил носовой платок из заднего кармана выданных ему в тюрьме темно-синих брюк и высморкался в него. Он вытер слезы, и тяжело вздохнув, снова высморкался, а затем отрицательно покачал головой и снова заговорил, – Я... я все же... все же я не собирался убивать ее. Мне была нужна только моя дочка. Я собирался всего лишь забрать мою дочурку. Вот наверное почему я и остановился в гостинице под своим старым именем. Потому что я собирался забрать у нее своего ребенка. Да и то если только не смогу ее отговорить от... от того неверного шага, который она все же совершила. Я имею в виду ту ругательную рецензию в субботней газете, она же сама должна была сообразить, что это был дохлый номер, что все равно ничего из этого не вышло бы. В воскресенье я... я позвонил ей минут без десяти восемь вечера, я рассчитывал застать ее дома до того, как она уедет в свой этот поганый ресторан. Но ее уже не было, и вместо нее мне удалось поговорить лишь

с нянькой. Лиха беда начало, понимаете, она уже начинала бросать мою дочь на попечение няньки, в то время... в то время, как сама... – он снова замотал головой и начал заламывать руки. Миссис Гибсон во все глаза смотрела на Маршалла, будучи не в силах оторвать взгляд от его лица.

– Я снова позвонил в половине одиннадцатого, я думал, что она вернется домой сразу же после окончания шоу. Оно ведь в десять закончилось, вы же ведь знаете об этом. Вот я и подумал, что она сразу же вернется домой к Элли, но нет, опять эта чертова нянька! И потом я позвонил еще примерно в четверть двенадцатого, и на этот раз уже я сам просто-напросто наказал няньке передать Викки, что я еще заскочу к ней, чтобы забрать. Я поставил машину на другом конце улицы, а она подъехала к своему дому примерно в половине двенадцатого. Я видел, как она зашла в дом, затем вышла и подошла к тому мету, где мистер Хоуп дожидался ее в своей машине. Я видел, как они потом вместе зашли в дом. Я... я дожидался, когда наконец он уйдет. Он ушел от нее примерно в половине четвертого утра. Во всем ее доме было освещено только одно окно, я подумал, что это должно быть, окно спальни, что скорее всего она так и заснула, не успев выключить свет. Задняя дверь дома оказалась незапертой на замок, через нее-то я и попал внутрь дома. Она обнаженная лежала на кровати. На столике горел ночник. Я разбудил ее и сказал, что забираю Элли с собой. Она... она сразу же бросилась к телефону, и я оттолкнул ее, а она...

она начала рыдать... и... и набросилась на меня с кулаками и я... я просто... потерял контроль над собой, наверное. Я начал отталкивать ее от себя, и потом я... я начал бить ее, а после... я не помню, наверное я... я стал колотить ее головой о кафель на полу, пока она... мне кажется, пока она... не умерла.

Он взглянул на свои руки и содрогнулся всем телом. Он все еще разглядывал свои руки. И я был удивлен, когда заметил, что у миссис Гибсон по щекам текут слезы. Блум немного подождал, а затем очень осторожно спросил:

– Мистер Маршалл, а с дочерью вашей что потом было?

– О Господи, – выдохнул он.

– Вы ведь расскажете мне сейчас и о ней тоже?

– Господи, – снова застонал он. – Господи, – и снова начал заламывать руки, а затем быстро закрыл ладонями лицо и начал рассказывать. Голос его глухо звучал сквозь ладони. – Я забрал ее с собой в мотель. Я понимал, что ее обязательно станут искать, и еще подумают, что я похитил ее ради выкупа, свою-то собственную дочь! Я никуда не мог с ней отправиться, нельзя было допустить, чтобы ее кто-нибудь увидел. На ней была все та же ночная рубашка, в которой она была, когда я забрал ее ночью в воскресенье из дома. Я не знал даже, можно ли мне пойти и купить ей что-нибудь из одежды, я вообще представить себе не мог, что делать. Когда в среду я отправился на похороны, то ее я оставил связанной у себя в комнате в мотеле, связанной и с кляпом во рту, свою-то

собственную дочь! Я просто не знал, как поступить дальше.

– А почему вы все же пришли на похороны? – спросил Блум.

– Я подумал, что если я буду там, я имею в виду, если я буду там и стану выражать свою скорбь по ней, то никому не придет в голову заподозрить меня, понимаете, что я имею в виду? А затем, когда мы разговаривали с мистером Хоупом, я выяснил, что ему известно о тех моих звонках, а если знает он, то полиции все и давно известно, разве нет? Итак, мне во что бы то ни стало нужно было выбраться из Калусы, увезти Элли куда-нибудь далеко-далеко от этого места. Но я не знал, куда. Я понимал, что возвращаться обратно в Джорджию с ней мне нельзя, а ничего другого мне на ум не приходило, я не знал, как поступить дальше. Та работа в Джорджии для меня ровным счетом ничего не значила, я мог бы запросто бросить ее, но ведь я вообще не имел представления, куда после всего этого можно было бы податься. Я имею в виду, как мне было можно где-либо найти работу или вообще появиться где-либо на людях вместе с дочкой, когда здесь все уже перевернули вверх дном, разыскивая ее?

Он все еще сидел, закрыв лицо руками. Его слова было трудно расслышать. Блум придвинулся поближе к нему. Я стоял рядом с миссис Гибсон, которая достала из сумочки на редкость изящный, обшитый по краям платочек и промокнула им глаза, а затем спрятала его обратно в сумочку. Щелчок металлического замочка прозвучал в той маленькой ка-

мере на манер оглушительного выстрела.

– Была... была пят... была пятница. Я тогда наконец решился выбраться отсюда. Думал сначала вместе с ней отправиться на Рифы, там нанять яхту, и выйти в море, и оставаться там до тех пор, пока не обдумаю окончательно своего последующего шага. Я сказал Элли, что мы уезжаем. Еще раньше я принес с рынка фрукты, немного сыра, бутылку вина, и мы ужинали у меня в комнате, и я ей как раз тогда сказал, что завтра утром мы уедем. Мы поплывем на яхте, рассказывал ей я, и еще спросил, любит ли она кататься на яхте. Элли объявила мне, что со мной ей ни на какой яхте кататься не хочется, и вообще она хочет домой к маме. Я сказал... я сказал ей, твоя мама умерла, малышка, и потом в первый раз с тех пор, как я увез ее из дома я... я рассказал ей, кто я. Я ей сказал: «Я твой папа, я буду о тебе хорошо заботиться, ты не бойся». Она серьезно поглядела на меня, а я как раз тогда сидел и чистил апельсин, а в руке у меня был нож, который я всегда держу в машине на всякий случай, ну там, если вдруг придется отправиться на рыбалку... я им чистил апельсин, для нее, этот апельсин был для нее, а она поглядела на меня и сказала: «Ты не мой папочка! Мой папочка Тони Кениг!» – и тут она проворно вскочила на ноги и побежала к двери. Я поймал ее у самого порога, она даже замка не успела открыть, я схватил ее за волосы, и я... она стала вырываться, а у меня в руке был нож, я... я просто... я думаю, что я... снова вышел из себя, черт возьми, она сказала, что Тони – ее

папочка, в то время как это я был ее отцом! И я... я думаю... я, это... ножом. Кажется я... я ей горло ножом...

– Ну ладно, мистер Маршалл, – проговорил Блум.

– Кажется я ее убил.

– Ладно, – сказал Блум.

– Я очень сожалею, – еле выговорил Маршалл.

Наверху в приемной миссис Гибсон стала просить прощения у Блума, что она не проявила должной бдительности во время проживания Маршалла в ее мотеле. Она ведь видела, как он принес девочку, она видела фотографии пропавшей девочки и в газетах, и по телевизору, но тогда она вовсе не придавала этому никакого значения, не увидела в том никакой взаимосвязи. Блум уверил ее, что в том вовсе не было ее вины. Он поблагодарил миссиз Гибсон за оказанную помощь, а затем попросил одного из полицейских отвезти ее обратно домой. Стенные часы показывали половину седьмого вечера. В участке было на редкость тихо и спокойно. Блум волновался, что признание Маршалл может быть сочтено недействительным, потому что сделано оно было в присутствии меня и миссис Гибсон. Я сказал ему, что, лично я не вижу никаких оснований для возражений по этому поводу, но Блум все равно выглядел очень обеспокоенным и сказал, что ему все же хотелось бы тут же связаться с адвокатом штата.

– Вот видишь, ведь у них всегда на все есть свои собственные причины, – он грустно покачал головой. – Помнишь, что я тебе тогда сказал? У них всегда и на все есть причины,

Мэттью. Это только в фильмах убийства совершаются из-за денег. В реальной же жизни всему причиной – мужья, жены и их дочери, – он опять покачал головой. – Убил двоих, себе всю жизнь изломал. Как же такое могло случиться, Мэттью? Ведь в своей профессии он же ведь был настоящим гигантом, колоссом, я бы сказал.

– Но вот в душе он так и остался злым карликом.

Сразу же по возвращении домой я позвонил Джоанне. Мне лишь только хотелось услышать ее голос, услышать, как она говорит мне: «Папочка!» Джоанна объявила, что совсем недавно у нее состоялся разговор с Эндрю Жестокий, во время которого она поставила его в известность, что встречаться она с ним больше не хочет, и вообще она не уверена, что ей вообще когда-либо захочется снова даже видеть его. Я с удовлетворением отметил про себя, что она так и назвала его: Эндрю Жестокий.

– Вот так, – сказала она.

– А ты уверена, что ты поступила правильно? – поинтересовался я.

– Да, разумеется, уверена, – прощепетала она. – Пап, спасибо тебе, вот.

– Я люблю тебя, – сказал ей я.

– Я тебя тоже очень-очень люблю, папочка.

Я осторожно положил трубку и еще некоторое время смотрел на телефон. В глазах у меня стояли слезы. Я просидел неподвижно, как мне показалось, еще довольно долго, а

затем снова снял трубку и набрал номер телефона Дейл.